ТАРТУСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
Кафедра русской литературы

Роман Абисогомян

Роль русских военных деятелей в общественной и культурной жизни Эстонской Республики 1920–1930-х гг. и их литературное наследие

Диссертация на соискание учёной степени *magister artium*

Научный руководитель —
доктор филологических наук
проф.-эмеритус **С. Г. Исаков**

Тарту, 2007

Оглавление

Введение ……..……..……...3

Глава I. Основные направления деятельности русских военных в Эстонии 1920–30-х гг.…….....10
§ 1. Русские военные в Эстонии 1920–30-х гг. Начало нового этапа.....10
§ 2. Конспиративная и разведывательная деятельность. Русский Обще-Воинский Союз.....……...20
§ 3. Служба в эстонской армии и военных учебных заведениях.....44
§ 4. Полковые, корпусные, училищные и иные объединения …….....54
§ 5. Объединение георгиевских кавалеров.....…….....60
§ 6. Общества помощи военным инвалидам.....…….....64
6.1. Союз русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии.....64
6.2. Комитет «Дня русского инвалида».....….....78
6.3. Союз русских военных инвалидов в Эстонии.....82
6.4. Благотворительное общество «Белый крест».....85
§ 7. Союз взаимопомощи чинов бывшей Северо-Западной армии и русских эмигрантов в Эстонии.....86
§ 8. Общество помощи бывшим русским военнослужащим в Эстонии.....…….....96
§ 9. Объединения бывших русских моряков…….....98
§ 10. Молодежные организации.....101

Глава II. Литературное наследие русских военных в Эстонии 1920–30-х гг.…….....….....110
§ 1. А. К. Баиов.....111
1. 1. Обзор творческого наследия А. К. Баиова доэмигрантского периода.....111
1. 2. Проблематика творчества А. К. Баиова в период эмиграции.....119
1. 2. 1. Общетеоретические и частные вопросы военного искусства
а) Курсы лекций.....119
б) Проблематика Первой мировой и Гражданской войн и вопросы возрождения будущей русской армии.....128
1. 2. 2. Характеристика выдающихся личностей в их связи с военным искусством…….....141
а) Полководцы……...141
б) Писатели.....145
§ 2. Э. А. Верцинский.....147
§ 3. Э. Г. фон Валь.....152
§ 4. Г. И. Афанасьев (Копьев) 156

Заключение…….....160
Kokkuvõte.....163
Список сокращений.....166
Список использованной литературы……..167

Введение

В результате распада Российской империи и последовавших затем трагических событий Гражданской войны офицерский корпус русской армии оказался раздробленным и обескровленным: многие офицеры погибли, часть осталась в Советской России, другая часть была вынуждена эмигрировать. По подсчетам С. В. Волкова, из числа приблизительно 310 тысяч офицеров русской армии периода 1914–1922-х гг. в эмиграции оказалось до 70 тысяч офицеров [Волков 2000, 530]. Не менее трех тысяч человек из этого числа составлял генералитет [Домнин 2000, 489], а из общего числа офицеров Генерального штаба, представлявших элиту русской армии, в 1922 г. за рубежом находилось 677 человек [Рутыч 2002а, 9]. Если учесть тот факт, что большая часть русских офицеров, оставшихся в Советской России, была безжалостно уничтожена, то, действительно, нельзя не согласиться с мнением И. В. Домнина, полагающим, что «едва ли будет преувеличением сказать, что вне Родины оказался цвет офицерского корпуса» [Домнин 2000, 490].

Большая часть представителей русской военной эмиграции проживала в странах европейского континента, прежде всего в Болгарии, Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев (будущей Югославии), Чехословакии, Германии, Польше и Франции, но постепенно русские военные расселились по всему миру. Несмотря на то, что новые условия повседневной жизни во многом уровняли военных эмигрантов и гражданских беженцев, все-таки корпоративное единство и стремление сохранить и передать потомкам традиции русской армии русского офицерского корпуса в изгнании были настолько сильны, что позволяют говорить об особом мире культуры русского военного зарубежья. Во всех местах своего эмигрантского рассеяния русскими военными были организованы многочисленные полковые объединения, объединения воспитанников кадетских корпусов, юнкерских училищ, военных академий, создавались союзы, кают-компании, кассы взаимопомощи и так далее. Самым крупным и значительным образованием русской военной эмиграции был, бесспорно, Русский Обще-Воинский союз, объединявший большую часть офицерского корпуса русской армии за рубежом.

Количественно небольшая, в сравнении с некоторыми центрами Русского Зарубежья, но значительная часть русских военных нашла себе приют в 1920–1930-е гг. в Эстонии. Обращение к истории первой Эстонской Республики показывает, что офицеры бывшей российской армии оставили определенный след в ее истории и играли немаловажную роль в жизни русской диаспоры того времени. За отмеченный период русские военные создали в Эстонии немалое число воинских объединений и союзов (Касса взаимопомощи моряков, Союз взамопомощи чинов бывшей Северо-Западной армии и русских эмигрантов в Эстонии, Союз русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии, Комитет «Дня русского инвалида», Союз русских военных инвалидов в Эстонии, Общество помощи бывшим русским военнослужащим в Эстонии, а также ряд полковых, училищных объединений, и объединений воспитанников кадетских корпусов и георгиевских кавалеров), а также принимали активное участие в других общественных организациях (объединения русских скаутов в Эстонии, спортивное общество «Витязь», Общество помощи больным эмигрантам, «Белый крест», Русское общественное собрание в Таллинне и др.).

Русские военные специалисты внесли существенный вклад в дело образования и воспитания эстонских офицерских кадров. Так, еще до революции в высших военных учебных заведениях России учились будущие представители высшего офицерского

состава эстонской армии, а многие из них, в частности Й. Лайдонер, Я. Соотс, Н. Реэк, П. Лилль, Ю. Тырванд закончили Николаевскую военную академию Генерального Штаба. Оказавшись в Эстонии, представители высших чинов российской армии (например, А. К. Баиов, Д. К. Лебедев, Г. М. Ванновский, В. Л. Драке) преподавали в военных учебных заведениях Эстонской республики и готовили офицерские кадры для эстонской армии.

Активная деятельность русских военных находила свое отражение и в литературном творчестве. Военные специалисты (Э. А. Верцинский, А. К. Баиов, Б. В. Энгельгардт и др.) создавали произведения разных жанров: монографии и отдельные статьи научного и публицистического характера, воспоминания, изучение которых представляется также весьма важным для воссоздания наиболее полной картины общественной и культурной жизни русской диаспоры в Эстонии тех лет.

Предварительные замечания. По определению профессора С. Г. Исакова, «предыстория русской общины в Эстонии 1920–1930-х гг. — это трагедия белой Северо-западной армии генерала Н. Н. Юденича в 1919–1920-х гг. Именно бывшие воины Северо-западной армии с отступившими вместе с ней на территорию Эстонии беженцами составили костяк русского эмигрантского общества в первой Эстонской Республике» [Исаков 2001а, 9]. Действительно, остатки Северо-Западной армии были основой в формировании как русской эмиграции в целом, так и сообщества русских военных в Эстонии в частности. В общем же состав русского офицерского корпуса в Эстонии был несколько шире. В этой связи уместно будет привести исчерпывающее определение В. Ф. Ершова, который полагает, что феномен русской военной эмиграции включал в себя следующие категории: «1. военнослужащих бывших белых армий, принимавших участие в Гражданской войне в России в 1917–20 гг. и эвакуированных за рубеж; 2. военных чиновников и военную администрацию, действовавших в занятых белыми войсками регионах, а также членов их семей, в своей профессиональной деятельности связанных с армией; 3. военных пенсионеров, оказавшихся на территориях бывшей Российской империи (в Польше, Финляндии и т. п.), а также бывших российских военнопленных в Германии и Турции и солдат российского экспедиционного корпуса во Франции; 4. «военную молодежь» — юнкеров и кадетов военных училищ, эвакуированных вместе с белыми армиями за рубеж в 1919–1922 гг.; 5. активных функционеров военных эмигрантских организаций и боевиков экстремистских групп периода 1920–1930-х гг., ранее служивших в белых армиях и разделявших идеологию «белого движения»; 6. военных дипломатов и агентов бывших российских посольств; 7. военнослужащих российской дореволюционной армии, в индивидуальном порядке бежавших за рубеж в 1917–1922 гг.» [Ершов 2003, 13–14].

Действительно, в 1920–30-х гг. военная часть русской диаспоры в Эстонии состояла не только из бывших военнослужащих Северо-Западной армии, но и из военных других белых армий, военных пенсионеров, ряда военных чиновников, а также военных, не принимавших участие в белом движении и прибывших в Эстонию по оптации или как эмигранты. Однако на территории Эстонии проживала еще одна категория бывших русских военных, которая, по понятным причинам, оказалась не учтенной в процитированных выше определениях. Эта категория военных состояла из уроженцев Эстонии (точнее — Эстляндской и части Лифляндской губерний), которые после многолетних военных скитаний вернулись домой, на свою родину. Среди них были и русские, и эстонцы, но большую часть составляли прибалтийские немцы, — все они, естественным образом, не причисляли себя к эмигрантам. Однако, вернувшись на свою родину, местные немцы и русские вынуждены были смириться с

утратой своих былых привилегий: теперь их положение в Эстонии определялось статусом национального меньшинства, что во многом сближало их с общей массой российской эмиграции. Все же, учитывая этот момент, в нашем случае было бы не совсем корректным употребление термина ‘русская (российская) военная эмиграция’.

Некоторых пояснений требует и первая составляющая этого термина — «русская», так как по национальному признаку, как уже было сказано, состав бывших военных российской армии в Эстонии был разнороден. Под определением «русский» понимается не узкоэтническая, а в большей степени и в широком смысле культурная принадлежность. Среди бывших русских военнослужащих в Эстонии в 1920–30-е гг. были и эстонцы, и те, кто имел эстонские корни (Д. К. Лебедев, Л. Г. Аллик, Р. В. Франк, Г. Р. Ребане, Р. А. Раудсепп и др.), а также представители немецкой национальности, как из местных уроженцев, так и из уроженцев других губерний Российской империи (Н. Ф. фон Крузенштерн, А. О. фон Штубендорф, Б. В. Энгельгардт, К. Г. Баденди к, Э. Г. фон Валь, К. К. Гершельман и др.), и ряд представителей других национальностей. Все они осознавали свою причастность не только к своей национальной культуре, но и — во многих случаях даже преимущественно — к русской культуре, и к традициям российской императорской армии в частности. Поэтому, например, генерал Д. К. Лебедев, несмотря на свое эстонское происхождение и высокий пост в эстонской армии, позиционировал себя прежде всего как офицера бывшей русской армии, поддерживал отношения с другими русскими офицерами в Эстонии. Не случайно А. К. Баиов в некрологе Д. К. Лебедеву писал, что он, «будучи русским человеком до мозга костей, оставался всегда и русским офицером, гордясь своей принадлежностью к Великой Русской Армии» [Баиов 1935, 20]. Многие бывшие офицеры из немцев также ощущали себя людьми русской культуры. К примеру, П. А. фон Цур-Мюлен в ответ на обвинения в том, что членами Союза русских увечных воинов-эмигрантов являются и немцы, писал, что он, хотя и был родом из прибалтийских немцев, но по культуре считал себя русским [Письма в редакцию 1925]. В своих мемуарах М. С. Плюханова говорила о капитане 2-го ранга императорского флота бароне О. Б. Фитингофе как о человеке «русской культуры, русского образа мыслей, русских привычек» [Плюханова 1999, 27]. Т. Александер в своих воспоминаниях охарактеризовывала своего дядю полковника А. А. фон Бенкендорфа также как человека, беззаветно преданного идеалам бывшей Российской империи, который даже свою службу в гитлеровской армии рассматривал, «как бы наивно это теперь не казалось, как единственный способ возвращения в Россию, полагая, что таким образом ускорит победу над коммунистами и будет способствовать возрождению былой славы России, а вовсе не Гитлеру» [Александер 1999, 109]. Такая же позиция была характерна вообще для многих немцев, служивших в российской императорской армии. Как отмечает в своей книге М. Назаров, «такие офицеры, как Н. фон Гроте, считали себя представителями русских интересов у немцев, а не наоборот; некоторые как барон Э. К. фон Деллингсгаузен и православный С. Б. Фрелих, продолжали считать себя «русскими офицерами немецкого происхождения» и пытались делать все возможное против антиславянской политики Гитлера» [Назаров 1994, 330–331].

В общем, несмотря на некоторые различия национального, социально-политического и экономического характера, между проживавшими в Эстонии офицерами бывшей российской армии существовало много точек соприкосновения как корпоративного, так и идеологического характера. Дух корпоративного единства проявлялся, прежде всего, в поддержании личных связей и в участии в общественных организациях, объединявших бывших военных. Общность идеологического плана

заключалась в категорическом неприятии большевизма и убежденном монархизме, и в стремлении сохранить и передать подрастающему поколению традиции дореволюционной русской культуры.

Преданность традициям старой русской армии и монархизм были, пожалуй, самыми сильными и основополагающими принципами, объединявшими большую часть русских военных в Эстонии. Этим они отличались от эстонских военных, среди которых также было немало офицеров бывшей российской армии, но для которых традиции русской императорской армии были не столь релевантны, а в некоторых случаях и весьма сомнительны [см.: Pajur 1999, 139–153]. Более существенным для эстонского офицерского корпуса были традиции, которые они создавали сами, закладывая основы своего национального военного искусства.

История эстонского офицерского корпуса на протяжении многих лет находится в центре внимания ряда эстонских историков, изучению этого вопроса посвящено уже немало научных исследований [см., напр.: Limberg 1980; Jõgi 1996; Õun 1993; 1997; 1998–2005; 2001]. Нельзя сказать, что история русского офицерства в Эстонской Республике 1920–30-х гг. остается в числе неизученных тем данного периода, однако масштабы исследований по этому вопросу не идут в сравнение с объемом трудов, посвященных жизни и деятельности эстонских офицеров. Таким образом, данная работа призвана дополнить ряд существующих на сегодняшний день исследований о русских военных в первой Эстонской Республике.

Историография. Изучение данной проблематики неразрывно связано с началом исследования истории русской культуры в Эстонии. Определенного рода толчком в этом процессе стал словник «Русские общественные и культурные деятели в Эстонии. Материалы к биографическому словарю. Т. I (до 1940 г.)», составленный профессором С. Г. Исаковым. Первое издание, вышедшее в 1994 г., содержало 15 имен военных и деятелей, связанных с объединениями русских военных в Эстонии 1920–30-х гг. [Исаков 1994б]. Во второе издание было включено еще 16 имен [Исаков 1996б], а в третьем к ним добавилось еще 18 [Исаков 2006]. В 1994 г. вышел первый биографический очерк, посвященный самой видной фигуре среди русских военных в Эстонии — генералу А. К. Баиову [Исаков 1994а]. Вслед за этим появились газетные публикации В. А. Бойкова, посвященные генералам О. П. Васильковскому [Бойков 1995] и Д. К. Лебедеву [Бойков 1996а], и статья того же автора в журнале «Таллинн», где приводились биографические сведения о О. П. Васильковском, В. Н. Горбатовском, Н. К. Жаворонкове, Д. К. Лебедеве и П. П. Левицком [Бойков 1998б, 173–178].

Таким образом, изучение деятельности русских военных в Эстонии в целом началось с изучения биографий отдельных военных. В последующие годы к уже вышедшим в свет работам по данной теме добавились работы О. А. Калкина [Калкин 2001, 82–90; Калкин 2003], В. В. Верзунова [Верзунов 2003, 225–234], В. А. Бойкова [Бойков 2006а, 23–41], С. Г. Исакова [2006, 204–237], Н. А. Кузнецова [Кузнецов 2005, 187–197] и Р. Абисогомяна [Абисогомян 2003, 49–69; 2004б, 179–197; 2005, 238–257]. Краткие биографии некоторых русских офицеров были представлены и в изданиях эстонских историков [Õun 1997; 1998–2005; 2001]. С появлением в России биографических справочников и энциклопедий [Залесский 2000; Залесский 2003; Рутыч 2002а; Рутыч 2002б; Волков 2002; Волков 2003], содержащих сведения о генералах и офицерах российской армии, принимавших участие в Первой мировой и Гражданской войнах, стало возможным расширить наш круг знаний о тех русских военных, чья судьба в разные периоды времени была так или иначе связана с Эстонией.

Стараниями ученых В. А. Бойкова и С. Г. Исакова в печати появились публикации архивных материалов по истории русской диаспоры в Эстонии 1920–30-х гг. [Бойков 1996б, 122–153; Бойков 1996в, 5–56; Бойков 1998а, 114–136; Бойков 1999, 73–104; Бойков 2001в, 58–90; Бойков 2004а, 96–108; Бойков 2004б, 149–178**;** Исаков 1999, 48–87; Исаков 2000, 94–164; Исаков 2002, 212–243]. Благодаря этим публикациям стали известны не только новые имена и дополнительные факты биографий некоторых русских офицеров, но и новые факты о деятельности русских военных и их организациях.

На определенном этапе изучения этой проблематики, основываясь уже на значительно расширенной источниковедческой базе, стали появляться труды, представлявшие собой обзоры деятельности некоторых организаций, которые были связаны с русскими военными, как, например, общество «Белый крест» [Бойков 2001б], или были созданы непосредственно самими военными — Союз взаимопомощи чинов бывшей Северо-Западной армии и русских эмигрантов в Эстонии [Бойков 2004а]. Появились также обширные статьи, освещающие разностороннюю деятельность русских военных в эстонском сланцевом бассейне [Исаков 2001б, 91–106], а также некоторые стороны деятельности русских монархистов в Эстонии [Меймре 2002, 267–292]. Первым опытом полного описания деятельности русских военных стала статья В. А. Бойкова «Русский Обще-воинский Союз (РОВС) и Эстония» [Бойков 2000, 68–77], в которой излагались основные факты, связанные с функционированием эстонского отдела РОВС'а и разного рода объединений и союзов русских военных на территории Эстонии. Во многом сведения данной статьи были дополнены новыми фактами в некоторых подразделах коллективной монографии «Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике (1918–1940) [Бойков 2001а, 78–85; Шор 2001, 103, 105–107].

Цели и задачи данной работы. Из приведенного выше историографического обзора видно, что к текущему моменту учеными и исследователями проделана большая работа по изучению интересующей нас темы. Однако стоит отметить, что указанные работы во многом носят краткий, описательный характер и в определенной степени фрагментарны, что обусловленно как узкими рамками жанра (очерки, статьи и тематические разделы коллективной монографии), так и неизученностью определенного корпуса источников. Все это является причиной ряда неточностей и лакун. Не вдаваясь в подробное перечисление и разбор, для примера указажем лишь на одну из таких неточностей. Во всех работах исследователей является общим местом утверждение того, что Союз взамопомощи чинов бывшей Северо-Западной армии и русских эмигрантов в Эстонии находился под председательством генерала О. П. Васильковского. Однако обращение к ряду источников свидетельствует о том, что в реальности О. П. Васильковский занимал этот пост весьма непродолжительное время, а именно с 1931 по 1932 гг. К вовсе неизученным темам относится, например, участие русских военных специалистов в деле обучения эстонских офицеров, то есть служба в эстонской армии и преподавание в военных учебных заведениях Эстонской Республики. Говоря в общем, многие аспекты заявленной темы требуют дополнений и уточнений, что со временем позволило бы создать более общую и подробную историю деятельности русских военных в Эстонии в 1920–1930-е годы.

Таким образом, целью данной работы является создание насколько возможно на современном этапе общей и полной картины жизни и деятельности представителей русского офицерского корпуса в Эстонии 1920–1930-х гг.

На наш взгляд, данная работа имеет определенное научное значение в исследовании истории Русского Зарубежья, в целом, и истории русского национального меньшинства в Эстонии, в частности. Несомненно, что без изучения всех направлений деятельности русских военных в Эстонии невозможно полное представление как об общественной, культурной и политической жизни русских в Эстонии, так и об истории Эстонии вообще.

Для осуществления поставленной цели представляется необходимым более детальное изучение архивных источников, сопоставление извлеченных данных со сведениями эстонской и русской периодики того времени, а также привлечение доступных материалов по истории Русского Зарубежья, касающихся данной проблематики. Поэтому в ходе работы над данной темой нами был проработан ряд архивных материалов, содержащихся в Государственном архиве Эстонии (Таллинн), в его филиале (бывший архив партии, Tõnismägi, 16) и Историческом архиве Эстонии (Тарту). Нами также изучен практически весь корпус (свыше 12 тысяч номеров) газет и журналов на русском языке, выходивших в Эстонии интересующего нас периода. К сожалению, стоит признать, что в меньшем объеме остались использованными материалы периодики на эстонском языке. В данной работе также привлечены различного рода материалы из собраний архивной библиотеки Эстонского литературного музея (Тарту), библиотеки Тартуского университета, Национальной библиотеки Эстонии (Таллинн), Академической библиотеки Таллиннского университета (бывшая Академическая библиотека) и Славянской библиотеки Хельсинкского университета (Хельсинки).

Структура работы. Настоящая работа состоит из двух глав, каждая из которых в свою очередь состоит из нескольких параграфов. Первая глава «Основные направления деятельности русских военных в Эстонии 1920–30-х гг.» посвящена комплексному рассмотрению всех основных аспектов деятельности русских военных, общий обзор которой, в сущности, представлен нами в первых двух параграфах, где рассматриваются предпосылки формирования объединений русских военных и основные этапы их деятельности. В последующих параграфах первой главы излагается насколько возможно полная история возникновения объединений, союзов и обществ русских военных.

Вторая глава посвящена обзору литературного творчества русских военных. Причем термин ‘литература’ нами берется в самом широком смысле слова, то есть как произведение письменности. В этой главе более или менее подробно нами рассматривается литературное наследие наиболее крупных и значительных писателей из военных, таких как А. К. Баиов, Э. А. Верцинский, Э. Г. фон Валь и Г. И. Афанасьев (Копьев). По причине того, что автор данной работы не является военным специалистом, а также в виду того, что многие труды, посвященные вопросам военной истории и другим отраслям военного знания, нам недоступны, эта глава носит преимущественно описательный характер.

Список использованной литературы состоит из трех частей с общей нумерацией. В первую часть входят печатные материалы в алфавитной последовательности. Вторую часть составляют архивные материалы, расположенные также в алфавитном порядке наименований архивов; поочередность материалов отдельных архивов представлена в соответствии с порядковыми номерами дел. В третью часть внесены интернет-материалы.

Несомненно, что без представления о том, кем были русские военные, что они собой представляли как личности, индивидуумы, общая картина нашего исследования была бы неполной. Поэтому данная работа также снабжена

биографическим справочником, в котором представлены в разном объеме биографии 310 русских военных, чья судьба в той или иной степени была связана с Эстонией периода первой республики. Стоит отметить, что, с одной стороны, из общего числа представленных персоналий не все были связаны с деятельностью тех или иных объединений русских военных, с другой стороны, о многих членах этих объединений нам не удалось собрать хоть сколько-нибудь полную и достоверную информацию, поэтому их имена отсутствуют в справочнике. В справочник также помимо непосредственно военных включены и некоторые имена невоенных (например, Е. И. Орнатского, А. И. Иванова, И. Стратоновича и др.), но чья деятельность была связана с историей воинских объединений. В целом в справочник включены имена всех военных, о которых у нас имеются какие-либо сведения. Все выходные данные источников, использованных нами при составлении справочника, приводятся полностью в конце каждой статьи, и они не включены в список использованной литературы.

Глава I. Основные направления деятельности русских военных в Эстонии 1920–30-х гг.

§ 1. Русские военные в Эстонии 1920–30-х гг. Начало нового этапа

История русского военного присутствия на территории Эстонии берет свое начало с момента основания князем Ярославом Мудрым в 1030 г. крепости Юрьев (Тарту), гарнизон которой продержался в ее стенах до 1061 г. В дальнейшем, в ходе войн с Тевтонским и Ливонским орденами, с Польшей и Швецией, русские войска неоднократно вторгались в пределы Эстонии, однако, местом постоянной дислокации российских войск территория Эстонии стала лишь в начале XVIII в., когда в результате Северной войны она вошла в состав Российской империи. После заключения Ништадтского мира в 1721 г. большая часть российских сухопутных войск и флота, находившихся в Остзейском крае, была размещена в Ревеле (Таллинн) и его уезде [Минквиц 1852, 331]. Постоянные гарнизоны сухопутных войск кроме Ревеля находились также в Дерпте (Тарту), Пернове (Пярну) и Нарве. Все сухопутные войска входили в состав корпусов, расположенных в Лифляндской и Петербургской губерниях. Число, состав и размещение войск вследствие войн и других причин часто менялись. Основной военно-морской базой русского флота в Эстонии был Ревель, другой важной базой являлся Рогервикский порт (Балтийский порт, Палдиски). Стабильность в дислоцировании сухопутных частей на территории Эстонии стала наблюдаться лишь к концу XIX – началу XX вв. С этого времени в Ревеле были расквартированы 89-й пехотный Беломорский полк, 90-й пехотный Онежский полк, 91-й пехотный Двинский полк и штаб 23-й пехотной дивизии; в Нарве — 92-й пехотный Печорский полк и в Юрьеве — 95-й пехотный Красноярский полк со штабом 18-го армейского корпуса. Общая численность воинского состава этих частей в начале XX в. не превышала 10 тысяч человек [Karjahärm 1998, 47].

С началом Первой мировой войны все названные части были отправлены на фронт, а их место заняли запасные полки второй и третьей очередей, некоторые из которых, как, например, части 118-й пехотной дивизии, были сформированы непосредственно в Эстонии [Рутыч 2002б, 184]. К октябрю 1917 г. общая численность российских войск в Эстонии составляла приблизительно 200 тысяч человек [Сийливаск 1988, 257]. В результате последующих событий, сопровождавшихся полной деморализацией и развалом армии, большая часть русского военного контингента покинула Эстонию [Сводка 1924]. Однако некоторая часть русских военных осталась в Эстонии. Ко всему прочему в Эстонии проживали и некоторые отставные военные (например, полковники Э. А. Геннингс, П. Д. Троицкий и др.). После октябрьского переворота на свою родину вернулись многие военные российской армии из местных немцев, в том числе полные генералы П. П. фон Баранов (генерал-адъютант), А. А. фон Гринвальд (генерал-адъютант), Н. Ф. фон Крузенштерн и К. К. фон Штакельберг (генерал-адъютант). В Эстонию также возвратились некоторые военные, служившие здесь до начала войны.

Дальнейший период деятельности русских военных формирований в Эстонии связан с судьбой Северо-Западной армии, чья трагическая эпопея стала началом нового этапа в истории русской общины на эстонской земле. Судьба Северо-Западной армии была поистине трагичной. Начав свою борьбу с большевизмом с

основания во Пскове в сентябре 1918 г. Псковского добровольческого корпуса в 1 500 человек, армия к октябрю 1919 г. уже состояла из двух армейских корпусов, шести пехотных дивизий и ряда отдельных полков и частей [Волков 2003, 447, 505] с общей численностью личного состава на ноябрь 1919 г. свыше 54 000 человек, в том числе 2 666 офицеров, 51 057 солдат и унтер-офицеров и 540 военных чиновников и духовенства; общее же число числившихся на довольствии армии доходило до 80 000–90 000 человек [Rosenthal 2006, 524–525]. В своем последнем походе на Петроград Северо-Западная армия почти достигла заветной цели, но в решающий момент в силу ряда роковых обстоятельств была вынуждена отступить к границам Эстонии. Перед отступавшими воинами Северо-Западной армии стоял суровый выбор: или продолжать сражаться с превосходящими силами противника, или переходить на территорию Эстонии с обязательным условием сдачи оружия. И хотя в постановлении эстонского правительства от 11 ноября 1919 г. начальникам эстонских войск вменялось, памятуя о том, что Северо-Западная армия являлась союзником и сражалась бок о бок с эстонской армией, проводить разоружение как можно более корректно и гуманно [Mattisen 1988, 332], случаи откровенного произвола и грабежа со стороны эстонских солдат не были единичными [см., напр.: ГАЭ 646: 1: 12, 68–70; Ган 2003, 518; Дыдоров 2003, 566; Бойков 2005, 74–76].

Первыми на эстонскую территорию перешли тыловые учреждения армии, обозы, запасные части и военнопленные [О Северо-Западной Армии 1919]. 20 ноября 1919 г. на западный берег реки Наровы перешли части 1-й и 6-й дивизий Северо-Западной армии [Rosenthal 2006, 544]. В течение декабря 1919 г. и января 1920 г. на территории Эстонии оказалась большая часть армии, но некоторые части (до 6000 человек) продолжали сражаться до конца войны [Tõnisson 1930, 59; Brüggemann 2003, 43]. Все разоруженные части армии были переданы в ведение министерства внутренних дел, а российские военные рассматривались эстонской стороной как иностранцы, которые «при известных условиях» оказались на территории Эстонии [О Северо-Западной Армии 1919]. Первое время некоторая часть разоруженных солдат и офицеров армии использовалась на работах по возведению и укреплению оборонительных сооружений и рытью окопов на нарвском фронте [Rosenthal 2006, 573], но большая часть переправлялась дальше и размещалась в основном в районе населенных пунктов около Чудского озера, Йыхви, Аувере, Куремяэ и Иизаку; беженцы преимущественно расселялись в районах Тойла, Сонда и Азери [Tõnisson 1930, 59; Mattisen 1988, 333].

Представляется весьма проблематичным определение более или менее точного числа личного состава Северо-Западной армии, оказавшегося на территории Эстонии. Согласно данным эстонского Генерального штаба, направленным в министерство иностранных дел, на 31 декабря 1919 г. численность Северо-Западной армии в Эстонии определялась в количестве 22 160 человек, из которых 1 442 человека составляли офицеры и 20 718 — нижние чины [ГАЭ 957: 11: 137, 34 об.]. Подобной статистики придерживались и составители истории эстонской Освободительной войны [Eesti Vabadussõda 1997, II, 369]. Приблизительно такое же число (20 000–25 000 человек) приводят в своих работах Ю. Ант [Ant 1990, 31] и И. Раясалу [Раясалу 2001, 23]. Однако эти данные нельзя считать точными, так как в них не была отражена численность, например, штабов армии, резервных частей, интендантства и т. д.

Как уже упоминалось выше, в ноябре 1919 г. личный состав Северо-Западной армии доходил до 54 000 человек, при общем количестве числившихся на довольствии 80 000–90 000 человек. В дальнейшем это число, несомненно, стало

сокращаться[1]. Причиной тому были людские потери убитыми, попавшими в плен и перешедшими на сторону противника. Ко всему прочему, многие из перешедших эстонскую границу, самовольно оставляли свои части и разбредались в неизвестных направлениях.

Большое число жизней, как воинских чинов армии, так и гражданских беженцев, унесла эпидемия тифа. Количество жертв этой трагедии также не поддается точному исчислению. По данным штаба 1-й эстонской дивизии, общее число погибших от эпидемии тифа могло составлять от 10 000 до 12 000 человек, свыше 6 000 из которых погибло в Нарве [Rosenthal 2006, 600–601]. По другим данным, только в Нарве к лету 1920 г. умерло до 7 000 человек [Tõnisson 1930, 59; Mattisen 1988, 414]. К. Брюггеманн полагает, что число умерших колебалось от 8 000 до 12 тысяч [Brüggemann 2002a, 391; Brüggemann 2002б, 21]. По оценке Ю. П. Мальцева, число умерших от тифа в среднем составляло 8 500 человек, хотя и эта цифра приблизительна и допускает погрешность до 20 % [Мальцев 2004, 93–94].

Ужасы эпидемии тифа и чувство отчаяния, которое испытывали бывшие воины Северо-Западной армии и беженцы в связи с дальнейшей судьбой в изгнании, вынудили многих из них вернуться обратно в Россию. Известно, что свыше 7 500 солдат Северо-Западной армии решили вернуться домой, о чем некоторые из них информировали Й. Лайдонера в коллективном письме [Brüggemann 2004, 43]. По данным эстонского комитета по составлению истории Освободительной войны, до 21 марта 1920 г. из Эстонии в Россию ушло порядка 13 700 человек, а в общем к концу 1920 г. число вернувшихся в Россию составляло порядка 20 000 человек [Rosenthal 2006, 591]. Во многом этому способствовали обращения штаба 7-й Красной армии, распространявшиеся среди северо-западников[2] и беженцев в виде листовок с призывом о возвращении на родину [Дюшен 1920][3]. Однако определяющую роль в этом деле сыграли листовки, сфабрикованные штабом 1-й эстонской дивизии, обещавшие вернувшимся землю и материальную поддержку. Об удаче данной «операции», позволившей Эстонии избавиться от десятков тысяч русских, писали позднее не без гордости ее авторы А. Хеллат [Hellat 1930, 266–267] и А. Тыниссон [Tõnisson 1930, 61–62].

Весьма примечательным явлением стало появление в последнее время работ эстонских историков, в которых показывается насколько весомым был вклад Северо-Западной армии в борьбе Эстонии за независимость, и в то же время приводятся факты «некорректного» поведения эстонской армии и властей по отношению к свои бывшим союзникам [Rosenthal 2006]. Историк Я. Валге даже считает, что Эстония и эстонцы должны принести свои извинения перед северо-западниками за свою «неблагодарность» [Valge 2007, 2].

---

[1] По данным генерала Б. В. Геруа, приводимым в книге А. В. Смолина, на 15 января 1920 г. в рядах армии было около 13 000 здоровых солдат и офицеров, 18 000 больных и раненых и 18 000 человек нестроевого состава [Смолин 1999, 405], то есть, даже если не учитывать число нестроевого состава, где большую часть составляли невоенные, получается, что численность военного контингента армии составляла свыше 31 000 человек.

[2] Несмотря на некоторую «странность» данного словоупотребления, это слово широко использовалось и в повседневном быту, и в прессе в 1920–30-х гг. в Эстонии. Употребление данного слова также прочно устоялось и в исследовательской литературе, поэтому в данной работе мы тоже будем его использовать.

[3] Известно также, что активная агитация по возвращению в Россию с обещаниями полной амнистии и предложениями для белогвардейских офицеров поступать на службу в Красную армию, велась представителями советской торговой делегации, посещавшими таллиннские лазареты, где находились на лечении больные и раненые северо-западники [Вербовка большевиками 1920].

Все-таки Северо-Западная армия в сравнении с другими белыми армиями в некотором смысле оказалась в более благоприятном положении, так как только ее солдаты и офицеры были обеспечены денежным расчетом. Выплатами расчетов занималась Ликвидационная комиссия армии, работа которой завершилась 1 июня 1920 г. [Смолин 1999, 413–414]. В своем докладе, сделанном на Русском беженском съезде, проходившим в Таллинне с 21 по 30 марта 1920 г., юрисконсульт Ликвидационной комиссии Б. Е. Агапов, отмечал, что к моменту ликвидации Северо-Западной армии официально было зарегистрировано 9 836 здоровых и порядка 16 000 больных и раненых чинов армии. К концу марта в большей степени расчет был произведен среди обер-офицеров, в меньшей степени денежные выплаты получили солдаты и штаб-офицеры [Заседание 1920]. Как видно из приведенных в докладе цифр, комиссия не имела точных данных о количестве военнослужащих армии. Вероятно, данные, которыми оперировал Б. Е. Агапов, отражали преимущественно число северо-западников, находившихся в Таллинне и других крупных населенных пунктах. Однако даже данные по количеству чинов армии в Нарве, которыми располагала комиссия, не соответствовали их реальному числу. Так, в соответствии с имевшимися у комиссии списками, для расчета с северо-западниками в Нарве комиссией было выделено 3 миллиона эстонских марок, однако, командированным в Нарву для производства расчета полковником К. Я. Колзаковым было обнаружено, что на самом деле требуется сумма в 8 миллионов эстонских марок [Нарвская трагедия 1920].

Вообще недовольство среди северо-западников работой Ликвидационной комиссии было очень велико, поскольку многие считали себя обделенными денежными выплатами, в некоторых случаях в силу разного рода обстоятельств комиссия была вовсе не в состоянии выплатить некоторым чинам армии полагавшееся им содержание. Особое недовольство, как северо-западников, так и беженцев, вызывал факт обесценивания денежных знаков Северо-Западной армии, которые Ликвидационная комиссия не имела возможности обменять в полном объеме на эстонские марки. Поэтому в среде военных возникали серьезные сомнения в честности и добросовестности комиссии, в связи с чем на Русском беженском съезде была организована ревизионно-контрольная комиссия, в которую вошли П. А. Быстров, В. В. Дейрих, Г. И. Гроссен (Нео-Сильвестр) и К. Г. Бадендик [Гроссен 1924, 163]. Вся озлобленность военных была направлена в первую очередь на Б. Е. Агапова, хотя, как позднее признавался один из членов ревизионно-контрольной комиссии Г. И. Гроссен, лично у него Агапов вызывал впечатление порядочного человека, пытавшегося сделать все, что было в его силах [Гроссен 1924, 161].

В некоторых и, увы, не единичных случаях многие северо-западники сами не отличались добропорядочностью и честностью, обманывая и Ликвидационную комиссию и своих бывших соратников. Дело в том, что практически сразу после ликвидации армии среди ее чинов началась регистрация желающих отправиться на другие фронта Гражданской войны. По результатам январского опроса, в армию генерала А. И. Деникина пожелали отбыть 1 176 офицеров, 3 794 солдата и 285 семей военнослужащих, в армию генерала Е. К. Миллера — 25 офицеров, 108 солдат и 6 семей военнослужащих. В конце апреля общее число желающих уехать на фронт снизилось приблизительно до 1 000 человек [Смолин 1999, 405]. Всем записавшимся добровольцам Ликвидационная комиссия выплачивала дорожное пособие в размере 10 фунтов стерлингов [Ликвидация 1920], однако, очень скоро обнаружилось, что

среди записавшихся оказалось много таких, которые получали пособие, но никуда не собирались ехать [В ликвидационной комиссии 1920].

Впрочем, пособие выдавалось только тем, кто действительно мог встать в строй, то есть физически здоровым военнослужащим, а таковые в сравнении с общей массой бывших северо-западников в Эстонии составляли меньшую часть. К тому же на тот момент массовые переброски русских военных из пределов Эстонии были невозможны, поэтому добираться до места назначения нужно было на свой страх и риск и небольшими группами [Судьба разоруженных 1920].

К началу июня 1920 г. эстонское правительство решилось на оказание помощи по организации переброски русских белогвардейцев из Эстонии в Польшу, в ряды Русской народной армии С. Н. Булак-Балаховича и 3-й Русской армии П. В. Глазенапа. Эстонская сторона выделила представителям этих армий, осуществлявшим свою деятельность в основном под прикрытием вывески бюро по вербовке рабочих на лесные работы[4], транспортные средства, доставлявшие добровольцев до Риги, откуда эшелоны пароходами переправлялись в Данциг (Гданьск). Первый эшелон в 120 человек был отправлен 3 июня. Большую часть данной группы составляли офицеры во главе с полковником П. А. Рогожинским [Документы 1959, III, 27]. Приблизительно за две недели из Эстонии было отправлено 22 эшелона, после чего перевозки были прекращены [Русская военная эмиграция 1998, I, Кн. 1, 99]. Точное число уехавших неизвестно, но стоит предполагать, что оно составляло не менее нескольких тысяч человек. После отъезда первых эшелонов число желающих отправиться вслед за ними продолжало оставаться значительным и составляло по разным источникам от 5 000 до 7 000 человек [Русская военная эмиграция 1998, I, Кн. 1, 99, 140]. Вероятно, последняя крупная группа добровольцев (около 3 000 человек) выехала из Эстонии в октябре 1920 г. [Русская военная эмиграция 1998, I, Кн. 1, 185]. Это был последний массовый отъезд русских военных из Эстонии. В дальнейшем, в связи с поражением белых армий в Гражданской войне и ликвидацией их фронтов, потребность в переброске военных кадров с территории Эстонии исчезла.

Некоторая же часть воинов Северо-Западной армии была не в состоянии отправиться в очередной поход, так как многие были больны тифом, другие были ослаблены перенесенной болезнью. В целом остатки армии были весьма деморализованы вследствие понесенного поражения. Поэтому всем остававшимся в Эстонии северо-западникам приходилось решать вопросы, связанные с поиском работы, которая могла бы прокормить и их самих, и их семьи.

Такого же рода проблема стояла и перед руководством молодой Эстонской Республики, которая определенно не знала, что делать с такой значительной по меркам Эстонии массой инородцев. Кроме того, из-за их пребывания на территории Эстонии приходилось испытывать политическое давление со стороны восточного соседа. Решением данной проблемы явилось постановление эстонского Учредительного собрания от 2 марта «О принудительных лесных работах». В соответствии с этим постановлением предполагалось в течение 1920 г. привлечь до 15 000 трудоспособных, но не имевших определенного места работы мужчин в возрасте от 18 до 50 лет, не взирая на их гражданство или отсутствие такового.

[4] Имеются сведения о вербовочных бюро полковника Смирнова в Таллинне и Пайде [Документы 1959, III, 27], генерала Д. Р. Ветренко [Русская военная эмиграция 1998, I, Кн. 1, 131–132]. В Таллинне отправкой добровольцев занимался также полковник Р. В. Садовский [Русская военная эмиграция 1998, I, Кн. 1, 142].

Длительность работ определялась в 2 месяца. За уклонение от работы или ее самовольное оставление предусматривались наказания в административном порядке в виде заключения в тюрьму сроком до одного года или штрафа в размере до 100 000 эстонских марок [Asutava Kogu 1920].

В действительности вместо предполагавшихся 15 000 человек на работы было привлечено около 5 000, большую часть из которых составляли северо-западники [Гроссен 1924, 151–157]. Все собранные для этих работ северо-западники были организованы в артели и распределены по лесным и торфяным делянкам по всей Эстонии. Первое время артели возглавляли в основном бывшие предприниматели из Пскова, Гдова и Луги [От редакции 1920], но вскоре к ним прибавился ряд офицеров Северо-Западной армии. Известно, например, что под началом бывшего прапорщика В. В. Малкова-Панина на лесных заготовках в районах Валга, Тарту и Пярну в марте 1920 г. работало около 400 человек, большую часть которых составляли северо-западники, завербованные в Нарве и Йыхви [Н. 1920]. Артели полковника В. В. Стрекопытова работали под Тарту, Пярну и в районе Сонда [Объявление 1920]. Под Таллинном работала артель генерала Д. Р. Ветренко, состоявшая преимущественно из офицеров его дивизии [А. Л. 1920]. В начале 1921 г. в районе Сонда работала большая артель, подрядчиками которой были бывшие офицеры и члены Ликвидационной комиссии Северо-Западной армии во главе с полковником К. Я. Колзаковым [Письмо 1921]. Писатель, журналист, адвокат и известный общественный деятель А. В. Чернявский, занимавший какой-то пост по судебному ведомству Северо-Западной армии, был организатором лесных работ на трех участках, один из которых находился в районе Пярну. Общее число рабочих составляло приблизительно 100 человек [Чернявский 1920].

Хотя первоначально принудительные работы по заготовке дров и торфа были запланированы только на два месяца, но в действительности они затянулись на более продолжительный срок. Известно, например, что к марту 1921 г. в окрестностях Тарту продолжали работать 12 артелей общей численностью до 500 человек, все исключительно северо-западники [Юрьевское отделение 1921]. Всего, по результатам инспекции члена Комитета эмигрантов в Эстонии И. Ф. Евсеева на 1 августа 1920 г., в Эстонии существовало 12 районов с расположенными на их территории 54 заготовительными участками, на которых работало около 3 000 человек, подавляющее большинство из которых составляли бывшие военные Северо-Западной армии [Зирин 2004, 110–111].

Условия труда, гигиены и питания на заготовительных участках в большинстве случаев были весьма плачевными, не говоря уже о том, что для многих северо-западников, перенесших до этого заболевание тифом, тяжелый физический труд был не под силу, а некоторые из них вообще не были к нему приучены. Рабочим зачастую приходилось жить в землянках, одежда очень быстро приходила в негодность, а приобрести новую из-за дороговизны не представлялось возможным; заработанных денег хватало в основном только на питание, да и то только в объеме очень скромного рациона [Холтукин 1920; Русская военная эмиграция 1998, I, Кн. 1, 137]. Во многом тяжелое положение рабочих было следствием корыстного желания подзаработать некоторых подрядчиков-офицеров, поэтому многие, невзирая на суровые репрессивные санкции, предусмотренные законом, покидали свои места работы. Так, например, из-за невыносимых условий труда, спустя лишь неделю на лесных заготовках, в начале марта артель, работавшая в районе Йыгева, с 200 человек сократилась вдвое [Башкиров 1920]. Разбежалась почти вся артель генерала Д. Р. Ветренко, и к середине июня 1920 г. в этой артели оставалось только около 25

человек [А. Л. 1920]. По той же причине уменьшилась численность артели А. В. Чернявского, работники которой скрылись в Латвии, прихватив с собой инструмент и провиант [Чернявский 1920]. Вследствие низкой оплаты труда рабочая артель, состоявшая из солдат Ливенской дивизии Северо-Западной армии, покинула завод барона Штакельберга в Пагари [Заметка 1920]. Правда, было бы несправедливо утверждать, что эксплуатация солдат подрядчиками и десятниками из офицеров имела повсеместный характер — были и исключения, о чем свидетельствует коллективное письмо 35 рабочих-солдат одной из артелей В. В. Стрекопытова, в котором они возражали против критики Б. Е. Агапова, сравнивавшего работу некоторых офицеров-десятников с жандармским надсмотром за рабочими. Рабочие указанной артели утверждали, что их офицеры, наоборот, всячески помогают рабочим [Письмо в редакцию 1920].

Положение северо-западников было осложнено еще и тем, что по началу они обладали особым статусом, отличающимся от статуса беженцев. На деле это проявлялось в частности в том, что по распоряжению эстонских властей, отданному в конце июля 1920 г., они были лишены права в получении хлебного пайка и иной материальной и правовой помощи. Хотя, как отмечалось в прессе, на практике очень трудно было определить, кого следует считать северо-западником, а кого беженцем [Наконец-то 1920].

Первоначально со стороны эстонских властей особый статус бывших военных Северо-Западной армии объяснялся тем, что их судьба зависела от решения Великобритании, Франции и Соединенных штатов, так как именно они поддерживали и снабжали Северо-Западную армию [О Северо-Западной армии 1920]. Однако иностранные благотворительные миссии, по всей видимости, не придерживались такого рода разделения и предпочитали сотрудничать с конкретными организациями, чей правовой статус был определенным. В Эстонии такой организацией был Комитет русских эмигрантов, который оказывал помощь русским беженцам. После расформирования Северо-Западной армии единственным учреждением, которое могло представлять интересы северо-западников, была Ликвидационная комиссия, но она, как уже говорилось выше, закончила свою деятельность 1 июня 1920 г., поэтому в дальнейшем никакого официального представительства чинов Северо-Западной армии в Эстонии не было.

Тем не менее разделение эмигрантов на беженцев и северо-западников просуществовало до 1921 г., когда последние оказались уже совсем в плачевном положении: с одной стороны, они не получали помощи от Комитета русских эмигрантов, поскольку не имели статус беженцев; с другой стороны, обещанная помощь от американской благотворительной миссии была к тому времени внезапно прекращена [А. В. 1920]. В этот раз на многочисленные запросы с просьбами разъяснить суть разделения русских эмигрантов на два лагеря, министр внутренних дел выступил с весьма странными объяснениями, смысл которых заключался в том, что в отличие от беженцев северо-западники якобы пришли в Эстонию с обозами, запасами провианта, ценностями и т. д., поэтому, по мнению министра, они не нуждаются в помощи [Смирнов 1921]. Абсурд данного умозаключения состоял в том, что те чины Северо-Западной армии, которые, действительно, пришли в Эстонию с какими-либо ценностями, вывезенными из России, на самом деле, либо через какое-то время покинули Эстонию, либо получили эстонское гражданство, или же пользовались помощью Комитета русских эмигрантов. Статус же северо-западников распространялся прежде всего на тех, кто работал на рубке леса,

заготовках торфа, на добыче сланца и иных видах работ, связанных с тяжелым физическим трудом, где люди, как известно, находились на грани нищеты и голода.

Откровенное бесправие и отчаянная нужда северо-западников послужили толчком для общественности в принятии мер для оказания помощи. 18 октября 1920 г. в Таллинне было открыто благотворительное общество «Белый крест», ставившее себе целью оказание помощи нуждавшимся северо-западникам (подробнее о деятельности общества см. § 6. 4 данной главы). Постепенно отделения общества были открыты в Нарве, Тарту, Йыхви, Пярну и Вильянди. В феврале 1921 г. в Тарту был открыт патронат общества для инвалидов. Благодаря работе общества, выражавшейся прежде всего в предоставлении одежды и обуви, печальная участь многих воинов Северо-Западной армии стала, несомненно, менее тяжелой.

Привлечение северо-западников на принудительные работы представляло собой лишь временное решение проблемы с их трудоустройством, так как уже к концу апреля на некоторых лесозаготовках работы были прекращены и многие северо-западники стали безработными; некоторые из них нанимались на сельскохозяйственные работы на эстонские хутора [Хроника 1920]. Однако некоторая часть бывших российских военных в поисках работы бесконтрольно кочевала по всей Эстонии, и они вместе с теми, кто самовольно уходил с принудительных работ, представляли определенную проблему для эстонских властей. По большому счету, дело заключалось не только в русофобии эстонских верхов, как это иногда преподносится в работах некоторых российских исследователей [Смолин 1999, 414; Зирин 2004, 109–111], но и в том, что после многолетних военных потрясений страна, действительно, находилась в весьма трудном экономическом положении, и обеспечить работой всех жителей государства было проблематично. Особенно сложно дело обстояло с беженцами и остатками армии Н. Н. Юденича, так как большинство из них никак не было связано с Эстонией, многие и в дальнейшем не собирались связывать свою судьбу с этой страной, в целом же среди них было мало тех, кто имел определенные планы в отношении своего будущего. Еще раз подчеркнем, что в данной связи следует учитывать и тот факт, что из-за находящегося на эстонской территории большого числа бывших чинов Северо-Западной армии Эстония постоянно испытывала давление со стороны Советской России.

Возможно, что именно в силу вышеперечисленных причин, эстонское правительство постоянно испытывало некоторое раздражение и неудовольствие по поводу присутствия в стране большого числа пришлого элемента. Если на встрече с членом Комитета эмигрантов А. А. Горцевым, состоявшейся 16 августа 1920 г., министр внутренних дел К. А. Эйнбунд лишь высказывал пожелание, чтобы русские беженцы постепенно покидали Эстонию, так как в стране было тяжелое экономическое и продовольственное положение [Н. С. 1920a], то через некоторое время правительство предприняло уже ряд конкретных мер. Так, уже в конце августа по распоряжению того же министра внутренних дел из Таллинна было выселено много иностранцев, в числе которых были, в основном, евреи и северо-западники. Министерство объясняло эти меры тем, что высланные якобы окольными путями добывали себе разрешения на право жительства в столице и занимались спекуляцией, что очень негативно сказывалось на курсе эстонской марки. Также сообщалось, что многие из них сбежали с лесозаготовок, нарушив тем самым закон [Высылка иностранцев 1920]. На заседании эстонского правительства 17 сентября было принято решение, касающееся практически всех русских эмигрантов. По этому постановлению, все бывшие чины Северо-Западной армии, русские беженцы и

военнопленные, являющиеся работоспособными, но по каким-то причинам не работающие, лишались права получать какую-либо помощь от эстонских и иностранных организаций. Министр внутренних дел лично от себя настоятельно предложил всем перечисленным категориям лиц срочно покинуть Эстонию [Эстония 1920].

Между тем к концу 1920 г. большая часть из тех, кто не собирался надолго задерживаться в Эстонии, уже покинула страну[5]. Оставшиеся в Эстонии русские беженцы и военные старались по возможности найти хотя бы временную работу и как-то обустроиться. Среди бывших военных легче было найти работу солдатам, так как на рынке труда, прежде всего, были востребованы наемные рабочие, приспособленные к физическому труду и обладающие определенными навыками. Сложнее всего приходилось бывшим офицерам, поскольку многие из них имели только военное образование. Исключение составляли лишь военные с техническим образованием, чьи знания и умения были востребованы.

Некоторой части русских военных удавалось устроиться по специальности, поступив на службу в эстонские вооруженные силы. Первое время число русских офицеров в эстонской армии и флоте было значительным, но со временем по причине незнания государственного языка их численность сильно уменьшилась, и продолжить военную карьеру смогли немногие (подробнее см. § 3 данной главы).

С начала Первой мировой войны в ряды армии было призвано много людей разных сословий и социального уровня. В частности офицерский корпус русской армии за годы войны пополнился представителями разного рода интеллигентских профессий. В книге авторитетного ученого-историка С. В. Волкова «Трагедия русского офицерства» говорится, что русский офицерский корпус к концу войны «включал в себя всех образованных людей в России, поскольку практически все лица, имевшие образование в объеме гимназии, реального училища и им равных учебных заведений и годные по состоянию здоровья, были произведены в офицеры» [Волков 2001, 12]. Среди русских офицеров в Эстонии таких было немало. Многие из них устраивались учителями в школы и гимназии. Особенно много учителей школ из бывших офицеров было в Печорском уезде. О. А. Калкин в своей работе приводит свидетельство уроженки Печорского края И. А. Отто, утверждавшей, что бывшие офицеры русской императорской и белых армий составляли не менее половины всех школьных учителей уезда [Калкин 2004, 27]. Из их числа нам известны имена С. К. Сергеева, Н. И. Блинова, Г. А. Батарина, К. М. Шнейдера, В. К. Любомирского, А. М. Максимова, А. А. Гессе. О своем первом учителе бывшем офицере А. И. Шкультине, работавшем в четырехклассной школе в деревне Авдошово недалеко от Изборска, очень тепло вспоминала в своей книге К. Хлебникова-Смирнова [Хлебникова-Смирнова 1994, 6].

В начале 1920 г. значительное количество русских офицеров работало в Таллинне на Русско-Балтийском судостроительном заводе и грузчиками в порту, но после того, как многих из них выселили в Пярну, их численность в Таллинне сократилась втрое [Л. Т. 1920]. Много русских офицеров и солдат работало на сланцевых разработках и цементных заводах в Ида-Вирумаа [Исаков 2001б]. В Нарве большое число русских военных работало на заводах Кренгольмской мануфактуры. Однако получить

[5] Впрочем, известен еще один случай значительного по численности возвращения в Россию бывших воинов Северо-Западной армии: 7 июля 1923 г. из Нарвы в СССР было отправлено 10 вагонов-теплушек с пожелавшими вернуться на родину, большую часть из которых составляли северо-западники [Эшелон 1923]. Вероятно, это был последний массовый исход северо-западников из Эстонии.

рабочее место на каком-либо предприятии было для большинства эмигрантов большим счастьем. В ряде случаев против массового приема на работу русских эмигрантов выступала эстонская общественность. Так, например, в 1925 г. после громкой критики на страницах нарвской газеты «Põhja Kodu» своих мест на Кренгольмской мануфактуре лишились многие из русских рабочих, в числе которых были и военные П. П. Зубов, В. А. Карамзин, Б. М. Севастьянов и др. Главная претензия газеты «Põhja Kodu» заключалась в том, что очень много рабочих мест на Кренгольмской мануфактуре были заняты русскими эмигрантами, не владеющими эстонским языком, в то время как многие эстонцы оставались безработными [Из местной эстонской печати 1925].

В целом большинству русских военных для того, чтобы выжить, пришлось осваивать ряд новых профессий. К примеру, генерал Э. А. Верцинский работал страховым агентом; генерал В. Е. Дмитриев зарабатывал на жизнь переплетом книг; генерал В. И. Чижов работал сторожем, генерал Ф. А. Георг служил контролером на железной дороге; полковник Э. А. Геннингс занимался продажей газет. Некоторые офицеры занимались весьма успешно кустарным производством. Среди них был поручик Е. Н. Гаусман, занимавшийся изготовлением игрушек, которые со временем стали выставлять в Таллинне, Тарту, Нарве, Вильянди и Йыхви. На этих выставках его изделия восемь раз получали первую премию. Не меньшей известностью в Нарве пользовалась небольшая лавка офицера Г. Иосифова, где изготавливались художественно оформленные шкатулки, сумочки, блокноты, а также ремонтировались зонтики и другие мелкие вещицы [Беседа 1936б].

Свое частное дело открывали и высшие офицерские чины: полковник А. Е. Кудрявцев являлся владельцем платной публичной библиотеки, генерал А. К. Баиов содержал книжный магазин, который также функционировал как библиотека, а с 1934 г. и как издательство [Абисогомян 2003, 67]. Свою табачную лавку имел полковник Я. М. Корецкий. Бóльшими возможностями, по вполне понятным причинам, обладали офицеры из местных немцев. Семейный бизнес по продаже резиновых изделий был у полковника К. Г. Бадендика, генерал О. А. фон Крузенштерн занимался коммерческой деятельностью, организовав рекламное бюро «IRA». Много бывших офицеров работало в торговых предприятиях «BIM», «Promit», «Linda». В частности во главе «BIM» стояли ротмистры гвардейских кавалерийских полков П. П. фон Баранов (кавалергард), С. Л. Ионин (лейб-драгун) и А. Э. фон Мантейфель (конногвардеец), а также капитан гвардейского Саперного батальона В. И. Балбашевский и полковник А. А. фон Бенкендорф (лейб-гусар?). Эти предприятия достаточно успешно осуществляли свои торговые операции. Например, в конце мая 1920 г. «BIM» заключил очень выгодный договор с Советской Россией о поставке 2 миллионов пудов картофеля, что принесло фирме весьма солидную прибыль [-vr. 1920].

Также очень удачно развивался бизнес генерала О. П. Васильковского, организовавшего фирму «Нептун», занимавшуюся обслуживанием морских судов в таллиннском порту. Однако большинство бывших русских офицеров не были столь удачливы и предприимчивы и с радостью довольствовались любой, даже грязной и тяжелой работой. Столь разительный поворот судьбы русского офицерства не без иронии описывал в своих зарисовках Б. В. Свободин: «В первые годы эмиграции, с ликвидацией армии Юденича, этнографической особенностью Коппеля являлись так называемые эрзац-полковники и маргариновые ротмистры. Имя же им было легион. Но с течением времени, когда жизненная разруха стабилизировалась,— всяк сверчок сел, так сказать, на свой шесток. Все эти эрзацы, зачастую малограмотные, пришли в

первобытное свое состояние и превратились в Петек, Сашек, Митек и Гришек» [Свободин 1933].

Конечно, были и такие из бывших военных, которые сумели достичь значительных результатов карьерного роста. Например, Н. Хельк (Чистяков), начав в 1916 г. военную карьеру прапорщиком, за годы Эстонской Республики сделал стремительную карьеру, дослужившись до чина генерал-майора и должности председателя Военно-окружного суда республики [Õun 2001, 15]. Подполковник артиллерии В. Н. Рославлев, прекрасно изучив государственный язык, в течение более чем 10 лет работал в министерстве народного хозяйства и в налоговом управлении. По делам налогообложения он неоднократно выступал как в Государственном Суде, так и в парламентских комиссиях. В течение 5 лет Рославлев читал лекции по законоведению в Военном училище, а также работал по юридическим вопросам в военном отделе государственного контроля. Участвовал в работе совета Русского Национального Союза, а в 1938 г. был избран в эстонский парламент [Русские дела 1934; Исаков 1999, 76]. Капитан А. Е. Осипов принимал активное участие в деятельности Нарвского городского собрания, а в 1932 г. был избран в эстонский парламент. В 1937 г. состоял председателем комитета по проведению первого всегосударственного русского певческого праздника в Нарве [Бойков 1996в, 9–10].

Однако такие случаи в основном были единичны. Для большинства бывших военнослужащих русской армии жизнь складывалась менее удачно. Новая жизнь диктовала свои условия, и к ним приходилось приспосабливаться, задумываясь в первую очередь о хлебе насущном. Однако для определенной части военных переход на условия гражданской жизни вовсе не означал прекращение борьбы за свои идеалы, а лишь переводил эту борьбу в иную плоскость.

§ 2. Конспиративная и разведывательная деятельность. Русский Обще-Воинский Союз

Оставшийся в Эстонии после 1920 г. контингент русских военных был весьма разнообразен: кроме составлявших большую часть северо-западников, в их число входил ряд военных-оптантов, а также эмигрантов, приехавших из других стран; не стоит также забывать, что в Эстонии находилось немало военных пенсионеров, а также граждан других стран (в основном Латвии, Литвы, Польши и Финляндии). Довольно затруднительно определить точное количество русских военных в Эстонии, проживавших на ее территории в период независимости. Согласно приблизительному подсчету Ю. П. Мальцева, только бывших северо-западников в Эстонии осталось около 2 700 человек [Мальцев 1999, 140]. Можно предположить, что более трети из них составляли офицеры. Известно, что, например, к 1 мая 1923 г. из 9681 человека, зарегистрированного Комитетом русских эмигрантов русских беженцев, 243 человека составляли кадровые офицеры [Отчет Комитета 1923, 40], то есть те, кто получил полное военное образование в объеме программы военного училища и был произведен в офицеры до войны. Таким образом, в это число не входили офицеры производства военного времени, а такие, по данным С. В. Волкова, составляли только к концу Первой мировой войны 7/8 всего офицерского корпуса российской армии [Волков 2001, 11]. Если к тому же учесть, что Комитетом

эмигрантов не регистрировались эстонские граждане и граждане других стран, а также те, кто в силу каких-то причин не смог или не пожелал зарегистрироваться, то вполне оправданно полагать, что численность русских офицеров в Эстонии составляла более тысячи.

Объединяющим фактором для всех русских военных, оставшихся за пределами России, явилось полное неприятие установившейся там власти. Именно офицерский корпус российской армии стал первой жертвой развернутого большевиками кровавого террора, именно русское офицерство было основой белого движения, и именно оно представляло собой ту силу, которая даже после поражения в Гражданской войне продолжала борьбу.

После расформирования Северо-Западной армии группа офицеров из отдела разведывательной службы армии, во главе которой стоял генерал А. В. Владимиров, по его поручению продолжила свою деятельность. Разведывательная работа этой группы, в которую входили поручик А. Н. Берн, ротмистр Л. Ленц, полковник В. В. фон Валь и поручик Покровский, проводилась в согласии с эстонским Генеральным штабом [Русская военная эмиграция 1998, I, Кн. 1, 138–143], и ею была налажена связь с подпольной тайной организацией в Петрограде. Кроме этой группы в Эстонии также существовала организация генерала Н. Н. Гоерца, которая тоже занималась сбором информации разведывательного характера в России, но, судя по отзыву полковника В. В. фон Валя, ее деятельность осуществлялась весьма дилетантски [Русская военная эмиграция 1998: I: 1, 141]. Существовала и еще одна такая организация, созданная бывшим начальником контрразведки Северо-Западной армии Г. Г. Кромелем (Кроммелем). По всей видимости, на территории Эстонии кроме этих организаций существовали и другие. Очевидно, что четкой координации действий между ними не существовало, и каждая организация действовала самостоятельно.

Активизация этих организаций особенно проявилась во время Кронштадтского восстания 28 февраля – 18 марта 1921 г. В ночь с 9-го на 10-е марта со здания советского посольства в Таллинне был сорван флаг [Почс 1985, 20], а в официальной ноте полномочного представителя РСФСР в Эстонии министру иностранных дел Эстонии А. Пийпу от 10 марта сообщалось, что у советского правительства имеются точные сведения о формировании на территории Эстонии воинских частей из остатков Северо-Западной армии для их дальнейшей переброски в Кронштадт [Документы 1959, III, 586–587]. В своем ответе от 11 марта А. Пийп заверил советскую сторону, что никаких белогвардейских формирований в Эстонии не будет допущено [Там же, 587]. Вместе с тем были приняты меры по выявлению тех, кто активно занимался антисоветской деятельностью в Эстонии. В результате «разоблаченной» оказалась организация Г. Г. Кромеля.

Организация Г. Г. Кромеля, носившая название «Северная боевая дружина», с самого начала носила провокационный характер, хотя, по-видимому, никто из ее членов кроме Кромеля об этом не догадывался. Дело в том, что Кромель изначально вел двойную или даже тройную игру, работая на германскую, эстонскую и польскую разведки, имея при этом связи с советским посольством в Эстонии. Все операции, проведенные Кромелем, по сути дела, заканчивались полным провалом. Посылаемые им группы агентов в Россию, каждый раз при пересечении границы натыкались на усиленные кордоны советских пограничников, а один раз все закончилось кровавой перестрелкой с людскими жертвами со стороны диверсантов. В конечном счете, Кромель стал терять доверие как среди своих сторонников, так и со стороны иностранных разведок.

8 марта 1921 г. собравшиеся на квартире бывшего присяжного поверенного Н. Н. Иванова члены этой организации были арестованы эстонской полицией и преданы суду [Меймре 2002, 269–271]. Среди арестованных был ряд офицеров северо-западников: полковники П. П. Хвалынский, В. К. Видякин, Б. Е. Агапов и капитан 2-го ранга К. Е. Введенский. Как сообщалось в печати, ввиду того, что их активные действия во время Кронштадтского восстания могли привести к осложнению отношений с Россией, всем им было предложено покинуть Эстонию в кратчайшие сроки [Выселение 1921]. Однако судебное разбирательство затянулось надолго. Спустя год, в апреле 1922 г. по этому делу было осуждено еще десять человек, и 13 человек подлежали высылке из страны [Дело 1922]. В августе того же года в прессе сообщалось, что расследование по этому делу продолжается [Хроника 1922]. В целом складывается впечатление, что судебный процесс носил в большей степени демонстративно-показательный характер, чтобы приструнить местных белогвардейцев и успокоить советское правительство. Основные обвиняемые Г. Г. Кромель и начальник Охранной полиции (Kaitsepolitsei) капитан Г. Веэм были освобождены; часть заговорщиков (В. К. Видякин, К. Е. Введенский, Б. Е. Агапов и др.) временно были выселены в Пярну и Хаапсалу [Хроника 1921б]. Точно неизвестно, были ли депортированы все подлежавшие выселению лица, определенно лишь можно сказать, что Эстонию покинул Н. Н. Иванов [Меймре 2002, 271] и, видимо, полковник П. П. Хвалынский, так как в дальнейшем о нем нигде не упоминалось.

О реальных действиях этой организации в дни Кронштадтского восстания сведений нет. Однако известно об активной деятельности эсеров под руководством В. Чернова. Оказывается, между организацией эсеров и министром иностранных дел А. Пийпом существовала договоренность о переправке некоторых сумм эсеровской организации в Эстонию через эстонское консульство в Берлине, а также об упрощении въезда в Эстонию некоторого контингента русских военных, которые должны были потом принять участие в выступлении против большевиков [Почс 1985, 19]. В своей корреспонденции В. Чернов утверждал, что он был в состоянии сформировать три отряда по 300 человек каждый и выступить в направлении Ямбурга, Пскова и Гдова. Главе кронштадтских мятежников С. Петриченко Чернов также предлагал помощь в 600 человек [Там же, 19–20]. Вероятно, что деятельность эсеров в Эстонии осуществлялась не без помощи генерала А. В. Владимирова и его сотрудников. О связи в тот период генерала Владимирова с эсерами можно утверждать на основе документов, приводимых в книге Н. Н. Рутыча, которые свидетельствуют о том, что от эсеров генералами Глазенапом и Владимировым были получены средства на ведение работы, а во время событий в Кронштадте Владимиров активно поддерживал связь с подпольной организацией в Петрограде [Рутыч 2002б, 181–182].

Как известно, кронштадтский мятеж был подавлен, а выступление белогвардейских отрядов из Эстонии не состоялось. Однако это не означало прекращения деятельности антибольшевистских организаций в Эстонии. К концу 1922 – началу 1923 гг. эстонская политическая полиция имела серьезные основания для начала масштабного расследования деятельности многочисленных групп монархистов, которые существовали во многих городах республики. По наблюдениям эстонской полиции в Эстонии существовало два лагеря монархистов — немецкие и русские. Первые, хотя и имели определенную политическую программу, согласно которой Эстония рассматривалась как часть Германской империи, но на практике больше были заняты решением своих экономических проблем. Несмотря на

то, что для независимости Эстонии большую опасность представляла политическая программа немецких монархистов [Меймре 2002, 277], органы эстонской Охранной полиции в большей степени занимались изучением деятельности русских монархистов.

С точки зрения эстонской полиции, русские монархисты также разделялись на две группы — активные и пассивные. К пассивным относились монархисты, объединившиеся вокруг благотворительного общества «Белый крест» [ГАЭ 1: 7: 28, 15; Меймре 2002, 275–276]. Обвинения в адрес этого общества в скрытой, монархической деятельности начались сразу же после его образования. В обличительной статье газеты «Vaba Maa» говорилось о том, что общество преследует реакционные цели, имеет связи с монархической организацией Н. Е. Маркова и является непримиримым врагом эстонской независимости, что его деятельность создает угрозу дружеским отношениям между Эстонией и Россией [U. B. 1920]. На шквал этих обвинений «Белый крест» был вынужден выступить в печати с опровержением, в котором все подобного рода обвинения начисто отвергались и подчеркивались исключительно благотворительные цели общества [Шидловский 1920]. Если рассматривать деятельность общества в целом, то оно, действительно, стояло вне политики и занималось только помощью нуждавшимся северо-западникам, хотя направления деятельности отдельных его членов нельзя назвать аполитичными.

Активная группа русских монархистов объединилась вокруг «Союза верных» [ГАЭ 1: 7: 28, 15]. Союз был очень законспирированной организацией, начавшей свою деятельность еще до 1919 г. Во главе его стоял бывший член Государственной Думы Н. Е. Марков, а членами были многие видные политики и военные, в том числе князь А. А. Ширинский-Шихматов, сенатор А. А. Римский-Корсаков, Б. П. Баранский (Соколов), генералы П. Н. Краснов и В. И. Гурко. Креатурой союза была Северо-Западная армия, все высшее руководство которой состояло из членов союза. Целью этой организации являлось востановление в России законной монархии путем внедрения своих членов в Красную армию и осуществления переворота изнутри. К 1920 г. «Союз верных» образовал сеть своих ячеек по всей Европе и внутри России [Русская военная эмиграция 1998: I: кн. 1, 392–393]. Официальным прикрытием союза стал Высший монархический совет, созданный на Съезде хозяйственного восстановления России, который состоялся в период с 29 мая по 7 июня 1921г. в Бад-Рейхенгалле. В основных положениях, принятых съездом, провозглашалось объединение на основе идеи монархии и православия, также признавалась необходимой всемерная поддержка всего офицерского состава «бывшей и будущей Русской Армии» и организация на местах офицерских союзов взаимопомощи[6] [Политическая история 1999, 115–117].

По мнению эстонской Охранной полиции, «Союз верных» окутал своей сетью всю Эстонию, создав монархические ячейки во всех крупных населенных пунктах страны, где проживало местное русское население и русские эмигранты. Такие ячейки существовали в Таллинне, Тарту, Нарве, Пярну, Вильянди, Выру [ГАЭ 1: 7: 28, 147–151, 158–158 об., 161–161 об., 172–172 об.]. В их задачи входили «подготовка и направление деятельности просветительных, агитационных, трудовых и боевых

[6] Возможно, что в Эстонии первым таким союзом стало зарегистрированное в 1921 г. Общество помощи бывшим военнослужащим, почетным председателем которого был генерал-от-кавалерии Н. Ф. Крузенштерн. К сожалению, никаких других сведений об этом обществе нам не известно [см.: Шор 2001, 105].

отрядов» [ГАЭ 1: 7: 28, 211]. Охранная полиция полагала, что все подобного рода действия со стороны русских монархистов были очевидны. На самом деле в большинстве случаев полиция не располагала достоверными и подробными сведениями, подтверждавшими причастность того или иного лица к деятельности конспиративных организаций. Поэтому в число подозреваемых попадали все, кто состоял в разного рода эмигрантских организациях, русских общественных собраниях, кто в силу своего высого положения в дореволюционной России априори считался монархистом; все бывшие русские военные, особенно северо-западники, также считались потенциальными подпольщиками. В результате, к 26 января 1923 г. список наиболее видных монархистов, составленный полицией на основе донесений своих тайных агентов, включал в себя 23 имени: Б. Е. Агапов, О. П. Васильковский, В. В. Валь, О. А. Крузенштерн, К. И. Нотбек, А. Н. Игнатьев, А. Ф. Гирс, А. К. Баиов, Г. М. Ванновский, А. В. Кушелевский, В. Н. Горбатовский, В. Н. Подозеров, В. В. Стрекопытов, Б. Г. Бояринцев, П. П. Баранов, В. И. Чернозерский, В. А. Бармин, И. И. Голенищев-Кутузов, К. Соболев, Н. К. Вольф, С. С. Шереметьев, А. И. Иванов и Р. В. Садовский [ГАЭ 1: 7: 28, 42].

Реально же перечень имен проходивших по этому делу был в несколько раз больше. Прямых доказательств каких-либо противоправных действий со стороны подозреваемых у полиции не было. Никаких результатов не принесли обыски и допросы некоторых из них. Однако постановлением министра внутренних дел от 9 марта 1923 г. О. П. Васильковскому, Б. Г. Бояринцеву, А. И. Иванову, А. Н. Игнатьеву, Н. К. Вольфу, В. А. Карамзину, П. П. Зубову, А. П. Аристову и Н. В. Васильеву было предписано в течение месяца покинуть Эстонию, а Б. Е. Агапов, В. А. Чумиков, А. Д. Сепп, Л. М. Гаврилова, В. В. Валь и О. А. Крузенштерн — высылались из мест, объявленных на военном положении [Хроника 1923а]. На самом деле, кажется, никто из тех, кому было предписано покинуть страну, из пределов Эстонии не был выслан, — всех их отправили в ссылку в Пярну или другие места, не находившиеся на военном положении [ГАЭ 1: 7: 30; Хроника 1923б].

Репрессивные меры эстонских властей по отношению к активной части русских монархистов не стали помехой в продолжении ими своей деятельности. В частности Б. Е. Агапов, находясь в ссылке в Пярну, сразу же по прибытии туда включился в общественную работу среди местного русского населения: еще с момента его первой ссылки в 1921 г. он состоял членом местного Русского общественного собрания [ИАЭ 4541: 1: 30, 10], во время своей второй ссылки он продолжал агитацию среди проживавших здесь северо-западников о вступлении в «Союз верных» [ГАЭ 1: 7: 28, 172]. Агапов отличался чрезвычайной активностью еще со времен его работы в Ликвидационной комиссии Северо-Западной армии. После завершения работы комиссии, он принял эстонское гражданство и активно включился в общественную работу, став членом Комитета русских эмигрантов, товарищем председателя Таллиннского русского общественного собрания, председателем приходского совета Александро-Невского собора, членом, а потом и председателем духовного совета русских приходов. Он также входил в комитет по созданию объединения выпускников Санкт-Петербургского университета в Эстонии (см. Приложение). Совершенно справедливо утверждение А. Меймре о том, что Агапов продолжал свою деятельность вполне открыто, не без основания полагая, что его, как эстонского гражданина, «выдворить из страны все равно не могут» [Меймре 2002, 278]. Однако мириться с проявлениями деятельности Агапова эстонские власти были не намерены, поэтому в мае 1924 г. было сфабриковано дело по обвинению бывшего

поставщика Северо-Западной армии В. Юшкевича, который осенью 1920 г. продал государству 11 000 пар ботинок, хотя, по договору между Эстонией и Северо-Западной армией, все имущество армии после ее расформирования должно было быть передано эстонской стороне. Постановлением суда Юшкевич был приговорен к полутора годам тюрьмы, а привлеченные к суду заместитель начальника снабжения Северо-Западной армии Дементьев и юрисконсульт Ликвидационной комиссии Агапов были взяты под стражу до внесения залога в сумме 100 000 эстонских марок [Приговор 1924]. Через какое-то время сумма залога была увеличена до 200 000 эстонских марок, а 18 июля Агапов исчез из Эстонии [Хроника 1924в].

Энергичная деятельность Б. Е. Агапова заставляла эстонские власти полагать, что именно он являлся главой эстонского отдела «Союза верных» [ГАЭ 1: 7: 28, 15]. Однако для руководителя столь законспирированной организации как «Союз верных» деятельность Агапова была слишком на виду, к тому же среди русских монархистов были люди и по чину, и по статусу, и по связям его выше. Скорее всего, Агапов был, так сказать, «локомотивом» союза, выполняя всю организационную работу по вербовке новых членов и агитации. Более вероятным представляется то, что реальным главой союза и всех русских монархистов в Эстонии был генерал-от-инфантерии В. Н. Горбатовский. Именно он имел непосредственные связи с Высшим монархическим советом в Германии, куда он ездил каждое лето [ГАЭ 1: 7: 28, 134]. Он же состоял членом Совещания при Высшем монархическом совете [Русская военная эмиграция 1998: II, 276]. У Горбатовского были связи и в России, и среди эстонского дипломатического корпуса, он вел регистрацию всех русских офицеров в Эстонии, пользовался большим авторитетом среди русских эмигрантских организаций, но постоянно оставался в тени [ГАЭ 1: 7: 28, 133 об.–134 об.]. Только в мае 1924 г. Охранная полиция стала располагать сведениями, что Горбатовский возглавлял некий «Союз взаимопомощи офицеров» и поддерживал связь со многими организациями русских военных в Европе [ГАЭ 1: 7: 28, 139–140 об.].

К маю 1924 г. монархические ячейки в разных городах Эстонии активизировали свою деятельность. Самой многочисленной и активной была монархическая организация в Нарве, в нее входили А. В. Бреверн, В. С. Грацинский, Д. П. Тихомиров, В. Л. Губин, П. А. Васильев, В. А. Благовещенский, К. Ф. Парис, Б. М. Севастьянов, П. А. Цур-Мюлен, П. Г. Козлов, Б. А. Тишнер, В. В. Мозгалевский, Р. В. Франк и другие [ГАЭ 1: 7: 28, 148–148 об.]. В Печорском районе самыми активными были И. И. Рогожин, К. Д. Мерказин и Г. И. Ерофеев [ГАЭ 1: 7: 28, 150–150 об.]. В Тарту монархическая группа состояла из А. А. Фадеева, А. К. Вальтера и Л. Э. Брюновского [ГАЭ 1: 7: 28, 151]. В монархический кружок в Вильянди входили В. С. Огурцов, В. К. Старых-Седых, А. В. Кряхт, М. Хейбович, С. Г. Елисеев, Т. Е. Радионов, Г. Н. Шалягин и А. И. Крестьянова [ГАЭ 1: 7: 28, 158–158 об.]. Достаточно большая группа монархистов находилась в Пярну — Н. А. Терентьев, В. М. Лопухин, Н. Н. Зветков, В. К. Видякин, С. В. Скрипов, С. М. Зеленский, С. И. Обухов, С. В. Баранов, В. Н. Николаев, П. М. Николаев, Н. И. Крамарев, Б. Г. Бояринцев, Б. Е. Агапов и другие [ГАЭ 1: 7: 28, 161–161 об., 172–172 об.]. Кроме главы эстонского отдела Высшего Монархического совета В. Н. Горбатовского в состав центрального правления входили А. К. Баиов, Г. Г. Кромель, П. Н. Яхонтов, А. Ф. Штакельберг, Л. К. Гейман, П. И. Болычев, А. Д. Сепп и с 1922 г. — А. О. Штубендорф [ФГАЭ 130: 11566: I, 103–104].

Весьма большая монархическая организация была создана в середине 1921 г. в эстонском сланцевом бассейне. Большую часть членов этой организации составляли

бывшие офицеры Северо-Западной армии. Первоначально эта организация носила название «Монархическое объединение во имя святых апостолов Петра и Павла», и ее возглавлял М. М. Казаринов, который через какое-то время уехал в Южную Америку, а его сменил Н. И. Куликов. В конце 1925 г. председателем организации стал бывший жандармский зауряд-прапорщик Ф. С. Добровидов. В 1930 г. организация стала называться «Легитимно-монархический союз» и имела свои ячейки в Азери, Кунда, Кивиыли, Кютте-Йыу. После переезда в 1935 г. Ф. С. Добровидова в Нарву организацию возглавил штабс-капитан Н. А. Смирнов. Активными членами организации также были А. И. Леонтьев, Л. В. Дор-Бек, И. С. Соколов, Н. В. Катугин, И. С. Светлов, С. В. Адрик (Мудролюбов), А. М. Чугунов, И. М. Селецкий, А. В. Быстров и П. С. Миронов. До 1929 г. организация примыкала к сторонникам великого князя Николая Николаевича и поддерживала связь с центральным таллиннским отделом монархической организации в Эстонии, которую сначала возглавлял В. Н. Горбатовский, а затем А. К. Баиов. После смерти в 1929 г. великого князя местные монархисты примкнули к «кирилловцам» и установили связь с представителем великого князя Кирилла Владимировича в Эстонии адмиралом П. П. Левицким. После смерти в 1938 г. великого князя и адмирала П. П. Левицкого организация стала постепенно распадаться [Исаков 2001б, 96–99; ФГАЭ 130: 14114: I].

В Таллинне русские монархисты зачастую не скрывали свою деятельность. С конца 1923 г. в таллиннском районе Копли, где проживала основная часть русских военных и русских эмигрантов вообще, стали проводиться концерты-митинги под названием «Русские национальные вечера». Кроме развлекательной программы эти вечера включали в себя также и выступления местных монархистов, в числе которых чаще всего принимали участие А. В. Чернявский и Б. В. Энгельгардт [Коппелец 1924; История одного вечера 1924; ГАЭ 1: 7: 28, 144–144 об.]. Уже на первом вечере А. В. Чернявский предложил послать приветственную телеграмму великому князю Николаю Николаевичу и собрать пожертвования по 20 эстонских марок в пользу фонда великого князя. Об этом открыто сообщалось в прессе, а представители советского торгового флота уволили со своих работ в гавани Русско-Балтийского завода всех рабочих, участвовавших в этом митинге [Коппелец 1924].

К 1924 г. таллиннское Русское общественное собрание, известное больше как Русский клуб, стало центром местных монархистов. В совет старейшин клуба входили князь С. П. Мансырев, К. Ю. Амелунг, полковники К. Г. Бадендик, В. А. Верцинский, Б. В. Энгельгардт, штабс-капитан И. В. Ковешников и другие [ГАЭ 1: 7: 28, 185]. После переизбрания совета старейшин 2 апреля 1924 г. его председателем стал А. К. Баиов [Хроника 1924б]. В апреле вышел первый номер журнала «Эмигрант», ставший фактически рупором местных монархистов. Из номера в номер на страницах журнала публиковались статьи А. В. Чернявского и А. К. Баиова, в которых провозглашалось возрождение былого величия России под сенью монархии и православной веры; вождем русского национального движения сотрудники журнала безусловно признавали великого князя Николая Николаевича [см., напр.: Чернявский 1924а; 1924б; Национальная Россия 1925].

В мае в Таллинне среди эмигрантов местными монархистами были распространены листовки. Как сообщал корреспондент газеты «Päevaleht», листовки содержали призыв жертвовать деньги в фонд великого князя Николая Николаевича и участвовать в совместной работе по восстановлению России. По мнению того же корреспондента, монархические девизы этих листовок не содержали в себе чего-либо нового и заканчивались двумя четверостишиями с проклятиями в адрес

большевиков. Данный стихотворный опус был сопровожден нотами, мелодия была выдержана в стиле русских народных песен, что, вероятно, свидетельствовало о том, что листовки также предполагалось распространять и в Советской России. В конце заметки добавлялось, что листовки были распространены и среди русских школьников [Vene monarhistide 1924]. Стоит добавить, что эти листовки имели хождение по всей Эстонии и носили название «Призывная труба», в них также от имени некоего Начального совета в Москве говорилось, что в 1924 г. режим «коммунистов-жидов» падет, и будет восстановлена исконно русская власть [ГАЭ 1: 7: 28, 162, 164–164 об.].

Ко всему прочему активность русских монархистов подогревалась и внутренней борьбой между сторонниками великого князя Николая Николаевича и великого князя Кирилла Владимировича, которая особенно усилилась после известного манифеста Кирилла Владимировича от 31 августа 1924 г., в котором он объявил себя императором российским [Политическая история 1999, 72–74]. С 1924 г. сторонников великого князя Кирилла Владимировича в Эстонии возглавлял адмирал П. П. Левицкий [Рутыч 2002а, 173]. В основном «кирилловцами» были бывшие русские морские офицеры, входившие в нелегальное Объединение бывших русских моряков, которое легально существовало под вывеской Кассы взаимопомощи моряков [Бойков 2001а, 79–80], последняя в свою очередь начала свою деятельность с февраля 1924 г. (подробнее см. § 9). Активными деятелями объединения «кирилловцев» были Н. Я. Павлинов, С. Б. Жирмундский, К. И. Нотбек и другие. После смерти в 1938 г. П. П. Левицкого «кирилловцев» возглавил К. И. Нотбек [Бойков 2001а, 79–80]. Кроме морских офицеров среди «кирилловцев» были и некоторые офицеры сухопутных родов войск. Так, например, в материалах политической полиции по делу монархистов в Эстонии имеется удостоверение прапорщика С. А. Самсониевского о зачислении его в Корпус офицеров императорской армии и флота и о приеме его на учет при представителе великого князя Кирилла Владимировича в Эстонии [ГАЭ 1: 7: 28, 166]. В Нарве к «кирилловцам» принадлежали штабс-капитан Н. Н. Четвериков, капитан Н. Н. Подмошенский (с 1931 г.) и Казин [ФГАЭ 129: 25445, 25]. Как уже говорилось выше, после 1929 г. к «кирилловцам» примкнула значительная по составу монархическая организация эстонского сланцевого бассейна, но все же большая часть русских военных состояла из сторонников великого князя Николая Николаевича, предводителем которых в Эстонии был генерал В. Н. Горбатовский.

Однако 30 июля 1924 г. генерал В. Н. Горбатовский скончался, и место предводителя местных русских монархистов стало вакантным. На тот момент в среде русских военных были две возможные кандидатуры, обладавшие достаточным авторитетом, связями и чином — это генералы О. П. Васильковский и А. К. Баиов, во многом представлявшие собой полную противоположность друг другу.

Генерал О. П. Васильковский был на 7 лет моложе. В 1915 г. он был произведен в генерал-майоры, и в свои 34 года «стал самым молодым генералом русской армии того времени» [Бойков 1998б, 173]. Будучи боевым генералом, Васильковский был, несомненно, человеком решительным, волевым и напористым, ордена и чины, которыми его награждали, он получал за боевые подвиги на полях сражений Русско-Японской и Первой мировой войн. Единственным «пятном» в биографии была его причастность к подавлению Корниловского мятежа: вся русская военная эмиграция ставила ему в вину то, что, находясь на должности начальника Петроградского военного округа, Васильковский участвовал в его подавлении. На самом деле роль Васильковского в этой истории была, по справедливому утверждению С. Г. Исакова, достаточно двусмысленной: с одной стороны, он по приказу А. Ф. Керенского

занимался подавлением мятежа, с другой стороны поддерживал отношения с Л. Г. Корниловым [Исаков 2000, 163–164]. Позднее Васильковский пытался объясниться, утверждая, что с его стороны было сделано все, чтобы предотвратить распространение влияния большевиков в Петрограде, что между ним и Л. Г. Корниловым было полное единомыслие и одинаковое понимание обстановки. Однако по поводу своей роли в деле Корнилова он ничего конкретного не писал, ограничиваясь общими фразами о двойной игре Керенского, и о том, что лично он, Васильковский, был бессилен что-либо сделать, так как был «у власти, но без власти» [Васильковский 1921].

Выявление исторической правды по этому вопросу является предметом отдельного рассмотрения, отметим лишь, что после августовских событий 1917 г. Васильковский был почетно отправлен в отставку с производством в чин генерал-лейтенанта. После этого он вовсе не стремился хоть как-то «загладить вину» перед своими товарищами, не вступил он и в какой-либо подпольный офицерский кружок. На следствии в 1931 г. полковник Ф. И. Балабин, прекрасно знавший офицерскую среду в Петрограде того времени, рассказывал, что Васильковский занимался спасением товара из суконной лавки своего покойного тестя и скупкой бриллиантов и драгоценностей; среди офицеров он авторитетом не пользовался, и многие считали вообще зазорным иметь с ним какие-либо дела (см. Приложение).

Несомненно, Васильковский был весьма предприимчивым человеком, и, поселившись в Эстонии, успешно занимался бизнесом, что давало ему возможность быть во многих отношениях независимым человеком, а это в свою очередь позволяло ему играть самостоятельную роль в русском эмигрантском обществе в Эстонии. Однако в белогвардейском стане Васильковский был изгоем, и общественное мнение было против него, поэтому среди монархистов как в Эстонии, так и за рубежом, он не пользовался большой поддержкой. Между тем Васильковский был очень амбициозным, честолюбивым и в тоже время энергичным человеком. Почти сразу после его прибытия в Эстонию, Васильковский становится белорусским представителем в Эстонии [Хроника 1921г]. В это же время он посещает министра А. Хеллата, где сразу же отмежевывается от всех русских генералов в Эстонии, давая им такие определения как «шваль» и «старые бабы» [Hellat 1930, 271–272].

В то же время Васильковский предпринимает ряд поездок в Берлин и Прагу, где ему удается получить определенную поддержку и санкционирование своей конспиративной деятельности в Эстонии [ГАЭ 1: 7: 28, 14, 16 об.]. В Эстонии ему также удается сформировать группу своих сторонников, разработать план ведения военных действий против Советской России и даже начать формирование отрядов [ГАЭ 1: 7: 28, 69]. В целях пропаганды своих идей группа Васильковского, в которую входили М. Земелев, доктор П. Степанов, полковник Б. Г. Бояринцев, юрист А. И. Иванов и профессор П. М. Шелоумов, в 1922 г. издала две брошюры «В единении сила» и «Кто наш главный враг?». Брошюра «Кто наш главный враг?» была посвящена отстаиванию той мысли, что Россию погубили немцы, при поддержке которых большевики пришли к власти и предали национальные интересы России и союзников. Сборник статей «В единении сила» включал в себя своего рода манифест группы Васильковского, провозглашавшей себя «Русским национальным объединением». Теперь к антинемецким выпадам добавились и антиеврейские, причем зловещая роль немцев и евреев усматриваласть не только в развале России, но и в событиях, связанных с Эстонией. По мнению авторов сборника, деятельность представителей этих национальностей погубила Северо-Западную армию, где большая часть военного руководства состояла из немцев, а в Северо-Западном

правительстве было чрезмерно много евреев, последних было немало и в Комитете русских эмигрантов. Поэтому, по мысли авторов манифеста, в Эстонии до сих пор не существовало ни одного русского национального объединения [Русское национальное объединение 1922, 1–8]. Таким образом, авторы этого сборника предлагали всем русским людям объединяться под их знаменами.

Очень важно подчеркнуть, что, хотя Васильковский и поддерживал связи со многими другими группировками русских монархистов, все же действовать он предпочитал самостоятельно, стремясь постепенно стать единственным представителем русских монархистов в Эстонии и, в конечном счете, их единственным предводителем [ГАЭ 1: 7: 28, 14, 16 об.]. Арест и ссылка в Пярну в 1923 г. нарушили его планы на следующий год [ГАЭ 1: 7: 30].

В отличие от Васильковского А. К. Баиов был штабным генералом, человеком гуманитарного склада ума. Военный историк, профессор Николаевской академии Генерального штаба, он по характеру был человеком спокойным, уравновешенным, но деятельным: на протяжении всей своей жизни он постоянно участвовал в деятельности разного рода обществ, комиссий, комитетов; читал лекции, доклады, писал и издавал книги и учебные пособия. Баиов представлял собой исключительный образец человека, преданного своим идеалам: он был истовым поборником православия и непреклонным сторонником российской монархии; оставаясь верным раз данной присяге, он не изменил ей до конца своих дней, дважды отказавшись присягать на верность сначала Республике Советов, затем эстонскому государству [Штубендорф 1935, 8; Штейфон 1937, 219].

По прибытии в Эстонию Баиов занял должность председателя Ревизионной комиссии Северо-Западной армии. Затем в качестве профессора читал лекции в эстонских военных учебных заведениях. В 1920 г. он был в числе учредителей Русской академической группы в Эстонии, в рамках которой он выступал с докладами. Постепенно Баиов включился и в местную общественную жизнь, принимая участие в деятельности таллиннского Русского клуба, на одном из собраний которого в 1922 г. он выступил с обличительной речью по поводу снятия памятника Петру I, что вызвало негодование в эстонской прессе и чуть было не послужило причиной его увольнения со службы в военных учебных заведениях [Абисогомян 2003, 54–55]. Уже, видимо, к этому времени Баиов, как об этом упоминалось выше, состоял в местном отделении Высшего монархического совета во главе с генералом В. Н. Горбатовским. Можно предположить, что одной из возможных причин открытия Баиовым в 1923 г. своего книжного магазина являлось прикрытие конспиративной деятельности. Очевидно, что большого дохода магазин не приносил, к тому же жалование, которое Баиов получал за работу в военных учебных заведениях и гонорар за написание учебных пособий, позволяли жить сравнительно безбедно. Однако содержание книжного магазина делало возможным под видом посетителей магазина собираться определенному кругу единомышленников и агентов, а также получать и отправлять необходимую литературу. После того, как Баиов в 1924 г. стал принимать активное участие в издании журнала «Эмигрант», его общественно-политическая позиция стала очевидной не только для работников эстонской Охранной полиции, но и для широкого круга общественности.

Таким образом, в 1924 г., после смерти В. Н. Горбатовского, среди русских военных в Эстонии наиболее значительными и яркими фигурами были О. П. Васильковский и А. К. Баиов. Первый, хотя и не пользовался большим авторитетом, но все-таки имел некоторое число сторонников и, что самое главное,

имел материальную базу. Второй, оставаясь несколько в тени, все же обладал авторитетом среди русских и эстонских военных, имел определенные связи за рубежом и в Эстонии. Оба генерала были активны и, не скрывая того, претендовали на руководящую роль в среде русских военных и эмигрантов. Участие и выступление Баиова на похоронах В. Н. Горбатовского было знаком того, что Баиов стал приемником почившего. Во-первых, об этом говорил тот факт, что Баиов был единственным из высших военных чинов, кто выступил с речью. Во-вторых, если в русской прессе сообщалось лишь о том, что речи выступавших «были посвящены памяти покойного как начальника и человека, и светлому значению его личности в жизни русского Ревеля» [Похороны ген. Горбатовского: 1924], то в эстонской прессе внимание было сконцентрировано исключительно на выступлении Баиова, которое представляло собой некую программную речь и охарактеризовывало Баиова как человека, прежде всего, монархических убеждений [«Usu, keisri ja isamaa eest!»: 1924]. Фигура Васильковского также становилась все более заметна. Осенью 1924 г. за счет Васильковского на могилах северо-западников на Коппельском кладбище было поставлено 45 новых деревянных крестов, что, несомненно, повысило его авторитет в глазах русской военной эмиграции [Бакструб 1924]. В том же году он стал инициатором проведения встреч кавалеров ордена Святого Георгия Победоносца и Георгиевского оружия. На первом таком собрании он единогласно был избран главой георгиевских кавалеров в Эстонии (подробнее см. § 5 данной работы).

Судя по разным свидетельствам из архивных материалов, в 1924 г. между Васильковским и Баиовым состоялась встреча, на которой было решено объединить их группы и работать сообща [ФГАЭ 129: 28198, 19; 28966, 49–50]. По обоюдной договоренности оба генерала поделили между собой круг обязанностей: штабную работу и поддержание связей с монархическими и воинскими организациями за границей и с великим князем Николаем Николаевичем взял на себя Баиов, а оперативную работу, связанную с пропагандой, объединением местного офицерства, и налаживание разведывательной деятельности взял на себя Васильковский [ФГАЭ 138: 1: 46, 53; ФГАЭ 129: 28966, 51–52].

Как известно, приказом генерала П. Н. Врангеля от 1 сентября 1924 г. был создан Русский Обще-Воинский союз (РОВС) [Политическая история 1999, 10–11]. 16 ноября того же года великий князь Николай Николаевич в результате переговоров с П. Н. Врангелем подписал негласное заявление о принятии на себя верховного руководства всеми военными организациями за рубежом [Рутыч 2002б, 242–243]. Назначение руководством РОВС'а начальника эстонского отдела состоялось не сразу, так как, во-первых, деятельность подобного рода белогвардейских организаций была запрещена в Эстонии, во-вторых, руководству союза нужно было выбирать из двух кандидатур. Если верить сообщению агента иностранной резидентуры ОГПУ, то назначение состоялось не без интриги со стороны А. К. Баиова: «За спиной Васильковского Баиов использовал свое положение начальника местного штаба для переговоров с Врангелем и ген. Кондзеровским, в результате которых был в приказе по армии назначен «генеральным представителем» для Эстонии» [ФГАЭ 138: 1: 46, 53]. Учитывая то, что генерал П. К. Кондзеровский занял должность начальника канцелярии в самом конце 1924 г. [Рутыч 2002б, 242–243], и то, что сама переписка и уточнение деталей требовали какого-то времени, можно утверждать, что назначение Баиова начальником эстонского отдела РОВС'а состоялось в 1925 г. Назначение Баиова послужило первой причиной раздора с Васильковским, однако остается неизвестным, когда именно в 1925 г. это произошло.

Кажется, что в начале 1925 г. никаких признаков конфликта не было, хотя нельзя сказать, что действия Баиова и Васильковского были едины и согласованы. В феврале 1925 г. Васильковский посетил Нарву и материально принял участие в организации Союза русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии (подробнее см. § 6. 1). Видимо, в этот же приезд он договорился с полковником Н. А. Яковлевым об издании газеты «Русский голос», первый номер которой вышел 19 мая. Газета носила ярко выраженный монархический характер, на ее страницах пропагандировалось объединение вокруг великого князя Николая Николаевича и популяризировалась фигура Васильковского.

В это время Баиов тоже активно сотрудничает с местными монархическими изданиями. В апреле, через месяц после закрытия эстонскими властями журнала «Эмигрант» за монархическую пропаганду, Баиов начинает издавать на свои деньги газету «Ревельское время» [ФГАЭ 129: 28198, 71], которая после закрытия в августе по тому же поводу, что и «Эмигрант», продолжила свое существование под названием «Ревельское слово». Подобно Васильковскому Баиов проявил интерес к организованному в Нарве Союзу русских увечных воинов. Можно предположить, что он пожертвовал союзу солидную сумму, так как 28 июня на общем собрании союза он был избран его почетным председателем [Т. 1925]. Опять-таки есть основания предполагать, что как раз к этому времени состоялось официальное назначение Баиова главой РОВС'а в Эстонии, и он на правах предводителя всех местных русских военных установил свое влияние и в нарвской организации.

Так или иначе, но именно с этого момента в газетах начинают появляться заметки, содержание которых свидетельствовало о том, что между генералами произошел какой-то разлад. 30 июня в 145-ом номере газеты «Последние известия» была опубликована статья, посвященная 10-летнему юбилею производства О. П. Васильковского в генеральский чин [Греков 1925]. Спустя пять номеров, в той же газете появилась другая статья с нападками на газету «Ревельское время» [К общественному мнению 1925], а уже в следующем номере Васильковский опубликовал письмо, в котором с возмущением писал, что на страницах рижской газеты «Сегодня» была помещена корреспонденция из Таллинна, где указывалось, что он якобы состоит в числе сотрудников «Ревельского времени», что не соответствует действительности [Васильковский 1925].

Однако это были лишь первые недомолвки перед шумным скандалом, разразившимся между генералами и их сторонниками вокруг выборов делегатов от Эстонии на Зарубежный эмигрантский съезд.

Официальное приглашение на съезд А. К. Баиов, как начальник эстонского отдела РОВС'а, получил от своего однокашника по Николаевской академии Генерального штаба и начальника 1-го отдела РОВС'а генерала И. А. Хольмсена в августе 1925 г. Первое же организационное собрание представителей военной части русской эмиграции в Эстонии состоялось 28 октября 1925 г. в Копли. Баиов выступил перед собравшимися с речью, в которой подчеркнул значение Зарубежного съезда для будущего возрождения национальной России, и предложил вручить великому князю Николаю Николаевичу «всю полноту диктаторской власти». В своей речи он также отметил, что по причине больших расходов на дорогу придется выбрать лишь 1–2 депутатов в качестве кандидатов на съезд. Так как собрание было организовано сторонниками Баиова, то, естественно, что единогласно было решено избрать кандадитом на съезд Баиова [С-ев 1925; Оклик 1925; Vene 1925].

Однако сторонники генерала О. П. Васильковского и он сам были не согласны с таким решением, и поэтому в конце ноября состоялось еще одно собрание русских

эмигрантов на заводе Лютера. Сторонники Васильковского опротестовали предварительные выборы на съезд, где кандидатом был выбран Баиов. Но группа Баиова проигнорировала этот протест. Как сообщалось, в газете «Ревельское слово», «после обсуждения была принята резолюция, признающая выборы вполне правильными, а протест необоснованным» [Хроника 1925а]. Предварительные выборы делегатов от группы Баиова на Зарубежный съезд прошли 17 декабря. По результатам голосования, делегатами от Эстонии были избраны В. А. Рогожников и А. К. Баиов, «последний на дорогу получил 100 тысяч эстонских марок» [ФГАЭ 1: 138: 46, 9]. По свидетельству того же источника, деньги на поездку Баиова собирались его единомышленниками путем принудительных сборов [ФГАЭ 1: 138: 46, 27].

Основные события, связанные с определением кандидатов на Зарубежный съезд, происходили уже в начале 1926 г. Так, 28 февраля 1926 г. состоялось собрание инициативной группы во главе с Баиовым, взявшей на себя организацию и проведение выборов на Зарубежный съезд. Основными кандидатами являлись А. К. Баиов, Н. И. Крамарев, П. Н. Яхонтов, Е. М. Тихомиров, Е. И. Никифоров и М. Г. Перион. На этом же собрании нарвские сторонники Васильковского выразили протест по поводу избрания данных лиц и «вообще методов ведения выборов» [Хроника 1926в]. Инициаторами проведения очередного собрания 8 марта были опять сторонники Баиова. Группа Васильковского вновь выразила несогласие с результатами выборов 28 февраля. Полковник Б. В. Энгельгардт по этому поводу заметил, что выборы уже проведены, и оспорить результаты невозможно, и, что на съезд поедет, скорее всего, только один человек ввиду нехватки средств. Также Энгельгардт подчеркнул, что данное собрание «чисто информативное», и оно «не имеет право ни отменять, ни санкционировать выборы» [ФГАЭ 1: 138: 46, 27].

Зарубежный съезд начал свою работу в начале апреля 1926 г. В качестве делегатов от Эстонии на съезде присутствовали П. Н. Яхонтов, М. Г. Перион, генералы А. К. Баиов, Н. И. Крамарев, А. А. Траилин и морской офицер А. О. Гадд [Российский Зарубежный съезд 2006, 461]. Причем последние два делегата в Эстонии не проживали и их там никто не знал, что является доказательством того, что О. П. Васильковский был не допущен на съезд умышленно и не без поддержки определенных сил из центра.

2 апреля Баиов был принят великим князем Николаем Николаевичем в своей резиденции в Шуаньи, о чем сообщалось в газете «Час» [Проф. А. К. Баиов в Шуаньи 1926а, 1226б]. Как сообщал Баиов, он был принят дважды великим князем: первый раз вместе со всеми делегатами съезда, второй раз на личной аудиенции [ГАЭ 1: 7: 28, 189]. 8 мая 1926 г. Баиов вернулся в Эстонию [Объявление: 1926а], и 19 мая выступил с докладом о Зарубежном съезде. Кратко охарактеризовав программу съезда и его проведение, Баиов подробно остановился на его заключительном этапе, когда великий князь Николай Николаевич был провозглашен национальным вождем [Объявление 1926б; Российский зарубежный съезд 1926].

Начиная с 22 мая 1926 г. генерал Васильковский начал размещать в различных газетах объявления, суть которых заключалась в опровержении заявления Баиова, согласно которому Васильковский послал письмо к съезду, где просил признать его делегатом от Эстонии. В заключении Васильковский обвинил Баиова в клевете [Васильковский 1926а; Васильковский 1926б]. Обвинение Васильковского было опубликовано не единожды в нескольких газетах [Васильковский 1926в; Васильковский 1926г; Васильковский 1926д]. Примечательно, что в большинстве случаев публикация обвинений Васильковского в той или иной газете

сопровождалась размещением в этих газетах рекламы фирмы «Нептун», принадлежавшей Васильковскому [см., напр.: Реклама 1926], что свидетельствовало о том, что данная кампания хорошо им оплачивалась. На обвинения Васильковского Баиов ответил нежеланием вступать в пререкания и что-либо объяснять [Ответ А. Баиова 1926; Баиов 1926а].

В ссоре генералов, как уже говорилось, сторону Васильковского поддерживала группа нарвских северо-западников. По их утверждению, именно они собрали 2 107 подписей в поддержку кандидатуры Васильковского на съезд, составили обращение к съезду и отправили его в Париж [Избрание 1926; Письма в редакцию 1926]. Постепенно в печати стали появляться подробности того, как собирались эти подписи. К примеру, штабс-капитан Н. Н. Четвериков сообщал, что один его знакомый из группы Васильковского как-то попросил его подписать обращение к Зарубежному съезду в пользу генерала. Четвериков был не в курсе событий и совершенно ничего не слышал о генерале Васильковском, но, учитывая его высокий чин, предположил, что Васильковский является достойной кандидатурой, и подписал бумагу. После этого его знакомый попросил его поставить еще подпись за свою жену. На вопрос Четверикова, будет ли это прилично делать, ему было заявлено, что это совсем безразлично, и он подписал второй раз [Четвериков 1926].

Сам тон обвинений Васильковского и его сторонников вызвал среди русских военных возмущение. Некий аноним, скрывавшийся под псевдонимом «Бывший юнкер», писал, что употребление в полемике выражений на подобии «ложь профессора Баиова» является нарушением воинской дисциплины [Бывший юнкер 1926]. С осуждением содержания и формы выступления Васильковского в печати против Баиова выступила группа генералов, в которую вошли Н. Ф. Крузенштерн, Г. М. Ванновский, А. Е. Вандам, Э. А. Верцинский, В. Л. Драке, А. О. Штубендорф, А. А. Ден и адмирал П. П. Левицкий [Письмо в редакцию 1926а]. Это же письмо было опубликовано в журнале «Русский военный вестник» [Письмо в редакцию 1926б], выходившем в Белграде, что стало свидетельством того, что о поступке Васильковского было сообщено всей русской военной эмиграции и руководству РОВС’а в том числе. Данное письмо, по сути дела, представляло собой вердикт суда чести и наносило репутации Васильковского весомый урон.

В своем ответе Васильковский писал, что все выступившие против него генералы являются коллегами Баиова по академии и поэтому защищают его, к тому же среди них много нерусских. По мнению Васильковского, его оппоненты сами по себе ничего не представляют и до сих пор никакого участия в делах русской эмиграции не принимали. В отличие от них он защищал честь Родины кровью на полях сражений и, как лейб-казак, сможет защитить свою честь. Свое письмо Васильковский заканчивал тем, что отныне он с этими генералами не считается и в полемику не вступает [Васильковский 1926е].

Данный инцидент вызвал серьезную озабоченность в руководстве РОВС’а, и генерал П. К. Кондзеровский в особом письме, направленном в Таллинн, предложил принять меры по прекращению конфликта и примирению генералов. С этой целью к генералу Васильковскому была отправлена специальная депутация в составе одного генерала, двух полковников и еще четырех офицеров. Васильковскому от имени П. Н. Врангеля было предложено примириться с Баиовым и подчиниться ему, но Васильковский в грубой форме ответил категорическим отказом [ФГАЭ 138: 1: 46, 53]. Таким образом, конфликт не был улажен, что стало причиной раскола среди русских военных в Эстонии вплоть до конца 1930-х годов.

Во время своей поездки на Зарубежный съезд Баиов встречался со многими высшими чинами русской армии и членами руководства РОВС'а генералами А. А. фон Лампе, А. И. Деникиным, И. Г. Эрдели и Н. Н. Головиным [ФГАЭ 130: 1663, 120]. По указанию РОВС'а Баиову было поручено создать на местах различные общества и организации, которые бы объединяли офицеров русской армии и служили бы основой для формирования воинских подразделений на случай войны с СССР [ФГАЭ 130: 1663, 118].

После возвращения с Зарубежного съезда Баиов начал активную работу по объединению русских эмигрантов и в первую очередь ее военной части. До конца 1926 г. Баиову удалось организовать комитет «Дня русского инвалида», открыть таллиннский отдел Союза русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии и, устранив Васильковского, возглавить Объединение георгиевских кавалеров в Эстонии. С 1926 г. Баиов начал процесс объединения русских скаутов в Эстонии и в 1927 г. после интриги, подобной истории с Васильковским, возглавил Отдел русских скаутов в Эстонии (подробнее см. § 10). Баиов поддерживал связь с местными «кирилловцами» во главе с адмиралом П. П. Левицким, который участвовал в организационном собрании комитета «Дня русского инвалида» [Баиов 1926б], а в 1931 г. был председателем его ревизионной комиссии [Комитет 1931]; во время ссоры Баиова с Васильковским П. П. Левицкий принял сторону Баиова. По словам его сына старшего лейтенанта А. П. Левицкого, адмирал Левицкий очень часто вступал в конфронтацию с Васильковским, так как тот претендовал на руководство всеми монархистами в Эстонии [ФГАЭ 129: 26759, 73 (приложение)].

Вероятно, еще до 1926 г. в Эстонии были созданы некоторые полковые объединения. Главой объединения лейб-гвардии Егерского полка был Баиов. Кроме этого объединения в Эстонии также существовали объединения лейб-гвардии Семеновского, Павловского, Преображенского, Кавалергардского, 2-го стрелкового Царскосельского полков, лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады и объединения воспитанников кадетских корпусов, училищ и академий (подробнее см. § 4). В 1931 г. Баиов был инициатором создания Союза русских военных инвалидов в Эстонии и Общества помощи бывшим русским военнослужащим в Эстонии. Создание этих организаций, так же, как и, в определенной мере, создание комитета «Дня русского инвалида» и таллиннского отдела Союза русских увечных воинов, было результатом противостояния Баиова и Васильковского, под опекой и контролем которого были Союз русских увечных воинов в Нарве и созданный в 1931 г. Союз взаимопомощи чинов бывшей Северо-Западной армии и русских эмигрантов в Эстонии.

По некоторым сведениям, к 1927 г. в среде русских военных существовал «Союз молодежи», объединявший молодых офицеров производства военного времени и Гражданской войны. Причиной создания этого союза стало постановление о регистрации в союзы офицеров при РОВС'е только кадровых офицеров, офицеры же позднего производства должны были состоять при одном из кадровых офицеров наряду с нижними чинами. В Эстонии союз возглавляли полковник Р. В. Садовский и прапорщик И. К. Антонов. Союз занимал нейтральную позицию, не поддерживая ни «николаевцев», ни «кирилловцев»; видимо, и в конфликте двух генералов его члены старались держаться в стороне [ГАЭ 138: 1: 46, 54; Бойков 2001а, 80].

Все объединения и союзы, находившиеся под руководством Баиова, стали основой и прикрытием деятельности РОВС'а в Эстонии. Стоит отметить, что эстонское отделение РОВС'а организационно состояло практически только из членов объединений военных, входивших в юрисдикцию А. К. Баиова. Например, известно, что Союз северо-западников в Эстонии не входил в РОВС [ФГАЭ 129: 28966, 59],

хотя некоторые члены этого союза и других организаций в Эстонии состояли в РОВС'е на основе персонального членства. В целях расширения деятельности РОВС'а в Эстонии Баиовым планировалось открыть его отделения в Нарве и Тарту [Бойков 2000, 70], но, кажется, эта идея в силу каких-то неизвестных нам причин осталась нереализованной.

В 1926 г., согласно директиве, полученной из Центрального комитета РОВС'а, Баиовым была проведена пробная мобилизация и выработан мобилизационный план. Эстонское правительство и военные были не против проводимой Баиовым деятельности, вероятно, расчитывая в случае нападения СССР на Эстонию, на непосредственное участие военных кадров Баиова в защите государственных интересов страны [Бойков 2000, 71]. Разрешение на проведение мобилизации было получено Баиовым от министра внутренних дел Эстонии [ГАЭ 138: 1: 47, 185]. Согласно ее результатам, в распоряжении Баиова было 18 генералов, 12 штаб-офицеров Генерального штаба, 141 штаб-офицер, 604 обер-офицера и 83 артиллерийских офицера [ГАЭ 138: 1: 47, 89]. Штаб Баиова состоял из начальника штаба генерала А. О. Штубендорфа, начальника оперативного отделения генерала А. Е. Вандама, начальника контрразведки полковника Б. В. Энгельгардта и адъютанта командующего есаула В. Г. Елисеева.

В рамках этого мероприятия Баиовым были организованы офицерские курсы, которые проводились на квартире капитана Н. И. Иванова в Копли в районе Русско-Балтийского завода. На курсах преподавали А. К. Баиов, А. О. Штубендорф, В. Л. Драке, Н. И. Иванов, В. В. Нотбек и другие [ГАЭ 138: 1: 47, 89]. В начале 1930-х гг., при созданном Баиовым Обществе помощи бывшим военнослужащим в Эстонии были организованы курсы унтер-офицеров, на которых обучались некоторые активисты из эмигрантской молодежи (В. Виноградов, Б. Виноградов, С. Ходаровский, В. Заркевич и другие) [ФГАЭ 129: 25 373, 84–85].

Обычно на собраниях членов РОВС'а зачитывались доклады, сводки, циркуляры и директивы, присылаемые из Парижа [ФГАЭ 129: 28 198, 82–85; 130: 1663, 49 об.]. Однако это была внешняя сторона деятельности РОВС'а, наиболее серьезная и скрытая работа этой организации заключалась в получении разведданных из СССР, осуществлении там террористических актов и в подготовке повстанческих отрядов.

Как уже говорилось в начале этой главы, разведывательная деятельность осуществлялась русскими военными из числа северо-западников с самого начала 1920 г., причем она велась с ведома и при поддержке эстонской разведки. А. К. Баиов не без основания полагал, что со стратегической точки зрения Эстония занимала очень выгодное географическое положение, поэтому эстонское отделение РОВС'а должно было занимать привилегированное положение в общей структуре союза [ФГАЭ 130: 11 566: II, 53–54]. Важность стратегического положения Эстонии осознавало и руководство РОВС'а. Так, еще в 1921 г. для ведения разведывательной работы штабом П. Н. Врангеля в Таллинн был командирован капитан В. И. Щелгачев [ГАЭ 138: 1: 47, 89]. В 1923 г. к нему из Сербии Врангелем был послан жандармский полковник Н. В. Самохвалов [Никулин 1965, 108].

Весной 1922 г. по поручению правления Высшего монархического совета в Эстонию с каким-то тайным заданием прибыл полковник А. С. Гершельман. В Таллинне он остановился у однополчанина полковника К. Я. Колзакова, встречался с генералом В. Н. Горбатовским, полковником Б. В. Энгельгардтом, пажом Засядко, Ю. А. Артамоновым. Во время своего прибывания в Эстонии Гершельман ознакомился с деятельностью групп русских монархистов в Тарту, Кивиыли и Нарве [Полковник А. С. Гершельман 2005, 151]. Какую-то конспиративную работу на

советско-эстонской границе проводил генерал И. Е. Эрдели, прибывший в Эстонию приблизительно в начале марта 1923 г. В Эстонии он встречался с генералом Я. Соотсом и около двух месяцев провел в районах, расположенных на границе с Россией. В середине мая он был арестован в районе Раквере, затем сослан на остров Хийумаа, после чего получил разрешение на выезд в Париж [Хроника 1923в; Бойков 2000, 72].

По-видимому, все это было связано с деятельностью «Треста» — самой громкой и известной операцией советских разведорганов в борьбе с белой эмиграцией. Собственно, зарождение «Треста» было напрямую связано с Эстонией. Именно через агента белогвардейской разведки поручика лейб-гвардии Конного полка Ю. А. Артамонова будущий провокатор и главное действующее лицо операции А. А. Якушев (Федоров) в ноябре 1921 г. пытался наладить связь с Высшим монархическим советом, а после того, как он был завербован ГПУ, к Ю. А. Артамонову и В. И. Щелгачеву был подослан от его имени агент П. П. Колесников, и механизм «Треста» был запущен [Никулин 1965, 13, 83–89; Флейшман 2003, 284]. В дальнейшем Эстония стала одной из основных баз переброски в СССР боевиков А. П. Кутепова, которых приезжавший в 1922 г. А. С. Гершельман готовил лично [Полковник А. С. Гершельман 2005, 152].

Как известно, в сети «Треста» попали многие белогвардейские эмигрантские организации и многие значительные фигуры (например, генерал А. П. Кутепов). «На крючке» у чекистов находились многие иностранные разведки, в том числе и эстонская. Все забрасываемые в СССР диверсионные группы Кутепова и отдельные русские монархисты находились под непристанным контролем ГПУ-ОГПУ, и во многих случаях участь их была весьма печальна. У нас нет прямых доказательств сопричастности к «Тресту» деятельности местных конспиративных организаций. Известно, что, например, А. С. Гершельман во время своего пребывания в Эстонии, следуя полученным инструкциям, всячески старался избегать разговоров с местными белогвардейцами на тему деятельности разведгрупп генерала Кутепова [Полковник А. С. Гершельман 2005, 152]. В своих показаниях Б. В. Энгельгардт рассказывал, что встречался с М. В. Захарченко-Шульц, Г. Н. Радкевичем и П. С. Араповым, но о том, что он выполнял какие-то поручения, он не проронил ни слова [Исаков 2005, 210].

Тем не менее, нам известно, что переброска на территорию СССР диверсантов и агентов осуществлялась самостоятельно и местными организациями. Еще в 1924 г. О. П. Васильковский через А. И. Иванова пригласил к себе в Таллинн группу нарвских монархистов в составе Н. А. Яковлева, Н. А. Подмошенского, П. И. Косова, И. И. Антонова, М. Балабоскина и братьев Петуховых и предложил им создать в Нарве организацию с целью ведения разведывательной работы на территории СССР. Организация этой работы была поручена полковнику Н. А. Яковлеву, который также должен был установить связь с отделом разведки штаба 1-й эстонской дивизии в Нарве [ФГАЭ 129: 28966, 18–20]. Осенью 1925 г. Н. А. Яковлев установил связь с начальником штаба 1-й дивизии колонелем П. Г. Трийком и начальником отдела разведки штаба дивизии капитаном Томсоном, и был принят на службу в качестве вербовщика и старшего агента разведки [ФГАЭ 129: 28966, 27–28; 138: 1: 47, 220]. Для переброски в СССР в качестве разведчика Яковлевым был предложен поручик команды пеших разведчиков Талабского полка Северо-Западной армии И. И. Антонов. В ноябре 1925 г. И. И. Антонов был переправлен через границу и через три недели вернулся обратно с выполненным заданием. В чем конкретно заключалось это задание неизвестно. По словам Н. А. Яковлева, с Антоновым он вскоре разругался и перестал сотрудничать [ФГАЭ 129: 28966, 18–20].

Однако И. И. Антонов продолжил работать с эстонской разведкой и в 1925 г. был послан с заданием снова. На этот раз он был схвачен советскими пограничниками и приговорен к 10 годам каторжных работ (информация об этом якобы появилась в советских газетах). В конце ноября 1926 г. он неожиданно появился в Нарве. По его словам, ему удалось бежать. Почти сразу же после его появления он был арестован эстонской полицией и исчез [ФГАЭ 129: 28966, 30–31; 138: 1: 47, 219–220; Нарва 1926]. Вместо Антонова Н. А. Яковлев предложил эстонской разведке нового агента — унтер-офицера и георгиевского кавалера Н. Богданова, который в 1926 г. был послан с заданием, но не вернулся, так как тоже был схвачен [ФГАЭ 129: 28966, 31, 33; 138: 1: 47, 220]. После этого, со слов Н. А. Яковлева, он испортил отношения с П. Г. Трийком и прекратил работу с эстонской разведкой [ФГАЭ 129: 28966, 33–34].

Параллельно с организацией О. П. Васильковского с 1924 г. разведывательная деятельность была налажена и А. К. Баиовым. Отправкой агентов ведал полковник Р. В. Франк, который так же, как и Н. А. Яковлев, сотрудничал со штабом 1-й эстонской дивизии в Нарве [ФГАЭ 129: 28966, 52]. Однако в большинстве случаев агенты Р. В. Франка также попадали в руки ОГПУ. Так, в 1925 г. на территории СССР были задержаны 9 человек, посланные полковником Р. В. Франком: штабс-капитан Н. И. Падера, М. С. Иванов, братья Д. А. и Н. А. Гоканнены, А. Л. Снарский, Н. Г. Гусев, М. А. Николаев, В. А. Григорьев и Н. С. Вархин. В задачи этой диверсионной группы входили поджег гатчинского аэродрома и минирование железнодорожных путей. Весной 1926 г. был схвачен подполковник И. А. Гринев, который также являлся агентом полковника Франка [ФГАЭ 138: 1: 47, 220–221].

Кроме Нарвы Баиовым были созданы специальные перевалочные пункты в Сыренце, Изборске и Печорах и установлена связь со штабом 2-й эстонской дивизии в Тарту, где отправкой агентов занимался белогвардейский офицер Фальберг, чьи агенты тоже неоднократно ловились чекистами. В 1927 г. в районе Гдовского уезда был арестован В. Морозов, в том же году были схвачены полковник Э. Э. Бушман, Н. Ильин, К. Бессонов, А. Борисов, Скворцов и Лаусман [ФГАЭ 138: 1: 47, 219–221].

Все же надо полагать, что некоторые агенты благополучно выполняли свою задачу и возвращались обратно. Как уже отмечалось выше, информация, добываемая на территории СССР, предоставлялась также эстонской и иностранным разведкам. Имеются сведения, что на иностранные разведки работали некоторые русские офицеры, которые также посылали своих агентов в СССР с целью получения информации военного значения. В числе таких сотрудников иностранных разведок были жандармский полковник Б. М. Севастьянов, старший лейтенант А. Ф. Жидков, полковник Н. В. Васильев, работавшие на английскую разведку; агентом французской разведки был служивший в посольстве Франции в Таллинне Л. К. Гейман [ФГАЭ 129: 26759, 119; 28966, 62–63; Исаков 1999, 68; Русская военная эмиграция 2001: II, 430–435]. Однако есть все основания предполагать, что объем добываемой информации был невелик, и зачастую местные белогвардейцы занимались фабрикацией разного рода советских и коминтерновских документов [Гордиевский 1999, 96–97].

В 1927 г. в связи с ухудшением англо-советских отношений, закончившимся 27 мая разрывом со стороны Великобритании торговых и дипломатических отношений с СССР, в среде русской военной эмиграции наблюдался новый всплеск активности, связанный с надеждами на начало новой масштабной интервенции против советской власти в России. Эстонии в этих планах отводилась особенная роль.

В конце февраля 1927 г. в Эстонию приехал видный эмигрантский деятель Б. А. Суворин, который встречался с руководителями отдела РОВС'а в Эстонии

А. К. Баиовым и Б. В. Энгельгардтом, а также с министром иностранных дел Эстонии. По сообщению агента Иностранного отдела ОГПУ СССР, одной из основных задач посещения Б. А. Суворины Эстонии было «зондирование почвы Балтийских государств в целях их использования в качестве базы для предполагаемой интервенции против СССР» [Бойков 1999, 77].

Радикальная часть РОВС'а во главе с А. П. Кутеповым стремилась использовать складывавшуюся, как казалось, отрицательно для СССР международную обстановку и обострившийся внутрипартийный конфликт в СССР. Однако, А. П. Кутепов считал, что иностранные правительства окажут материальную поддержку «только в том случае, если белая эмиграция докажет свою жизнеспособность тем, что будет активно бороться с Советской властью» [Шкаренков 1986, 155]. А. П. Кутепов был убежден, что наиболее эффективным методом такой борьбы является террор, поэтому на совещании со своими сотрудниками в марте 1927 г. в Териоках Кутепов предложил приступить к активным террористическим действиям. С начала июня боевики Кутепова провели ряд диверсий и покушений. Если попытка группы М. В. Захарченко-Шульц в Москве не увенчалась успехом, то взрыв в ленинградском партийном клубе был осуществлен. Последовавшие за тем убийства посла СССР в Польше П. Л. Войкова и белорусского чекиста И. Опанского произвели определенный эффект и международный резонанс.

Однако разоблачения бежавшего из СССР в Финляндию Стауница-Опперпута, свидетельствовавшие о том, что «Трест» является ни чем иным, как грандиозной мистификацией советских спецслужб, нанесли серьезный удар по всей белой эмиграции и в первую очередь по деятельности и репутации А. П. Кутепова. Вероятно, еще до июньских терактов Кутепов стал активно вовлекать в свои планы и эстонское отделение РОВС'а, которое до этого, кажется, выполняло лишь вспомогательные задания, связанные с переброской боевых групп Кутепова. Известно, что в 1927 г. Кутепов встречался в Риге с Б. В. Энгельгардтом [Исаков 2005, 210]. Когда точно эта встреча состоялась, и о чем на ней шла речь нам не известно, но можно предположить, что Кутеповым были даны инструкции по осуществлению террористической деятельности, направленной против представителей СССР в Эстонии и в самом СССР.

Активизация русских монархистов в Эстонии была очевидна и для полиции, и для общественности. Эстонская полиция неустанно следила за их действиями с начала 1920-х гг. За их деятельностью внимательно следила и советская разведка и неоднократно через полномочного представителя СССР в Эстонии осуществляла по этому вопросу давление на эстонское правительство [Документы 1965, X, 581]. Определенную озабоченность эстонских властей вызвало выступление русских монархистов на лекции П. Н. Милюкова, состоявшейся 19 мая 1927 г. в концертном зале «Эстония». На лекции присутствовало много эстонских государственных, политических и военных деятелей, и поэтому обструкция, устроенная П. Н. Милюкову местными монархистами, не могла остаться незамеченной [Бойков 1999, 79]. Постановлением исполняющего обязанности министра внутренних дел Н. Реэка все участники этого выступления (А. В. Чернявский, А. А. Кулицкий, С. Н. Ивков, Г. А. Тальма и С. В. Заркевич) должны были покинуть Эстонию, но на самом деле уехал только полковник А. А. Кулицкий, так как являлся гражданином Литвы; остальные, как не имеющие какого-либо гражданства, были сосланы на остров Кихну [Постановление 1927; Кулицкий 1927].

Почти сразу после этих событий с военной службы был уволен генерал Д. К. Лебедев. Официальное объяснение причины его отставки было весьма

странным: Лебедев якобы послал официальное письмо в Финляндию на шведском языке, хотя должен был писать по-эстонски [Уход со службы 1927]. По информации советской разведки в Эстонии, его уволили «за монархизм» [Бойков 1999, 84]. По аналогичной причине еще в феврале того же года из страны был выслан член местного отдела Высшего монархического совета и один из делегатов от Эстонии на Зарубежном съезде 1926 г. П. Н. Яхонтов. В печати сообщалось, что причиной высылки тоже являлось письмо — или точнее его содержание, — которое он отправил видному монархисту герцогу Г. Н. Лейхтенбергскому [П. Н. Яхонтов 1927].

После убийства 7 июня в Варшаве посла СССР П. Л. Войкова в эстонских газетах стали писать о том, что таллиннский Русский клуб превратился в «гнездо монархистов», и на одном из его собраний якобы обсуждался вопрос о выступлении против советских представителей в Таллинне [К уходу 1927; Слухи 1927]. 15 июня 1927 г. А. К. Баиов, как председатель совета старшин Русского клуба, был вызван в отделение эстонской политической полиции, где состоялся допрос на предмет участия Баиова в монархических организациях. На допросе А. К. Баиов всячески отрицал факт существования в Эстонии монархической организации, хотя честно заявлял, что сам он является убежденным монархистом [ГАЭ 1: 7: 28, 189–189 об.]. Видимо, никаких репрессивных мер не было принято, и это дело закрыли.

Если А. К. Баиову, ввиду наличия среди высшего военного руководства страны покровителей и заступников, каждый раз удавалось избегать высылки из страны или другого вида наказания, то генералу О. П. Васильковскому явно не везло, так как он был в определенной степени изгоем и среди русских военных в Эстонии, и среди эстонских военных, и среди русских военных за рубежом. Не успела еще утихнуть молва о русских монархистах в Русском клубе, как в газетах появилось сообщение о том, что арестован генерал Васильковский. Васильковскому было предъявлено обвинение «в проявлении деятельности, угрожающей миру и безопасности Эстонского государства»; реально же вина Васильковского заключалась в укрытии у себя нелегально прибывшего из Ленинграда некоего Н. А. Вольского, который, вероятно, был одним из агентов Васильковского. По постановлению министра внутренних дел И. Гюнерсона, Васильковский приговаривался к штрафу в 50 000 эстонских марок или одному месяцу тюрьмы и высылке из Эстонии. В результате Васильковский отсидел в тюрьме положеный срок и в августе был выслан на остров Хийумаа, откуда вернулся лишь летом 1928 г. [Новая высылка 1927; Подробности 1927; Мин. И. Гюнерсон 1927; Ген. Васильковский; ФГАЭ 129: 28966, 58].

Все-таки есть основания полагать, что местным отделением РОВС’а готовилось покушение на советского полпреда. В материалах Иностранного отдела ОГПУ СССР в Эстонии содержатся сведения о том, что по указанию из центра местные монархисты должны были совершить терракт сразу же после убийства П. Л. Войкова, то есть после 7 июня. Монархистам даже удалось завербовать эстонского полицейского, который стоял на посту недалеко от советского посольства. От него монархисты получали сведения о том, когда уезжает и приезжает машина полпреда, кто, когда и приблизительно в какое время выезжает и приезжает в посольство. Однако по каким-то причинам покушение было сорвано [ГАЭ 138: 1: 47, 183]. Стоит предположить, что советская разведка ввиду хорошей осведомленности о планах монархистов сумела предупредить их действия, пустив информацию об их приготовлениях в прессу. Таким образом, шумный скандал и разбирательство вокруг собраний русских монархистов в Русском клубе нарушили их планы.

Но Баиов и его группа продолжили подготовку к покушению и после некоторых подготовительных работ было решено произвести терракт в конце октября – начале

ноября 1927 г. С докладом о результатах подготовительной работы и для получения дальнейших инструкций в Париж к А. П. Кутепову был отправлен капитан лейб-гвардии Измайловского полка Н. А. Байков [ГАЭ 138: 1: 47, 183]. Но еще до его возвращения, кажется, опять-таки не без помощи советкой разведки, дело получило огласку [Высланный 1927; Документы 1965, X, 581].

Просочившаяся в эстонскую печать информация о том, что русские монархисты готовили покушение на советского полномочного представителя в Эстонии стала очередной сенсацией [Pagulaste 1927; Сенсационные слухи 1927]. Сообщалось, что некий эмигрант Луковский вместе с В. Г. Елисеевым и студентом Феофановым получили задание от местного руководства монархической организации совершить покушение [Новые подробности 1927]. После этого, 24 октября эстонской полицией были произведены обыски в Комитете русских эмигрантов, у А. К. Баиова, С. П. Мансырева, Б. В. Энгельгардта, А. В. Икскуля и др. В результате обысков была конфискована переписка и монархическая литература. У эстонской полиции имелись подозрения, что монархисты в Эстонии создали весьма серьезную организацию, обладавшую солидной материальной базой [Обыски в Ревеле 1927; У кого 1927]. От имени подозреваемых с опровержением подобного рода толков по этому делу в печати выступил Б. В. Энгельгардт [Энгельгардт 1927], но, кажется, разубедить общественность ему не удалось.

На самом деле, данная история была весьма туманна и противоречива. Эстонская печать по этому делу никаких подробностей не сообщала, а зарубежная путалась в догадках, выдвигая две возможные версии. В рижской газете «Сегодня», со ссылкой на финскую прессу, сообщалось, что, по одной из версий, Луковский был, вероятно, агентом ГПУ, в задание которого входило скомпрометировать русских монархистов и вызвать осложнения в эстонско-советских отношениях; по другой версии, Луковский якобы явился к эстонским властям с заявлением о том, что местные монархисты его уговаривают совершить терракт в отношении советского полпреда [Темная история 1927]. Так или иначе, обе версии свидетельствовали о провокаторской роли Луковского в этом деле. Весьма примечательно и то, что к такому же заключению пришел министр внутренних дел Эстонии Я. Я. Темант, который в одном из интервью утверждал, что Луковский получил задание от второго секретаря советского посольства в Таллинне Таранова [Эстонская печать 1927]. На это заявление советское посольство отреагировало нотой протеста, требуя опровержений [Петровский 1927], но эстонское правительство оставило ноту без внимания [Документы 1965, X, 582], после чего в советских «Известиях» была опубликована очень резкая статья об открытой враждебности Эстонии по отношению к СССР, которая особенно усилилась после разрыва англо-советских отношений, и о поддержке эстонским правительством деятельности русских белогвардейцев [СССР 1927].

В 1927 г. в среде русской эмиграции приобрела громкую известность весьма законспирированная и радикальная организация «Братство Русской Правды» [Флейшман 2003, 233]. Организация была основана в 1921 г. герцогом Г. Н. Лейхтенбергским, публицистом С. А. Соколовым-Кречетовым и генералом П. Н. Красновым и действовала с одобрения великого князя Николая Николаевича и с благословения митрополита Антония. «Братство Русской Правды» состояло из автономных отрядов, которые вели партизанскую борьбу и ввиду строгой конспирации не сообщали детали своей деятельности даже в центр. Основными кадрами для отрядов Братства служили остатки отрядов так называемой «Дружины зеленого дуба», действовавшего в Белоруссии, отрядов С. Н. Булак-Балаховича и

Б. В. Савинкова. В своих отчетах Братство утверждало, что развернуло колоссальную партизанскую войну в западных и южных районах СССР и на Дальнем Востоке. В начале 1930 гг. ОГПУ сумело внедрить своего провокатора Н. Кольберга в латвийский отдел организации, и в 1932 или 1933 г. «Братство Русской Правды» распалось [Назаров 1994, 232–233].

В Эстонии «Братство Русской Правды» начало свою деятельность в 1921 г. в Нарве, где небольшую группу этой организации возглавил ротмистр Б. А. Тишнер [Бойков 2001а, 79]. В Нарве существовало несколько небольших групп Братства, и очень часто члены одной группы лишь смутно догадывались о существовании другой. Членами разных групп Братства в Нарве были штабс-капитан Н. Н. Четвериков, капитан П. Н. Максимов, капитан Н. А. Подмошенский, прапорщик В. С. Волков, смотритель Нарвской эмигрантской гимназии Б. Петров, Е. И. Орнатский и ученики Нарвской эмигрантской гимназии [ФГАЭ 129: 25445, 25; 26756, 16–17, 23, 92, 94, 177; 130: 15096, 22 об.–23]. В основном деятельность нарвской группы Братства заключалась в переправке в СССР пропагандистской литературы, которую переправляли почтой, рассовывали по поездам, следовавшим в СССР, и доставляли через рыбаков и ходоков; в планах было даже наладить радиовещание на СССР [ФГАЭ 129: 26756, 16–17; 130: 9056, 19 об., 21]. Нарвские группы поддерживали тесную связь с отделом Братства в Латвии во главе со светлейшим князем полковником А. П. Ливеном. В 1930–1931 гг. от А. П. Ливена в Нарву приезжали В. С. Столыгво и Н. Н. Лишин с листовками Братства, печатавшимися в Латвии [ФГАЭ 130: 9056, 18–18 об., 21]. В. С. Столыгво и Н. Н. Лишин были очень недовольны работой Б. А. Тишнера, который любил выпить и вообще вел разгульный образ жизни, поэтому в 1931 г. он был смещен, и его пост занял В. С. Волков [ФГАЭ 130: 9056, 17 об., 18 об.; Бойков 1998а, 131]. После развала «Братства Русской Правды» молодые члены организации в основном перешли в Национально-трудовой союз нового поколения [Бойков 1998а, 131].

Известно также, что группы Братства существовали в Таллинне и Печорском уезде. В Таллинне деятельностью местного филиала Братства руководил А. К. Баиов [ФГАЭ 129: 28198, 23]. Членом одной из групп был штаб-ротмистр А. В. Ефремов, завербованный, по его словам, Н. Н. Лишиным [ФГАЭ 130: 11566: II, 51]. В Печорском уезде деятельность групп Братства курировал капитан К. Д. Мерказин. Печорские группы просуществовали дольше остальных, пережив распад Братства в 1932–1933 гг., и продолжали действовать приблизительно до 1937 г. [Бойков 2001а, 79; Калкин 2003, 152]. Подробности деятельности этих групп нам не известны, скорее всего они, так же, как и нарвские объединения, занимались распространением литературы Братства.

Вообще в первой половине 1930-х гг. деятельность РОВС'а в Эстонии под руководством А. К. Баиова становится менее активной. Некоторые ближайшие сотрудники Баиова были недовольны пассивностью своего руководителя. Так, например, Б. В. Энгельгардт часто ссорился с Баиовым по этому поводу и предлагал, в частности, провести ряд террористических актов, ссылаясь на пример А. К. Кутепова и его группы [ФГАЭ 129: 28 198, 72 об.]. Именно поэтому Б. В. Энгельгардт начал вести свою деятельность по линии РОВС'а независимо от своего начальника, что вызывало недовольство Баиова. Энгельгардт установил непосредственную связь с ключевыми фигурами РОВС'а полковником А. А. Зайцевым, генералами А. А. Лампе и А. М. Драгомировым, а также с эстонской, немецкой, английской и французской разведками [Исаков 2005, 211–213]. Благодаря

поддержке эстонской полиции и разведки Энгельгардт неоднократно осуществлял переброску своих агентов в СССР [Исаков 2005, 211–212].

Однако самым значительным достижением Энгельгардта, как начальника разведки и контрразведки отделения РОВС'а в Эстонии, надо считать осуществленный им блестящий развал резидентуры советской разведки в Эстонии. С 1932 г. по 1936 г. Энгельгардт сумел обмануть бдительность советских разведчиков, притворившись, что искренне верит в то, что он был завербован для работы на немецкую разведку, не подозревая, что завербовавший его Н. Шедлих является агентом советской разведки. За 4 года виртуозной работы Энгельгардт смог не только полностью дезинформировать советскую разведку, но и внедрить в ее ряды своих агентов и устранить многих советских, что, в конечном счете, свело практически к нулю всю разведывательную и агентурную деятельность советской разведки в Эстонии [подробнее см.: Иконников 2000; Исаков 2005, 215–223].

После смерти А. К. Баиова Б. В. Энгельгардт возглавил эстонское отделение РОВС'а и созданный Баиовым в 1931 г. Союз русских военных инвалидов в Эстонии, а также вошел в состав правления Общества помощи бывшим русским военнослужащим в Эстонии. Это позволило ему продолжить работу, начатую Баиовым по объединению и сплочению рядов русских военных в Эстонии [Исаков 2005, 225–226]. После закрытия в 1936 г. Союза взаимного вспомоществования бывших чинов Северо-Западной армии и русских эмигрантов в Эстонии, Энгельгардт, желая максимального объединения всех русских военных в Эстонии, ходатайствовал перед генералом Э. А. Верцинским, возглавлявшим Общество помощи бывшим русским военнослужащим, о вхождении в него членов закрытого союза. Но Э. А. Верцинский был категорически против, так как считал невозможным прием солдат и унтер-офицеров в исключительно офицерское по своему составу общество [Исаков 2005, 227].

Между тем, именно при Союзе северо-западников, с 1931 г. была неплохо организована агентурная и диверсионная деятельность на территории СССР. Со слов одного из активных членов этой организации П. А. Горбовского, в 1931 г. О. П. Васильковский ездил в Париж, где встречался с генералом П. Н. Шатиловым, который поручил ему организовать на территории СССР повстанческие группы и снабжать их агитационной литературой для ведения среди населения антисоветской пропаганды [ФГАЭ 130: 6122, 34].

Если верить П. А. Горбовскому, то такие отряды были действительно созданы. Близлежащая к Нарве советская территория была поделена на секторы, и каждому члену организации было поручено руководить работой в одном из них: П. А. Горбовский руководил работой в районе Порхова и частично в Псковском районе, по Лужскому и Кингисеппскому району были ответственными Д. А. Гаврилов и Н. Д. Гужавин, а в районе Острова работу курировали Н. А. Подмошенский и С. А. Кудрявцев. П. А. Горбовский утверждал, что в его районе действовало до пяти групп, численность которых доходила до 200 человек [ФГАЭ 130: 6122, 38]. Наиболее активной была группа Сорокинского, имевшая в своем распоряжении большие запасы оружия и взрывчатых веществ. В числе «подвигов» этой группы была организация нескольких крушений поездов на железнодорожной линии Порхов-Псков [ФГАЭ 130: 6122, 34].

О. П. Васильковский был очень недоволен действиями группы Сорокинского, так как считал, что столь масштабные терракты могут привести к гибели всей подпольной организации. В свою очередь Васильковский предлагал осуществлять покушения на отдельных партийных деятелей и функционеров. Однако это

предприятие потерпело неудачу — все посланные в СССР с этим заданием люди обратно не возвращались и, видимо, сами гибли от рук тех, кого они собирались ликвидировать [ФГАЭ 130: 6122, 34–36].

К сожалению, ни опровергнуть, ни дополнить эти свидетельства не представляется возможным, так как все остальные участники этой организации на следствии ни словом не обмолвились о ее существовании. Существуют также не совсем достоверные сведения, что в 1933–1934 гг. прибалтийским отделом Российского имперского союза, центр которого находился в Париже во главе с Н. Н. Рузским, а в Эстонии его представителем был А. С. Гущин, были подготовлены диверсионные группы для переброски в СССР [Бойков 2001а, 90]. Однако какой-либо дополнительной информации, подтверждающей этот факт, пока не обнаружено.

Тем не менее, на основе ставших в последнее время известными документах ОГПУ можно утверждать, что, благодаря работе разного рода белогвардейских организаций, в конце 1920-х–начале 1930-х гг. на территории СССР деятельность конспиративных и повстанческих групп приняла невиданный размах. Если, по официальным данным ОГПУ, в 1929 г. через судебные «тройки» прошли 5 885 человек, то в 1930 г. суду были преданы 179 620 человек, из которых 18 966 человек были приговорены к расстрелу. За 1930 г. чекисты зафиксировали по СССР 13 754 массовых выступлений против советской власти, включая 176 повстанческих. Известно, что с января по апрель 1930 г. прошло 6 117 крестьянских выступлений, в которых участвовало около 1,8 миллионов человек. За 1932 г. было зафиксировано более 5 000 высказываний откровенно повстанческого характера со стороны красноармейцев и командного состава армии [Александров 2004, 40–41].

Что касается общего характера деятельности русских военных в Эстонии в 1930-е гг., то можно сказать, что в сравнении с 1920-ми гг. их активность явно пошла на убыль. В целом это была общая тенденция, характерная как для всего Русского Зарубежья, так и для Эстонии, где особенно после установления диктатуры Пятса-Лайдонера наступило время общественно-политического застоя и стагнации. В 1936 г. был закрыт Союз вспомоществования чинов бывшей Северо-Западной армии и русских эмигрантов в Эстонии. Организация русских скаутов в Эстонии была включена в общеэстонскую организацию и в результате лишилась и части своих членов, и своей автономии, а русские утратили былой контроль и влияние в организации. Хотя до прихода советской власти в Эстонии продолжали действовать Союз русских увечных воинов-эмигрантов, комитет «Дня русского инвалида», Союз русских военных инвалидов, Общество помощи бывшим русским военнослужащим и Касса взаимопомощи моряков; хотя во многом не безуспешно продолжало функционировать эстонское отделение РОВС’а, все же уровень их активность был уже не тот. К тому же с течением времени контингент русских военных неуклонно старел и по причине естественной убыли сокращался, многие в поисках лучшей жизни покидали Эстонию. За редким исключением все оставшиеся к 1940 г. в Эстонии русские военные были схвачены соответствующими органами советской власти и расстреляны или погибли в лагерях.

§ 3. Служба в эстонской армии и военных учебных заведениях Эстонской Республики

Во время Освободительной войны в составе эстонской армии наряду с эстонцами сражалось немало представителей других национальностей, прежде всего из числа местных русских и немцев. Некоторые из них, как, например, полковник Г. И. Феофанов, подполковник К. Д. Троицкий, капитаны Н. Ф. Дучинский и П. Н. Феофанов и младший лейтенант Н. С. Гурьянов, за боевые заслуги были награждены орденом Креста Свободы [Strauss 2004, 18–20, 56]. Помимо добровольцев из числа неэстонцев уже в ходе военных действий в ряды эстонских вооруженных сил был мобилизован еще и определенный контингент солдат и офицеров-инородцев. Так, например, практически весь личный состав кораблей «Леннук» и «Вамбола» состоял из русских морских офицеров. В дальнейшем многие из них по личной просьбе или по распоряжению генерала Й. Лайдонера были переведены в состав Северо-Западной армии и служили в ее рядах до момента ее расформирования.

В конце 1919 г., с началом переговорного процесса между Эстонией и Советской Россией, когда судьба Северо-Западной армии была уже фактически предрешена, командование эстонской армией, несмотря на весьма сложные и недоверительные взаимоотношения, сложившиеся с армией генерала Н. Н. Юденича, было весьма заинтересовано в привлечении в свои ряды русских офицеров-белогвардейцев. С одной стороны, офицерский корпус Северо-Западной армии был одним из основных козырей в руках эстонской делегации для давления в ходе переговоров на советскую делегацию, с другой стороны, эстонская армия, действительно, испытывала потребность в квалифицированных военных кадрах. Согласно официальным данным, во время Освободительной войны эстонская армия насчитывала 2 132 офицера, большинство из которых окончило школу прапорщиков или получило офицерский чин за проявленную храбрость на полях сражений. Лишь 117 офицеров из общего числа имели военное образование и достаточный опыт участия в военных действиях, а с высшим военным образованием насчитывалось только 13 офицеров [Eesti Vabadussõda 1996, I, 56].

Еще на мирной конференции в Тарту 5 декабря 1919 г. эстонская сторона настаивала на полном включении Северо-Западной армии в состав эстонской армии, против чего категорически выступала советская делегация. Однако по соглашению о перемирии от 31 декабря 1919 г. правительство Эстонии формально приняло требование Советской России о разоружении Северо-Западной армии и запрещении ее солдатам и офицерам вступать в ряды эстонской армии [Штейн 1958, 261–262]. В этом вопросе Эстония и руководство Северо-Западной армии не смогло найти поддержки и со стороны союзников ввиду отсутствия единства мнений между представителями Великобритании и Франции. Так, на заседании Парижской мирной конференции 5 января 1920 г. Великобритания выступала за полный переход Северо-Западной армии в эстонскую армию, Франция же наоборот была против, но в результате полной ликвидации Северо-Западной армии и подписания Тартуского мирного договора судьба остатков армии Н. Н. Юденича перестала интересовать ее бывших союзников [Штейн 1949, 292–293].

Еще в конце ноября 1919 г. на службу в эстонскую армию перешел ряд солдат и офицеров Северо-Западной армии, в том числе Балтийский полк и отряд Булак-Балаховича [Rosenthal 2006, 557–558], что, конечно, не могло не вызывать обеспокоенности у советского руководства. Однако, не взирая на то, что при составлении текста Тартуского мирного договора советская сторона сделала все

возможное, чтобы воспрепятствовать переходу офицерского состава Северо-Западной армии в эстонские вооруженные силы, пункты договора, касающиеся этого вопроса, все-таки в некоторых случаях не исключали такой возможности. В соответствии с параграфом третьим седьмой статьи договора, запрет на поступление на военную службу в эстонскую армию не касался тех солдат и офицеров белогвардейских армий, кто оптировался в Эстонию; кто, не будучи эстонцем по национальности, проживал на территории Эстонии до 1 мая 1919 г., и кто служил в правительственных войсках Эстонии до 22 ноября 1919 г. [Rahuleping 1920, 190].

Хотя большая часть личного состава Северо-Западной армии не подпадала под эти категории, все же многие русские офицеры могли воспользоваться этими исключениями. Тем не менее, в соответствии с этими пунктами договора, по приказу генерала Й. Лайдонера от 6 марта 1920 г. предписывалось исключить из рядов эстонской армии по меньшей мере 1179 солдат и офицеров Северо-Западной армии, и передать их в распоряжение министра внутренних дел как беженцев [Rosenthal 2006, 602]. Однако существовал и другой вариант привлечения на эстонскую службу русских военных специалистов, практиковавшийся достаточно часто и заключавшийся в том, что русские военные определялись на нестроевые должности временных инструкторов при воинских частях, технических специалистов при военных инженерных учреждениях, лекторов военных училищ и т. д.

В начале 1920-х гг. русских военных на эстонской службе было достаточно много. Согласно донесению резидента Особого отдела ВЧК в Финляндии от 20 апреля 1920 г., к тому моменту эстонская армия состояла на 8 % из бывших русских офицеров [Русская военная эмиграция 1998, 75]. По подсчетам Н. А. Кузнецова, в общей сложности в 1918–1940 гг. только в военно-морских силах Эстонии в разные периоды служило до 658 русских офицеров и военных чиновников [Кузнецов 2005, 188], что касается сухопутных родов войск, то стоит предполагать, что их число было значительно больше.

Однако с постепенным переходом как всей страны, так и армии на положение мирного времени, начался процесс демобилизации. Естественным образом, в первую очередь под увольнение в запас попали лица нетитульной национальности. В большей степени этому способствовало не столько решение военного руководства республики, сколько шумиха, поднятая на страницах эстонских газет. К примеру, в газете «Päevaleht» некий аноним, скрывавшийся под именем «Patronus», с возмущением констатировал тот факт, что по улицам Таллинна слоняется большое число бывших северо-западников в офицерской форме эстонской армии, которые демонстративно разговаривают по-русски и в то же время совершенно не владеют государственным языком. Автор статьи обращался с призывом незамедлительно обратить кому следует на это внимание и отстранять таких офицеров от службы [«Patronus» 1920].

Руководство эстонской армией должно было как-то реагировать на сложившуюся проблему, и уже в конце мая 1920 г. военным министром А. Ханко был отдан приказ, согласно которому все офицеры-инородцы обязывались в течении шести месяцев выучить эстонский язык, чтобы беспроблемно выполнять свои обязанности. В случае неисполнения приказа офицерам-инородцам грозило разжалование в рядовые [Pajur 1999, 143]. Вероятно, эта мера не привела к каким-либо существенным изменениям, так как спустя шесть месяцев критика вновь возобновилась, однако, первые репрессивные меры были приняты только в конце 1922 г., когда 40 офицеров-инородцев из-за незнания эстонского языка были освобождены от службы [Pajur 1999, 143]. Следующее увольнение по тому же поводу

состоялось в сентябре 1923 г., когда приказом военного министра с военной службы были уволены и зачислены в запас 23 инородца, большую часть из которых составляли русские. В числе отчисленных от службы были полковники В. Бреверн и Э. Э. Бушман, подполковники Н. Лежневский, Н. Цветков, Г. Лет, капитан В. А. Павлов, врачи Ф. Григорьев, В. Тацитов и В. Дементьев, военные чиновники А. Исаков, И. Исаков, В. Р. Федоров (лейтенант российского флота) и К. Викторов [Хроника 1923е]. Из-за незнания в достаточной степени государственного языка в мае 1924 г. из списков офицеров эстонской армии было исключено уже 120 офицеров [Исключение 120 офицеров 1924]. В августе 1924 г. еще 13 офицеров были разжалованы в рядовые, в том числе: полковник Р. В. Франк, подполковники В. В. Эшшольц, Б. Устав, капитан 2-го ранга П. Н. Филатов, поручики Л. Перм, Б. Шпигель, П. Власов, Е. Кортман, прапорщики Ф. Долль, И. Георгиев, П. Любомудров, А. Шульц и А. Троицкий [Хроника 1924г].

В мае 1927 г. распространились слухи, что по военному ведомству был отдан приказ о запрещении в будущем для лиц неэстонской национальности занимать офицерские вакансии в эстонской армии. К тому времени значительный численный состав офицеров нетитульной нации наблюдался в артиллерийских частях 2-й дивизии, кавалерии и отделе снабжения. Военному министру Н. Реэку пришлось давать объяснения. По его словам, эти слухи были явным недоразумением, так как ко всем офицерам эстонской армии предъявлялись одинаковые требования: наличие эстонского гражданства, знание эстонского языка и соответствующие профессиональные навыки. Министр отмечал, что на тот момент все офицеры-неэстонцы этим требованиям соответствовали. В то же время Н. Рэек констатировал, что в некоторых хозяйственных учреждениях военного министерства работал слишком большой процент неэстонских граждан, который в некоторых заведениях доходил до 30 %, как, например, на складе огнестрельных припасов в Мяннику. В связи с этим военное министерство распространило словесное распоряжение о необходимости принимать на работу в первую очередь эстонских граждан [Эстонская армия 1927].

Тем не менее, несмотря на многие трудности, некоторые офицеры-инородцы сумели приспособиться к сложившимся обстоятельствам, выучить на хорошем уровне эстонский язык и сделать военную карьеру в эстонских вооруженных силах. К этому числу принадлежали русские офицеры — колонели Г. И. Феофанов, Г. Бурвиков, А. Дойлов, колонель-лейтенант К. Д. Троицкий, капитан-лейтенант А. Н. Малевич, капитан-майор Б. Щепотьев, майор А. Семенов-Смолин, капитан Н. Ф. Дучинский [Pajur 1999, 143].

Другой сферой применения профессиональных знаний русских офицеров была преподавательская деятельность в военных учебных заведениях Эстонской Республики.

Проблема пополнения эстонских офицерских кадров и их профессиональной подготовки была актуальна как во время Освободительной войны 1918–1920 гг., так и после ее завершения. Поэтому в целях обучения эстонского офицерского корпуса распоряжением главнокомандующего от 3 апреля 1919 г. было сформировано Государственное Военное училище (Vabariigi Sõjakool), учебный процесс которого строился по образцу бывшей российской школы прапорщиков с четырехмесячным сроком обучения. В 1920 г. были открыты также Военно-техническое училище (Sõjaväe Tehnikakool), Военно-морское Кадетское училище (Mereväe Kadettide Kool), а в 1921 г. — Курсы Генерального штаба (Kindralstaabi kursused), по окончании

которых эстонские офицеры получали высшее военное образование [Pajur 1999, 148–153].

Одной из основных проблем, с которой столкнулось командование эстонскими вооруженными силами при организации военных учебных заведений, являлась нехватка профессиональных преподавателей. Поэтому было решено обратиться с предложением — занять вакантные места лекторов по различным отраслям военного дела — к русским военным специалистам, проживавшим в то время в Таллинне. К сотрудничеству был привлечен ряд инженеров, врачей, юристов, специалистов в области точных наук и преподавателей иностранных языков.

В качестве преподавателей Военного училища и Курсов Генерального штаба были приглашены на службу лекторы и профессора бывших российских высших военных учебных заведений. Среди таковых были профессора: генерал-лейтенант Г. М. Ванновский, читавший лекции по тактике кавалерии (с практическими занятиями) и по службе Генерального штаба; полковник П. П. Маресев, преподававший военно-инженерное дело (с практическими занятиями) и ведший занятия по рассмотрению тактико-стратегических задач; генерал-лейтенант Генерального штаба А. К. Баиов, читавший лекции по истории военного искусства, истории Первой мировой войны, военной статистике, стратегии и военной географии соседних с Эстонией государств; генерал-майор Генерального штаба Д. К. Лебедев (тактика пехоты, военно-техническая тактика, военная администрация и практические занятия по данным предметам). Должности лекторов также занимал и ряд других военных специалистов: генерал-майор Генерального штаба А. А. Зальф (лекции по тактике); генерал-майор В. Л. Драке (артиллерийское дело и тактика артиллерии), полковник Генерального штаба А. В. Кушелевский (практические занятия по тактике, военной статистике и рассмотрение тактико-стратегических задач по статистике и военной администрации); занятия по медицине проводил военный врач профессор С. А. Острогорский, по юриспруденции полковник В. Н. Рославлев [ГАЭ 646: 1: 162, 1–1об.; Kõrgem Sõjakool 1931, 54–55, 60].

Из общего числа русских преподавателей самой яркой и значительной фигурой, без сомнения, был генерал-лейтенант А. К. Баиов. До эмиграции в Эстонию Баиов являлся правителем дел и профессором кафедры истории русского военного искусства Николаевской военной академии Генерального штаба. Его перу принадлежит порядка 23 книг по разным отраслям военной науки, в частности, фундаментальный «Курс истории русского военного искусства» в 7-ми томах. Он также являлся участником и организатором многочисленных обществ, редактором ряда военно-исторических изданий и талантливым военачальником времен Первой мировой войны [Исаков 1996, 306–307].

Так как многие высшие чины эстонской армии — такие, как генералы Й. Лайдонер, Я. Соотс, П. Лилль и Ю. Тырванд, — являлись в прошлом учениками Баиова по Николаевской военной академии Генерального штаба, то именно к нему в первую очередь поступило предложение занять должность преподавателя Военного училища. Вероятно, по его рекомендациям был набран и остальной штат преподавателей училища. Приказом военного министра от 15 октября 1920 г. в штат постоянных лекторов Военного училища были зачислены А. К. Баиов, Г. М. Ванновский, В. Л. Драке, А. В. Кушелевский, С. А. Острогорский [ГАЭ 646: 1: 38, 97–98, 139, 140–142, 171] и инструктором спортивных курсов — полковник Ф. Н. Лебедев [ГАЭ 2315: 1: 138, 387]. В июне 1921 г. на должность лектора был также принят П. П. Маресев [ГАЭ 646: 1: 38, 171], а в ноябре того же года — Д. К. Лебедев [ГАЭ 646: 1: 235, 7], с 1922 г. в училище для чтения лекций по тактике был также

переведен А. А. Зальф [Õun 2002, II, 98]. Ко всему прочему, в качестве временных преподавателей для практических занятий училище дополнительно нанимало на короткий срок некоторых русских офицеров. Например, в феврале 1920 г. уроки фехтования преподавал капитан В. Янновский [ГАЭ 646: 1: 12, 106], а с 29 июня по 17 июля того же года практические работы по топографии вел подпоручик Сергеев [ГАЭ 646: 1: 59, 36, 49].

Кроме преподавания в Военном училище почти все из выше перечисленных были также привлечены к чтению лекций в классах Военно-технического училища, где уже на тот момент практически весь преподавательский состав был укомплектован из русских специалистов. Арифметику, алгебру, тригонометрию, технологию, дифференциальные и интегральные измерения преподавал инженер К. П. Папелло; геометрию и стереометрию, электротехнику, электрические измерения и аналитическую геометрию — инженер А. Г. Гиссер; физику и химию — лектор И. И. Ларионов; технологию — инженер М. Егоров; полевую фортификацию — инженер А. Исаков; начертательную геометрию, курс по двигателям внутреннего сгорания, автомобильное дело — инженер, лейтенант российского флота В. Р. Федоров; механику и электротехнику — инженер К. В. Викторов; сопротивление материалов, телефонное и телеграфное дело — инженер И. Исаков; взрывчатые вещества и пороходелие, взрывчатые вещества для артиллерийских техников — капитан А. К. Гершельман [ГАЭ 648: 1: 13, 1–63 об.].

Однако самым значительным вкладом русских военных специалистов в дело обучения и подготовки эстонских офицерских кадров следует, на наш взгляд, считать их деятельность на Курсах Генерального штаба, преподавание на которых началось осенью 1921 г. Собственно говоря, организация учебного процесса являлась в большей степени заслугой А. К. Баиова, поскольку именно он составил детальное описание структуры учебного процесса, которое было отражено в «Записке о курсах Генерального штаба в Эстонии», подписанной Баиовым 18 мая 1921 г. [ГАЭ 1856: 1: 6, 171–184].

Структура учебного процесса была детально расписана Баиовым по следующим разделам: цель курсов, способы достижения указанных целей, продолжительность курсов, штат обучающихся, прием на курсы, предметы преподавания и практические занятия, метод и характер преподавания, план учебных занятий, распределение предметов и практических занятий по лекторам и руководителям, оплата труда преподавательского состава.

Судя по пометкам, сделанным в тексте «Записки», видимо, начальником Курсов Генерального штаба, а также по тому, как осуществлялся в дальнейшем учебный процесс, можно заключить, что предложенный учебный план с привнесением небольших корректив был полностью одобрен. В утвержденный военным министерством штат преподавателей Курсов вошли А. К. Баиов, Г. М. Ванновский, Д. К. Лебедев, В. Л. Драке, П. П. Маресев, А. Н. Малевич, И. И. Голенищев-Кутузов, Г. А. Э. фон Зальца, Н. Реэк, Н. Эрасси, А. Пийп, Ю. Улуотс и Ф. И. Корсаков [ГАЭ 1856: 1: 2, 2]. Ко всему прочему в числе ассистентов преподавателей также числился генерал-майор артиллерии российской армии и резерва эстонской армии А. А. фон Ден [Kõrgem Sõjakool 1931, 55].

Программа обучения, предложенная Баиовым для Курсов Генерального штаба, включала в себя чтение курсов по истории военного искусства, истории Первой мировой войны, военной географии соседних с Эстонией государств, военной статистике и стратегии, включая практические занятия по последним двум предметам. Таким образом, преподавательская нагрузка Баиова на Курсах

Генерального штаба была порядком больше, чем в Военном училище [Kõrgem Sõjakool 1931, 55]. Так же дело обстояло и у других русских преподавателей, поэтому неудивительно, что еще до того, как Курсы начали свою деятельность, часть русских лекторов во главе с А. К. Баиовым высказали руководству эстонских учебных военных заведений свое категорическое несогласие с лекционным объемом и его оплатой.

Эту проблему от имени военного министерства попытался решить полковник Генерального штаба Ю. Тырванд на заседании преподавательского состава Курсов, состоявшемся 14 июня 1921 г. он сообщил, что военное министерство Эстонской Республики изыскало возможность повысить зарплату преподавателей с 50 марок за лекционный час до 160 марок — лекторам и до 300 марок — профессорам. Однако при этом Ю. Тырванд отметил, что, ввиду трудного экономического положения Эстонии, дальнейшее повышение заработной платы преподавателей не предвидится [ГАЭ 1856: 1: 5, 4]. Видимо, данный вопрос так и остался до конца неурегулированным, так как, например, в начале декабря 1921 г. все та же группа преподавателей подала по очереди рапорты на имя начальника Военного училища, в которых, во-первых, высказывалось несогласие читать ряд лекций, предназначенных для Курсов Генерального штаба, также и для слушателей Военного училища; во-вторых, отмечалось, что за определенное количество лекционных часов училище до сих пор не заплатило [ГАЭ 1856: 1: 7, 83–87 об.][7]. В связи с такого рода демаршами русских лекторов военное министерство заняло жесткую позицию. Так, к примеру, в августе 1922 г. А. К. Баиову через начальника эстонских военных учебных заведений было передано, что «отказ от сотрудничества в одном военном учебном заведении является отказом от сотрудничества вообще» [ГАЭ 646: 1: 162, 73].

Что же касается, например, Г. М. Ванновского, то он помимо рапорта обратился еще и с заявлением на имя начальника Военного училища с требованиями о сокращении нагрузки, числа слушателей в классах и повышении оплаты труда. На это заявление пришлось реагировать инспектору классов училища с объяснениями в том, что обеспокоенность Ванновского совсем напрасна, так как, по его мнению, количество слушателей в классах не привышает 25 человек, что является вполне нормальным [ГАЭ 646: 1: 304, 145, 158–160]. В последующем проблема еще более усугубилась, потому что на очередном собрании преподавателей Курсов Генерального штаба 4 января 1922 г. Г. М. Ванновский жаловался, что на его практических занятиях по тактике в Военном училище в одной группе уже было 35 человек, в связи с чем он предлагал разделить группу на три части, что, по его мнению, несомненно, облегчило бы работу преподавателя [ГАЭ 1856: 1: 5, 5 об.].

Очередным камнем преткновения стало требование руководства Курсов Генерального штаба, связанное с предоставлением преподавателями рукописей своих лекций для дальнейшего тиражирования. И на сей раз проблема была связана с не удовлетворявшим преподавателей объемом гонорара. Руководство Курсов распространило среди преподавателей опросный лист, где спрашивалось: 1) «согласен ли лектор, получая двойное вознаграждение за лекции, дать рукопись своих лекций управлению курсов, сдавая ее по частям, чтобы управление курсов

[7] Поочередность подачи рапортов лишний раз свидетельствует о том, что главным инициатором коллективных протестов среди русских преподавателей училища был А. К. Баиов, который в данном случае подал рапорт самым первым 3 декабря, на следующий день рапорт подал П. П. Маресев, а 7 декабря их примеру последовали Г. М. Ванновский и А. В. Кушелевский. В рапорте последнего, так как он не преподавал на Курсах Генерального штаба, недовольство высказывалось только по поводу неуплаты за прочитанные часы [ГАЭ 1856: 1: 7, 83–87 об.].

успевало их литографировать», и 2) «согласен ли лектор корректировать стенографированные лекции за 25% вознаграждения, установленные за чтение лекций» [ГАЭ 1856: 1: 6, 199–207]. Таким образом, предлагалось два варианта как для составление печатных курсов лекций, так и для их оплаты. Если по первому варианту мнение русских преподавателей разнилось, то по второму почти все высказались отрицательно [ГАЭ 1856: 1: 6, 199–207]. Впрочем, вскоре компромисс был найден, и за каждый печатный лист преподаватели, утвержденные на должности профессоров, получали по 3 000 эстонских марок [ГАЭ 1856: 1: 9, 11 об.].

К сожалению, на данном этапе не представляется возможным восстановить весь список курсов лекций русских преподавателей, изданных литографированным способом. Причиной тому является, во-первых, не полная проработка автором данной работы всех архивных источников, во-вторых, те материалы, которые все-таки были нами обнаружены, не имеют систематического характера и весьма фрагментарны.

Относительно работ А. К. Баиова можно с уверенностью утверждать, что было издано 5 его курсов лекций: «История военного искусства от народов древности до начала XX ст. Включительно» (Ревель, 1921), «Великая Мировая Война» (Ревель, 1922), «Лекции по стратегии» (Ревель, 1922), «Лекции по теории статистики» (Ревель, 1922) и «Военная география соседних с Эстонией государств» (Ревель, 1922). В своих статьях [Абисогомян 2003, 50; Абисогомян 2004а, 9] мы также отмечали, что в одном из архивных документов указывалась принадлежность авторству А. К. Баиова еще двух работ. Это — «Лекции по тактике» и «Военная Администрация» [ГАЭ 1856: 1: 45, 20–20об.]. Однако, на наш взгляд, рассматривать данное утверждение стоит лишь как гипотезу, так как каких-либо других документов, подтверждающих или опровергающих эту версию, нами не обнаружено. Можно предположить, что Баиовым были написаны эти работы, но по каким-то причинам не были изданы; можно также предположить, что эти работы были составлены другим автором и даны Баиову для просмотра и рецензирования. Последний вариант кажется весьма вероятным, так как известно, что Баиов ни курсов по тактике, ни по военной администрации не читал.

С выявлением работ других русских преподавателей дело обстоит еще сложнее. Доподлинно известно лишь то, что подобные работы для последующего тиражирования были составлены генералом В. Л. Драке («Тактика артиллерии») [ГАЭ 650: 2: 29] и генералом Д. К. Лебедевым («Военная администрация», «Тактика») [ГАЭ 650: 2: 19; 20]. В случае с генералом Г. М. Ванновским нами было установлено, что его рукопись «Записки по тактике» была напечатана, но без указания автора, года и места издания. Обнаруженная нами расписка Ванновского, подтверждающая факт продажи рукописи Военно-техническому училищу и разрешающая ее тиражирование в размере 150 экземпляров, датирована 30 июлем 1923 г. [ГАЭ 650: 2: 31], что позволяет предположить, что рукопись была литографирована в этом же году.

Оплата труда и вопросы, связанные с лекционной нагрузкой, были не единственными проблемами, с которыми приходилось сталкиваться русским военным в их преподавательской деятельности. Отношение к ним их эстонских коллег и учеников были далеки от идеальных. В этой связи весьма показательно бестактное и обидное наставление начальника Курсов Генерального штаба колонеля Н. Реэка к обучающимся, в котором он, призывая их соблюдать чистоту и правила гигиены, для большей показательности цитировал слова некоего иностранца, посетившего Россию в XIV веке и утверждавшего, что русский народ не может

считаться культурным, так как, образно выражаясь, не умеет ходить в уборную. Выводом из этой морали являлось предостережение о том, чтобы какой-нибудь иностранец не сделал такого же умозаключения об эстонцах [ГАЭ 1856: 1: 10, 160].

Если пассажи подобного рода позволял себе образованный, старший офицер эстонской армии, то можно себе представить какое отношение к русским преподавателям формировалось у молодых солдат и офицеров. Результаты таких наставлений обнаружились уже через некоторое время, а именно в 1923 г., когда рядовой Лепик украл, подделав подпись, деньги, предназначенные для А. К. Баиова, которые Лепик должен был принести ему на дом [ГАЭ 1856: 1: 64, 11].

Для многих представителей эстонского общества сам факт преподавания большого числа российских специалистов в военных учебных заведениях Эстонии представлялся неприемлемым. Начиная с весны 1920 г., в ведущих периодических изданиях Республики националистически настроенные круги эстонского общества все чаще стали выражать свое недовольство по поводу чрезмерного, по их мнению, числа русских офицеров и военных специалистов в армии и военных училищах. Критика была направлена как в адрес эстонского правительства, так и в адрес высшего руководства эстонскими вооруженными силами, допускавшими такое положение дел. В частности, один из слушателей Военно-морского кадетского училища с возмущением писал в газете «Vaba Maa», что в Военном училище вместо работавших во время Освободительной войны преподавателей-эстонцев, теперь преподают исключительно бывшие русские генералы и офицеры, которые все свои лекции читают на русском языке. Не осмеливаясь обсуждать их профессиональные качества, автор задавался вопросом: куда же подевались эстонские военные специалисты? [Hääl 1920].

В ответ на критику высшие чины эстонской армии заявляли, что данное положение дел временно и эстонская армия пока не может отказаться от услуг русских военных, так как не обладает достаточным количеством специалистов эстонской национальности. Но как только такие кадры будут подготовлены, руководство эстонских вооруженных сил обещало рассмотреть вопрос о целесообразности дальнейшего сотрудничества с бывшими российскими офицерами [Mõned küsimused 1922].

Однако, несмотря на обещания подобного рода, эстонская пресса требовала более решительных мер. Поэтому, как уже упоминалось выше, в конце мая 1920 г. военный министр А. Ханко отдал приказ, согласно которому все служащие по военной линии инородцы обязывались в течение шести месяцев овладеть эстонским языком, в противном случае им грозило увольнение. Все-таки санкции, предусмотренные данным приказом, были осуществлены только спустя почти два с половиной года, когда Комиссия по государственной обороне приняла решение об увольнении 40 инородцев [Pajur 1999, 143]. В их числе были и преподаватели военных учебных заведений Г. М. Ванновский, П. П. Маресев, С. А. Острогорский и А. В. Кушелевский [ГАЭ 646: 1: 38, 97–98, 139, 141–143, 171].

В случае с А. К. Баиовым эстонская общественность была не довольна занимаемой им общественно-политической позицией. Дело в том, что Баиов был монархистом и не скрывал своих убеждений. Стоит ли говорить, что наличие людей монархических убеждений — особенно на такой должности, какую занимал Баиов, — мягко говоря, в эстонском обществе не приветствовалось.

Ко всему прочему, нападки на Баиова усилились после его выступления в таллиннском Русском клубе. В своей речи Баиов выступил против решения городских властей снести и переплавить памятник Петру Великому, который якобы

напоминал о «рабском прошлом Эстонии». При этом Баиов достаточно резко высказался и в адрес Эстонского государства, допустившего такого рода проявление вандализма [Ühe meie 1922]. Хотя выступление Баиова прозвучало в закрытом клубе, дело получило огласку, и для его рассмотрения была собрана Комиссия по государственной обороне при Парламенте [Pajur 1999, 144]. В результате Баиов чуть было не лишился своей должности, но, благодаря заступничеству военного министра Я. Соотса, дело было закрыто [ГАЭ 1: 7: 28, 177].

И в последующем высшие чины эстонской армии неоднократно заступались за Баиова, но активизация его общественно-политической деятельности привела, в конечном счете, к необходимости выбора — или продолжать преподавательскую работу в военных заведениях Эстонии, или заниматься делами русских эмигрантов [Штейфон 1937, 220]. Баиов выбрал последнее и подал рапорт об уходе по собственному желанию с должности профессора эстонских учебных заведений [Хроника 1926б]. Приказом начальника Объединенных Военных учебных заведений Эстонии от 1 февраля 1926 г. его рапорт был удовлетворен. В своем приказе колонель Генерального штаба Я. Ринк отмечал большие заслуги Баиова в деле обучения и воспитания эстонских офицеров и его фундаментальный вклад в развитие высшего военного образования в Эстонии [ГАЭ 650: 1: 119, 62].

В 1927 г. в связи с выходом в отставку эстонские военные учебные заведения покинул генерал Д. К. Лебедев [Бойков 1998, 177]. Его служба в эстонской армии и военных учебных заведениях была далеко не безоблачной. Как позднее писал А. К. Баиов, преподавательская деятельность Лебедева «нередко доставляла ему много неприятностей, что сильно отражалось на его здоровье» [Баиов 1935, 20]. Несомненно, что сама по себе фигура генерала Лебедева для эстонских вооруженных сил была весьма яркой и неординарной, что не могло не вызывать определенного рода неприятия у некоторых окружающих.

Во-первых, своим талантом и трудолюбием Лебедев достиг больших успехов в военной карьере, чем кто-либо из эстонских офицеров. Во-вторых, будучи по национальности эстонцем, Лебедев — как считает современный эстонский военный историк М. Ыун, — в интересах карьеры [Õun 1997, 52] в свое время сменил фамилию. По логике М. Ыуна, преследуя те же самые корыстные интересы, Лебедев должен был опять поменять фамилию после своего возвращения на родину в 1921 г. и поступления на эстонскую военную службу. Однако, как мы знаем, этого не последовало. В-третьих, владея эстонским языком, Лебедев тем не менее очень часто предпочитал в своей профессиональной деятельности использовать русский. Так, например, на русском языке составлена его «Инструкция для ведения практических занятий по тактике в поле в Военном училище и на офицерских курсах в июне 1922 года» [ГАЭ 646: 1: 162].

По словам А. К. Баиова, Д. К. Лебедев «много лет честно, добросовестно и от всего сердца <…> служил в русской армии и, будучи русским человеком до мозга костей, оставался всегда и русским офицером, гордясь своей принадлежностью к Великой Русской Армии» [Баиов 1935, 20]. Несомненно, что человек с такой характеристикой был белой вороной среди эстонских офицеров того времени. Поэтому нет ничего удивительного, что после разразившегося в 1934 г. скандала вокруг продажи кораблей «Леннук» и «Вамбола», несмотря на то, что к этой достаточно темной истории имели причастность многие из высшего военного и государственного руководства, всю вину в этом деле попытались свалить на Лебедева [См., напр.: Д. Лебедев 1934; Вчера 1934; Допросу ген. Д. Лебедева 1934;

Допрос Д. Лебедева 1934; Слухи 1934; Таллинский день 1934а; Таллинский день 1934б].

Более удачно сложилась карьера в эстонских вооруженных силах генерала В. Л. Драке. По свидетельству А. К. Баиова, Драке сумел на хорошем уровне выучить эстонский язык и принял эстонское гражданство [Баиов 1933, 29]. Надо полагать, что произошло это в 1922 г., так как в документах 1921 г. Драке был оформлен как частное лицо (eraisik) [См., напр.: ГАЭ 648: 1: 13, 52–56], а в документах 1922 г. рядом с его фамилией отмечается воинское звание (генерал-майор) [ГАЭ 648: 1: 10, 52], что свидетельствует о том, что с 1922 г. Драке, как эстонский гражданин, был принят на военную службу. Также с 1922 г. в документах Военно-технического училища В. Л. Драке значится уже как начальник артиллерийского отделения училища [ГАЭ 648: 1: 10, 60]. Вероятно, генерал Драке прослужил в эстонской армии и военных учебных заведениях до конца 1920-х гг., когда после 55-летнего юбилея он должен был выйти в отставку.

Не менее удачной была военная карьера А. Н. Малевича. В декабре 1918 г. приказом командующего эстонскими вооруженными силами он был переведен из Чудской флотии Северного корпуса на эстонский флот, где служил на командных должностях. С сентября 1921 г. преподавал на Курсах Генерального штаба, а в период 1922–1923 гг. — на Курсах морских офицеров мирного времени (Mereväe Ohvitseride rahuaegsete kursused) и в Военно-морском кадетском училище. В январе 1930 г. он был отправлен в отставку по собственному желанию [ГАЭ 495: 7: 3072, 16–17]. Складывается впечатление, что А. Н. Малевич или в силу карьерных соображений, или, потому, что, действительно, в большей степени считал себя человеком эстонской культуры[8], старался избегать связей со своими бывшими сослуживцами по российскому флоту. Так, например, его фамилия не фигурирует ни в одном списке Кассы взаимопомощи моряков, что свидетельствует о том, что он не состоял членом Кассы, хотя известно, что почти все морские офицеры, а также все сухопутные офицеры и военные чиновники, служившие по морскому ведомству, являлись членами этого общества.

Остается до конца невыясненной история преподавательской деятельности старшего лейтенанта российского флота И. И. Голенищева-Кутузова. Стоит предположить, что как морской офицер он преподавал в Военно-морском кадетском училище. Как уже было упомянуто выше, с 1921 г. он также преподавал на Курсах Генерального штаба. Когда закончилась его педагогическая карьера нам не известно. Мы знаем лишь, что в марте 1927 г. он числился в списках Кассы взаимопомощи моряков, но уже к тому времени покинул Эстонию [Касса взаимопомощи 1927а].

Таким образом в середине 1920-х гг. большая часть русских военных специалистов покинула службу в эстонской армии и военных учебных заведениях. К этому времени в эстонской армии уже появилось новое поколение офицеров, получивших военное образование в училищах и академиях Франции, Финляндии, Польши, Бельгии, Великобритании и Германии. По возвращении на родину они сразу же замещали специалистов неэстонской национальности, «благодаря чему, — по мнению А. Паюра, — стало возможным отказаться от сомнительных услуг русских профессоров» [Pajur 1999, 153]. В военных учебных заведениях уже в 1926 г. на постоянной контрактной основе почти не было ни одного лектора-неэстонца. Именно

[8] Например, в своих воспоминаниях историк Н. Е. Андреев, семья которого в 1920-е годы жила в одном доме с семьей Малевича, воспринимал его как эстонца, так как считал, что Малевич «был эстонского происхождения» [Андреев 1996, I, 178]

с этого времени начинается активная смена преподавательского состава молодыми кадрами, вернувшимися из-за границы [ГАЭ 495: 3: 492, 586], что, по мнению другого эстонского историка, способствовало тому, что «национальное военное высшее образование было положено на твердую основу» [Helme 1996, 7].

Наверное, памятуя об этой тенденции, и исходя из своего личного опыта и опыта его коллег, А. К. Баиов в 1931 г. в записке «Русская эмиграция в Эстонии», предназначавшейся для баронессы М. Д. Врангель, писал, что в Эстонии «русские не допускаются к занятию высших государственных должностей, они едва терпятся на государственной службе и от них там стараются избавиться», что «с течением времени, использовав в полной мере знания, опыт, навыки русских, эстонцы всюду и везде постарались избавиться от них. Они все взяли от них и затем выбросили их как выжатый лимон. И те русские эмигранты, которые принимали деятельное участие в той или иной мере в строительстве нового государства, теперь живут тут же, испытывая большую нужду. Впрочем, большая часть из них, разочарованная в благодарности эстонцев, покинула их недружелюбную страну» [Исаков 2002, 222, 232].

Ради объективности стоит отметить, что такая же тенденция по постепенному отказу от услуг иностранных специалистов и заменой их своими, наблюдалась и в российской истории в период становления регулярной армии при Петре I [Золотарев 2003, 121].

§ 4. Полковые, корпусные, училищные и иные объединения

С окончанием кровавой эпопеи Гражданской войны и ликвидацией фронтов белых армий закончилась и боевая история Российской императорской армии. Вчерашние солдаты и офицеры постепенно примкнули к общей массе гражданских беженцев, занявшись мирным трудом. Однако в силу чувства корпоративного единства и стремления сохранить традиции русской армии бывшие соратники и однополчане продолжали поддерживать связь друг с другом. Со временем спорадически устраиваемые вечера встреч послужили основой для организации обществ, объединений и союзов. В рекомендательной форме предложение по организации такого рода объединений было высказано и разослано по местам еще в начале 1921 г. генералом П. Н. Врангелем; позже данное предложение было подтверждено его же распоряжением от 8 сентября 1923 г. [Бортневский 1996, 117–119].

Первое свидетельство о существовании в Эстонии более или менее организованной группы однополчан относится к 14 октября 1923 г. В этот день в нарвском Преображенском соборе была отслужена панихида по воинам 92-го пехотного Печорского полка, павшим на поле брани [Объявление 1923]. Очевидно, такие панихиды устраивались ежегодно, хотя в печати об этом сообщалось нерегулярно [Объявление 1925б; Панихида по павшим воинам 1926; Панихида по печорцам 1931]. По-видимому, устройство панихид являлось единственной формой объединения сослуживцев этого полка, так как об организации каких-либо специальных вечеров встреч нам ничего не известно, да и, вряд ли, существовала потребность в такого рода встречах, ведь многие из однополчан имели возможность такого общения достаточно часто в повседневной жизни. Из служивших в этом полку

в Нарве 1920–1930-х гг. проживали генерал-майор Н. А. Кюн, полковники Ю. А. Доманский, П. Д. Троицкий, Ф. Н. Лебедев, В. П. Кудрявцев, В. А. Алексеев, Т. Г. Кутковский, штабс-капитан А. Е. Осипов, фельдшер С. В. Лобков и другие.

Как известно, до Первой мировой войны на территории Эстонии помимо 92-го пехотного полка квартировали также другие полки 23-й пехотной дивизии: 89-й пехотный Беломорский, 90-й пехотный Онежский и 91-й пехотный Двинский полки[9]. Все три полка располагались в Ревеле. Многие из солдат и офицеров этих полков после окончания Первой мировой и Гражданской войн вернулись в Таллинн, избрав его местом своего проживания. Однако сведений о возможном существовании объединений этих полков или о каких-либо акциях, которые могли бы быть ими организованы, нами не обнаружено. Известно лишь, что в 1937 г. после создания в Белграде Объединения чинов XVIII-го армейского корпуса[10], его представительство было открыто и в Эстонии [ФГАЭ 130: 11566, I, 72 об.]. Главой представительства являлся полковник Я. М. Корецкий [Верцинский 1938а].

Более активными и организованными были представители гвардейских полков. Вообще Общегвардейское объединение было одним из самых первых воинских образований, созданных русскими военными в эмиграции. Первое гвардейское объединение было основано в Югославии в 1921 г., его возглавил генерал В. А. Лехович. После его отъезда в Нью-Йорк объединение возглавил генерал В. М. Безобразов [Верцинский 1937б, 4–5]. В связи с большим оттоком русских из Югославии во Францию, к 1924 г. центр гвардейского объединения, так же, как и центр русской военной эмиграции в целом, переместился в Париж. До начала Второй мировой войны Гвардейское объединение возглавляли генералы А. М. Кауфман-Туркестанский, В. А. Лехович и А. А. Гулевич. В состав объединения входило большое число полковых организаций, существовавших во многих странах Русского Зарубежья [Волков 2003, 123–124].

Именно полковые объединения гвардии стали первыми и почти единственными такого рода объединениями в Эстонии. Самыми первыми были организованы объединения лейб-гвардии Егерского и лейб-гвардии Семеновского полков. Оба объединения возникли приблизительно в одно время — в 1925–1926 гг. Объединение лейб-егерей возглавил генерал А. К. Баиов. Помимо Баиова в его состав входили генерал А. О. Штубендорф, подполковник В. В. Фон Нотбек и проживавший в Тарту капитан П. А. Алексеевский [ФГАЭ 129: 25373, 74; 129: 28198, 69; 130: 1663, 50 об.]. По словам В. В. Заркевича, членом объединения также был А. Н. Панов [ФГАЭ 129: 25373, 74]. В 1926 г. П. Н. Врангелем было отдано циркулярное распоряжение о приеме эмигрантской молодежи в войсковые части и полковые объединения в качестве кандидатов, а в 1930 г. было введено в действие «Положение о приеме в воинские организации РОВС молодых людей, ранее в войсках не служивших» [Ершов 2003, 82]. Таким образом в объединение лейб-гвардии Егерского полка вошли пасынки Баиова С. В. И В. В. Заркевичи. От молодых членов требовалось знание истории этого полка, достойное поведение и уплата членского взноса в размере одной кроны в месяц [ФГАЭ 129: 28198, 69].

Каждый год в день полкового праздника, который приходился на день святого Мирона (30 августа), участники объединения офицеров лейб-гвардии Егерского

[9] Из проживавших в 1920–1930-е гг. в Эстонии в этих полках служили генерал-майор Ф. А. Георг, полковники Н. П. Лежневский, Г. Г. Александров, М. А. Александров, Я. М. Корецкий, А. А. Вагенгейм, Э. А. Геннингс, Н. В. Миронов, М. Н. Худков, А. Н. Максимович, подполковник В. Н. Худков, войсковой старшина В. Д. Флоренский, поручик Н. С. Игнатьев и другие.

[10] 23-я пехотная дивизия входила в состав XVIII-го армейского корпуса.

полка служили панихиду «по державным шефам полка и по всем лейб-егерям за веру, царя и отечество свою жизнь положивших» в церкви Пюхтицкого подворья [Объявление 1926в], а затем собирались на общее чаепитие или ужин. На этих собраниях обычно делились воспоминаниями о былой службе в полку, читали и обсуждали материалы журнала «Егерский вестник», который издавался в Париже, и посылали телеграмму с приветствием центральному объединению лейб-егерей в Югославии, под руководством генерала А. П. Буковского [ФГАЭ 129: 28198, 69 об.]. После смерти Баиова в 1935 г. объединение возглавил А. О. Штубендорф.

Собрания объединения лейб-гвардии Семеновского полка также устраивались ежегодно в день полкового праздника 5 декабря. Как и лейб-егеря, семеновцы служили панихиду по державным шефам полка и всем погибшим на полях сражений однополчанам [Объявление 1925в; Объявление 1931е]. Членами объединения были генерал-майор В. С. фон Миних (в конце 1920-х гг. уехал из Эстонии), полковники Н. К. фон Эссен, Б. В. Энгельгардт и И. Х. фон Миквиц, врач полка А. П. Ольхин, поручик А. А. Радивинович, прапорщики С. А. Самсониевский, А. А. Бремер и проживавший в Нарве капитан П. А. фон Цур-Мюлен. До 1927 г. во главе объединения стоял Б. В. Энгельгардт, после чего по принципу старшинства группу семеновцев возглавил переехавший из Тарту в Таллинн полковник Н. К. фон Эссен.

Объединение лейб-гвардии Павловского полка было организовано в Таллинне после 1925 г. полковником В. С. Афанасьевым, являвшимся его председателем до конца 1937 г. Кроме него в состав объединения входили капитан А. П. Мальгин, офицер полка Н. А. Гладковский (умер в 1937 г.), поручик Р. А. Раудсепп, подпоручик М. Д. Ананьев, прапорщик И. И. Айвазов, штабс-капитан И. Д. Гримм и старший унтер-офицер М. В. Зегеркранц. В. С. Афанасьев и А. П. Мальгин вели переписку с руководителями объединения павловцев в эмиграции генералом М. И. Занкевичем и полковником Е. М. Ровбе [ФГАЭ 129: 5185, 15 об., 26, 40]. Павловцы в Эстонии также поддерживали связь с представителями объединения полка в Латвии Л. Е. Дандре и П. П. Беком, и в 1938 г. В. С. Афанасьев и А. П. Мальгин ездили в Ригу на полковой праздник [ФГАЭ 129: 5185, 41, 55]. Известно, что в конце 1937 г. из Парижа в Таллинн приезжал председатель зарубежного полкового объединения генерал М. И. Занкевич. В гостинице «Золотой лев» состоялось торжественное собрание членов. После этого посещения генерал Занкевич отстранил от руководства объединением В. С. Афанасьева и назначил его главой А. П. Мальгина [ФГАЭ 129: 5185, 55; 129: 26756, 299].

В марте 1930 г. в Таллинне генерал Э. А. Верцинский стал выпускать рукописные материалы под названием «Архив и музей л.-гв. 2 стр. Царскосельского полка»[11]. Работа над этими выпусками и их публикация ознаменовали собой образование полкового объединения этого полка в эмиграции. 1 января 1931 г. Верцинским была возрождена деятельность Общества вспомоществования Царскосельских стрелков, устав которого был утвержден еще в 1916 г[12]. В 1932 г. по распоряжению шефа полка великого князя Дмитрия Павловича генерал Верцинский был назначен председателем общества и союза полка [Верцинский 1932б, 11]. По месту расселения все члены союза были распределены на 4 группы: северо-западную

[11] Архив и музей полка, находившийся на квартире Э. А. Верцинского, к 1939 г. насчитывал порядка тысячи наименований и включал в себя богатое собрание фотографий, документов, воспоминаний и писем. Рассмотрению литературного наследия Э. А. Верцинского посвящен § 2 второй главы данной работы.

[12] 2 января 1917 г. решением общества офицеров полка Э. А. Верцинскому было присуждено почетное звание «Основателя Общества вспомоществования Царскосельских стрелков» [Верцинский 1931а, 2].

с центром в Таллинне (сюда входили члены, проживавшие в Эстонии, Латвии и Финляндии; председатель — Э. А. Верцинский), юго-западную с центром в Париже (председатель — А. А. Стессель), юго-восточную с центром в Белграде (председатель — Н. В. Нагаев) и дальневосточную с центром в Харбине (председатель — А. А. Тюнегов) [Верцинский 1932, 2].

В Эстонии число членов союза было совсем незначительно: практически он состоял из двух членов, проживавших в Таллинне, — самого Э. А. Верцинского и капельмейстера полка Г. М. Редера; кроме них в состав союза также номинально входили проживавший в Хаапсалу капитан полка Ф. Ф. Прокофьев и военный чиновник полка коллежский регистратор А. Г. Нилендер, проживавший в Тарту [Верцинский 1931в, 3, 6, 10]. Впервые собрание Союза Царскосельских стрелков в Эстонии произошло в день полкового праздника 30 апреля 1931 г. в таллиннском ресторане «Du Nord» [Верцинский 1931б, 4]. На встрече присутствовали Э. А. Верцинский, Г. М. Редер и представители других полков Гвардейской стрелковой дивизии[13]. Подобным образом встречи проводились и в последующие годы[14].

Кроме упомянутых гвардейских объединений имеется информация о существовании в Таллинне объединений лейб-гвардии Преображенского [Объявление 1932; Бойков 2000, 77] и Кавалергардского полков [Объявление 1938][15], имеются также сведения, что в 1939 г. в Эстонии существовало «Общество господ офицеров лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады», членом которого был капитан Н. М. фон Эссен [Волков 2002, 555]. К сожалению, более или менее подробными сведениями о них мы не располагаем.

Полковые собрания гвардейцев носили закрытый характер и проводились среди узкого круга однополчан, но известно и об одном массовом мероприятии, организованном в 1933 г. представителями гвардейских полков, проживавших в Таллинне, по случаю 250-летия со дня основания Петровской бригады. Празднование проходило в течение двух дней — 5 июня в Александро-Невском соборе было отслужено торжественное молебствие с поминовением основателя Преображенского и Семеновского полков и бомбардирских рот этих полков императора Петра I, шефов полков и всех однополчан, погибших на полях сражений, а 6 июня в помещении общества «Витязь» было устроено чаепитие среди гвардейцев и членов Общества помощи бывшим русским военнослужащим в Эстонии [250-летие 1933].

Таким же единичным мероприятием был товарищеский ужин 1-го Русского Ревельского партизанского отряда, состоявшийся 22 декабря 1928 г. в таллиннском Русском клубе [об истории этого отряда см.: Мальцев 2004, 53–66]. Устройством мероприятия занимался основатель и первый командир отряда — полковник К. Г.

---

[13] К сожалению, не известно, кто именно из представителей гвардейских стрелковых полков присутствовал на этих встречах, но с определенной долей уверенности можно утверждать, что среди них были полковник В. К. Шенк (3-й стрелковый Его Величества полк), полковник С. А. Медер (3-й стрелковый Его Величества полк) и генерал-майор Г. Г. фон Нефф (4-й стрелковый Императорской Фамилии полк).

[14] Здесь стоит отметить, что в наличии имеется лишь информация об устройстве собраний в 1932 г. [Верцинский 1932: 2], в 1933 г. [Верцинский 1933, 1] и в 1934 г. [Верцинский 1934, 1]. В 1936 г. собрание в Таллинне не проводилось, так как Верцинский находился в то время во Франции и участвовал в проведении полкового праздника в Париже [Верцинский 1936б, 1].

[15] Из проживавших в Таллинне преображенцев нам известны лишь имена капитана А. К. Веймарна, полковников Ю. Ф. Паппе и Г. Г. фон Дена, и офицера полка, действительного статского советника К. К. Веймарна, а из кавалергардов — ротмистра П. П. фон Баранова и генерал-майора А. С. Львовского.

Бадендик [Объявление 1928]. На ужине присутствовало около 15 человек сослуживцев по отряду и гостей [ФГАЭ 130: 15093, 69].

Известно, что в Нарве существовала группа сослуживцев 11-го гренадерского Фанагорийского полка, в которую входили капитан полка Л. Г. Аллик и оружейный техник коллежский асессор П. Г. Козлов. В 1931 г. Л. Г. Аллик напечатал в журнале «Часовой» обращение ко всем однополчанам откликнуться и создать полковое объединение [Объявление 1931а]. Подобного рода попыткой объединения было анонимное обращение ко всем офицерам и солдатам 318-го пехотного Черноярского полка с просьбой сообщить свои адреса [Объявление 1939].

Кроме полковых объединений в Эстонии существовали и объединения воспитанников кадетских корпусов, училищ и академий. Среди кадетских объединений наиболее многочисленными были объединения воспитанников 1-го кадетского корпуса и 2-го кадетского имени Петра Великого корпуса.

Первое из известных нам мероприятий объединения воспитанников 1-го кадетского корпуса состоялось 2 марта 1924 г. и было приурочено к 192-й годовщине Санкт-Петербургской военной гимназии и 1-го кадетского корпуса. В этот день в таллиннской Никольской церкви состоялась панихида по погибшим питомцам корпуса [Объявление 1924а]. 6 марта 1927 г. воспитанники корпуса отметили 195-ю годовщину основания корпуса. В таллиннской Казанской церкви была отслужена панихида, а вечером в Русском клубе был устроен товарищеский обед [Объявление 1927а]. 28 февраля 1932 г. состоялось празднование 200-летия основания корпуса. В Никольской церкви была отслужена литургия, потом панихида и молебен. Во время богослужения исполнялись произведения бывшего воспитанника корпуса композитора Б. С. Бортнянского. Вечером в Русском клубе был устроен концерт-акт и дружеское чаепитие [Празднование 1932]. Устроителями торжественного вечера в Русском клубе был декорирован щит с юбилейной выставкой различных фотографий из жизни корпуса. Приветственное слово от объединения кадетов в Эстонии произнес полковник А. Е. Кудрявцев, а затем с кратким историческим обзором корпуса выступил генерал Э. А. Верцинский. В газетной заметке, посвященной этому событию отмечалось, что праздник был достаточно многолюдным, концертная и танцевальная программа продолжалась до утра и, что «этот вечер можно признать одним из наиболее удачных эмигрантских вечеров в Ревеле» [Празднование 200-летия 1932].

Упоминание о первом мероприятии воспитанников 2-го кадетского имени Петра Великого корпуса относится к 23 ноября 1924 г. В этот день храмового праздника корпуса в Николаевской церкви Таллинна состоялась панихида по бывшим воспитателям и воспитанникам корпуса. После панихиды состоялся товарищеский обед, организацией которого занимался Н. Геннингс [Объявление 1924б]. 6 декабря 1925 г. большое праздничное мероприятие было устроено в Нарве. В этот день в нарвском Спасо-Преображенском кафедральном соборе состоялась панихида по императору Николаю II и его Августейшей семье [Объявление 1925г]. После панихиды состоялся товарищеский обед в Русском общественном собрании, на котором помимо нарвских присутствовали приехавшие из Таллинна бывшие воспитанники корпуса, в их числе генерал О. П. Васильковский. Всего на 1925 г. по спискам в Эстонии проживало 38 воспитанников корпуса [Праздник 1925]. Библиотечное помещение, в котором проходило собрание, было украшено цветами и российскими и эстонскими флагами. В своей речи Васильковский выразил сердечную благодарность Эстонии и ее народу за приют, оказанный ими русским беженцам. В конце речи он поднял бокал за правительство Эстонии и эстонскую

армию (на собрании присутствовало 2 офицера эстонской армии). После этого была отправлена телеграмма великому князю Николаю Николаевичу. Были прочитаны отрывки из истории корпуса. Эта брошюра была случайно куплена одним из присутствовавших у букиниста. Собравшиеся долго не расходились, делясь друг с другом воспоминаниями о минувшем [Рацевич 1925]. Этот вечер встречи был, пожалуй, самым масштабным, — все последующие собрания воспитанников этого корпуса проводились с меньшим размахом [см., напр.: Объявление 1926ж; Объявление 1931в].

Кроме воспитанников 1-го и 2-го кадетских корпусов вечера встреч также устраивали питомцы Павловского военного училища [Объявление1925а; Объявление 1927в][16], Владимиро-Киевского военного училища [Объявление 1927г][17], Константиновского артиллерийского училища [Объявление 1927б][18], Николаевского инженерного училища и академии [Хроника 1923д][19].

В Эстонии также существовало объединение воспитанников Пажеского корпуса во главе с генералом Штубендорфом. Кроме него в объединение входили полковник гвардейской конной артиллерии К. Я. Колзаков, сын бывшего эстляндского губернатора прапорщик гвардейской конной артиллерии А. А. Бельгард, сын генерал-адъютанта штабс-капитан гвардейской конной артиллерии Г. Ф. Мейендорф и офицер лейб-гвардии Драгунского полка Калинин. Объединение входило в Союз пажей (Париж). Связь с центром поддерживалась через Штубендорфа, который переписывался с генеральным секретарем союза полковником С. А. Мещериновым [ФГАЭ 130: 11566, I, 125].

По некоторым данным, в Эстонии также существовало объединение офицеров, окончивших Николаевскую академию Генерального штаба [ФГАЭ 129: 25418, 41]. В 1932 г. ее выпускники устроили весьма торжественное празднование столетия академии[20]. Торжественный акт, проходивший 27 ноября 1932 г. в зале «Seltskondlik maja», собрал большое количество участников. Среди собравшихся были не только бывшие русские офицеры, но и значительное число эстонских военных, в том числе и бывшие воспитанники академии генералы Й. Лайдонер, Я. Соотс, Й. Тырванд, П. Лилль и другие. На официальной части с речами и докладами выступили старейший из выпускников академии генерал Н. Ф. фон Крузенштерн, генерал А. К. Баиов и полковник П. Г. Осипов. После этого праздник продолжился большой концертной программой [П. О. 1932]. Вечером на своей квартире генерал Й. Лайдонер устроил для всех выпускников академии ужин [ФГАЭ 130: 1663, 89].

---

[16] Из воспитанников училища в Эстонии проживали генерал-от-кавалерии Н. Ф. фон Крузенштерн, генерал-майор К. А. фон Баранов, генерал-майор Э. А. Верцинский, генерал-майор К. Г. Новицкий, полковники М. А. Александров, В. К. Шенк, Н. К. фон Эссен, Б. Н. Егорьев, Р. В. Садовский, подполковник В. В. фон Нотбек и др.

[17] Из воспитанников в Эстонии находились полковники Н. Н. Голицинский, В. А. Алексеев, капитан К. А. Кюн и др.

[18] Из воспитанников в Эстонии проживали генерал-лейтенант А. К. Баиов, генерал-майоры Г. Д. Янов, Т. М. Розанов, полковники И. Г. Фокке, Б. М. Севастьянов, А. А. Луйк, капитан Ф. А. Гизетти.

[19] Из воспитанников в Эстонии находились генерал-лейтенант В. В. Малков-Панин, полковники П. П. Маресев, А. Е. Кудрявцев, Н. Н. Голицинский, Б. И. Бессонов, М. П. Третьяков и др.

[20] Из воспитанников в Эстонии проживали генерал-от кавалерии Н. Ф. фон Крузенштерн, генерал-лейтенант А. К. Баиов, генерал-майоры Г. Д. Янов, А. Е. Вандам, Э. А. Верцинский, А. О. Штубендорф, Д. К. Лебедев, О. А. Крузенштерн, А. А. фон Ден (оконил по 2-му разряду), полковники В. К. Шенк, П. Г. Осипов, М. А. Александров, И. Г. Фокке (окончил по 2-му разряду).

§ 5. Объединение георгиевских кавалеров

Учрежденный при Екатерине II в 1769 г. Военный Орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия в отличие от всех других российских орденов являлся исключительно военным орденом, которым награждались только офицеры и только за выдающиеся боевые подвиги. К кавалерам ордена также причислялись все награжденные Золотым оружием, которое с 1913 г. официально именовалось Георгиевским оружием. Помимо офицерского ордена существовал также солдатский Георгиевский знак отличия (тоже имевший четыре степени), награды на георгиевской ленте и особые Георгиевские отличия: знамена, штандарты, корабельные вымпелы и серебряные трубы. Орден имел свой статут и Орденскую думу, состоявшую из управления ордена, архива и орденской казны. Орден Святого Георгия считался самой почетной наградой России, и заслужить его было достаточно трудно, поэтому награждения этим орденом были очень редки. Так, например, за всю историю его существования 1-ой степенью этого ордена было награждено всего 25 человек, 2-ой степенью — 121, 3-ей степенью — 653 и 4-ой — свыше 6 000 [Вилинбахов 1994: 536], а полных кавалеров ордена было всего лишь четыре [Кузнецов 2002: 48]. Кавалеры ордена обладали правом на производство в следующий чин без выслуги лет, на ношение в отставке мундира, на потомственное дворянство, на пенсию из сумм орденской казны, а также могли изображать на своих гербах, вензелях и печатях знак ордена [Кузнецов 2002, 49]. С 1849 г. имена всех кавалеров ордена помещались на мраморных досках в Георгиевском зале Большого кремлевского дворца, а в Георгиевском зале Зимнего дворца каждый год в день орденского праздника (26 ноября по старому стилю) проходил торжественный раут. Орденский праздник отмечался и во всех воинских частях российской императорской армии, в рядах которых служили георгиевские кавалеры.

Во время Первой мировой войны число награжденных орденом Святого Георгия, естественным образом, значительно возросло, поэтому возникла идея создания организации, которая объединяла и представляла бы всех георгиевских кавалеров, еще более выделяя и подчеркивая их особенный статус, а также повышая чувство корпоративного единства. Таким образом в 1915 г. было создано Всероссийское объединение георгиевских кавалеров, переименованное в 1917 г. в Союз георгиевских кавалеров. После Октябрьской революции 1917 г. многие члены и руководители Союза были арестованы и в дальнейшем расстреляны [Волков 2003а, 536].

В связи с крахом Российской империи изменился и статус георгиевских кавалеров, права и привилегии которых исчезли вместе с государством, являвшимся их гарантом. Однако традиция была сохранена и продолжена в эмиграции, где георгиевские кавалеры объединились вновь, организовав Союз георгиевских кавалеров в Болгарии (председатель — генерал-лейтенант Ф. С. Рерберг) и во Франции (председатель — генерал от кавалерии А. М. Кауфман-Туркестанский), в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев существовало Общество кавалеров ордена Святого Георгия и Георгиевского оружия во главе с председателем генералом от инфантерии В. Э. Экком.

По данным М. Крёэнстрёма, в Эстонии 1920–30-х гг. проживало приблизительно 92 георгиевских кавалера [Kröönström 2004]. По нашим подсчетам, к этому числу стоит добавить как минимум еще 11 имен. Половину из них составляли эстонцы, другую половину — представители неэстонской национальности,

преимущественно немцы и русские. Перечислим георгиевских кавалеров из второй группы: С. Алякритский, К. Г. Бадендик, А. К. Баиов, П. П. фон Баранов, П. Бассен-Шпиллер, П. Э. Бауман, Э. Бергфельдт, Б. Бетер, П. Бистерфельдт, Э. Бушман, Е. А. Быков, А. Э. Вандам, Г. М. Ванновский, О. П. Васильковский, К. А. фон Вейс, Э. А. Верцинский, Я. С. Вешняков, В. Галкин, В. Гаузен, О. Гейнце, Ф. А. Георг, В. Н. Горбатовский, Е. Х. Дампель, Р. Ф. Делль, В. Древник, Х. И. Иванов, Г. А. фон Кистер, К. Я. Колзаков, Я. М. Корецкий, А. Е. Кудрявцев, Т. Г. Кутковский, К. А. Кюн, Д. К. Лебедев, Ф. Н. Лебедев, Н. П. Лежневский, А. П. Мальгин, Г. Х. фон Миквиц, Н. Наркевич, Г. Г. фон Нефф, Г. Парре, Р. В. Садовский, С. А. Самсониевский, В. Ф. Сарычев, А. фон Сиверс, П. М. Стенбок, Р. фон Тизенгаузен, К. Д. Троицкий, П. Д. Троицкий, В. Н. Ферзен, Р. В. Франк, Е. Фуль, А. Н. Шиллинг, А. О. фон Штубендорф, Б. В. Энгельгардт, А. Эрдман, Я. Д. Юзефович. Стоит отметить, что данный перечень не является исчерпывающим и окончательным.

Хотя все офицеры эстонской армии, награжденные орденом св. Георгия, наравне с эстонскими и иностранными наградами на своих мундирах не без гордости носили георгиевские кресты, идея объединения георгиевских кавалеров, проживавших в Эстонии, возникла не в их среде, а среди бывших офицеров российской армии, многие из которых оказались в Эстонии в положении эмигрантов. Именно для последних георгиевский орден являлся не только самым почетным знаком признания их былых воинских заслуг, но и символизировал их причастность к традициям российской императорской армии. Для эстонских офицеров более значимыми были создаваемые ими же традиции молодой эстонской армии, а традиции русской армии для большинства эстонских военных представляли собой более чем сомнительную ценность.

В статье «Деятельность А. К. Баиова в Эстонии» нами было выдвинуто предположение о том, что инициатива в организации объединения георгиевских кавалеров в Эстонии принадлежала Баиову и что первое собрание состоялось в 1926 г. [Абисогомян 2003, 60]. Это предположение оказалось неверным. На самом деле первое собрание произошло 26 ноября 1924 г. и почин в этом деле принадлежал генералу О. П. Васильковскому. В этот день согласно традиции была отслужена панихида по всем павшим и скончавшимся георгиевским кавалерам в Казанской церкви города Таллинна [Греков 1924], а вечером состоялся товарищеский обед в Охотничьем клубе, на котором главой георгиевских кавалеров в Эстонии единогласно был избран генерал-лейтенант О. П. Васильковский [И. Р. 1925; ФГАЭ 130: 15093, 76–77]. Выбор данной кандидатуры был предопределен тем, что среди всех георгиевских кавалеров, находившихся в то время в Эстонии, Васильковский был единственным, кто в свое время возглавлял одно из георгиевских объединений, а именно: Союз казачьих георгиевских кавалеров в Петрограде, — председателем которого он был избран в 1917 г.

26 ноября 1925 г. собрание георгиевских кавалеров проходило снова в Охотничьем клубе. Организацией праздничного ужина и обустройством помещения руководил также Васильковский. По его инициативе в центре праздничного стола был сооружен огромный орден Святого Георгия, художественно составленный из живых цветов и овитый георгиевскими лентами. На столе также была выставлена Георгиевская серебряная труба. Эта труба в свое время была пожалована 2-ой артиллерийской бригаде за героизм, проявленный в боях с неприятелем в Отечественной войне 1812 г. В начале 1920-х гг. Васильковскому удалось выкупить ее у спекулянтов. Вечер начался с настольной молитвы, которую прочитал перед трапезой протоиерей И. Стратонович. Затем вставанием была почтена память

погибших кавалеров ордена. Во время трапезы был произнесен ряд тостов и речей, в том числе за правительство и народ гостеприимной Эстонии, за старейших георгиевских кавалеров и т.д. В конце вечера были посланы поздравительные телеграммы великому князю Николаю Николаевичу, а также генералам эстонской армии — Й. Лайдонеру и Ю. Тырванду [Долль 1925].

К моменту проведения второй встречи георгиевских кавалеров отношения между генералами О. П. Васильковским и А. К. Баиовым стали стремительно ухудшаться. Оба георгиевских кавалера рьяно стремились организовать вокруг себя и возглавить не только военную, но и всю русскую эмиграцию в Эстонии. Амбиции обоих были настолько высоки, что вероятность достижения компромисса была попросту невозможна. Это продемонстрировали и последующие события, которые были связаны с выборами кандидатов от Эстонии на Зарубежный съезд. Уже к концу ноября 1925 г. стало ясно, что основными кандидатами являются Баиов и Васильковский, а команда Баиова всеми силами стремится устранить любую конкуренцию со стороны других кандидатов. Борьба за сферы влияния между двумя генералами затронула и Объединение георгиевских кавалеров. В середине декабря того же года Баиов обращается с призывом ко всем георгиевским кавалерам сообщить ему лично свои чин, имя, отчество, фамилию, вид награды (крест или оружие) и время ее получения [Баиов 1925б]. Принимая в свои руки учет, а значит и организацию кавалеров ордена, Баиов тем самым претендовал на первенство среди них, а это уже было вызовом непосредственно самому Васильковскому, который, как уже отмечалось, был не только организатором первого собрания, но и был на нем признан главой кавалеров ордена в Эстонии.

В 1926 г., после возвращения Баиова с Зарубежного съезда, генералы окончательно рассорились, и этот конфликт уже никогда не был улажен. Вместе с тем был окончательно оформлен и раскол в среде русских военных в Эстонии. Васильковский был вытеснен из Объединения георгиевских кавалеров и, видимо, не присутствовал на его собраниях даже после смерти Баиова. Авторитет и первенство Васильковского среди георгиевских кавалеров были сохранены и признаны лишь в среде немногочисленной группы инвалидов и георгиевских кавалеров, состоявших в Союзе русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии и Союзе взаимопомощи чинов бывшей Северо-Западной армии и русских эмигрантов в Эстонии, которые, как известно, находились под патронажем Васильковского. Именно среди членов этих союзов в 1931 г. в Нарве возникла идея создания альтернативного таллиннскому объединения. 20 ноября 1931 г. в помещении Союза русских увечных воинов состоялось собрание георгиевских кавалеров с целью установить дату ежегодного празднования, а также установить число георгиевских кавалеров в Нарве и ее окрестностях. На собрании присутствовало 15 человек, как русской, так и эстонской национальности. Был отслужен молебен, после чего собравшиеся провели вечер за дружеской трапезой, организованной по подписке. Было принято решение провести следующее собрание 6 декабря [Б. Е. 1931б]. В дальнейшем собрания стали традиционными и проводились каждый год, начинаясь с молебна в церкви Знамения Божьей Матери, и, заканиваясь чаепитием в помещениях Союза увечных воинов или Союза северо-западников [Вниманию георгиевских кавалеров 1932; Георгиевский праздник 1933; Вниманию георгиевских кавалеров 1934]. Удалось установить лишь 5 фамилий георгиевских кавалеров, проживавших в Нарве и, вероятно, принимавших участие в этих собраниях, — это П. Д. Троицкий, Ф. Н. Лебедев, Р. В. Франк, Т. Г. Кутковский и К. А. Кюн. Так или иначе, нарвское объединение по численности участников явно уступало таллиннскому. Примечательным является и тот факт, что

среди георгиевских кавалеров сторонников Васильковского весьма активно себя проявляли нижние воинские чины, награжденные солдатскими георгиевскими крестами. Так, например, унтер-офицеры И. Сидоров и С. Афанасьев ежегодно поздравляли своего председателя с георгиевским днем [Афанасьев 1932; Объявление 1933б].

С 1926 по 1935 гг. собрания георгиевских кавалеров проходили под председательством Баиова. Новое учредительное собрание объединения состоялось 14 ноября 1926 г. в Русском клубе. Баиов сообщал, что в нем приняла участие «большая часть кавалеров, проживающая в Ревеле». На собрании было решено: «в соответствии с традициями старой русской армии и в согласии с практикой подобных же объединений во всех странах русского рассеяния» считать днем Георгиевского праздника 9 декабря (26 ноября по старому стилю); каждый год 9 декабря служить молебен в одной из церквей Таллинна «с провозглашением вечной памяти всем умершим георгиевским кавалерам»; «после молебствия <…> собираться в Русском клубе <…> для дружеской беседы». Всем георгиевским кавалерам, желающим принять участие в собраниях, предлагалось внести в общую кассу на покрытие расходов сумму, не превышающую трехсот эстонских марок. Запись желающих проводилась в книжном магазине Баиова [Баиов 1926г]. 9 декабря в 6 часов вечера был отслужен молебен в Никольской церкви, после чего георгиевские кавалеры собрались в Русском клубе [Карпатов 1926].

В последующие годы собрания проходили в установленном порядке. Хотя в периодике тех лет упоминания о проведении георгиевских вечеров имеются только за 1927, 1928, 1931 и 1932 гг. Свидетельства участников этих собраний говорят о том, что они были ежегодными [ФГАЭ 130: 1663, 23]. В 1927 г. собрание прошло традиционно [Георгиевский праздник 1927]. В 1928 г. собрание георгиевских кавалеров, видимо, было совмещено с проведением «Дня русского инвалида», так как последнее мероприятие было после нескольких отсрочек назначено на 8 декабря [Баиов 1928]. Самое подробное описание праздника в прессе относится к 1931 г. В небольшой заметке журнала «Часовой» сообщалось, что после молебна, отслуженного протоиереем Стратоновичем в Русском клубе, и совместной трапезы слово взял председатель собрания Баиов, который, «очертив значение георгиевских наград и указав на моральный долг каждого георгиевского кавалера быть примером доблестного служения России», предложил тост «за дальнейшее объединение в рядах военной среды» и почтить вставанием память двух бывших главнокомандующих — императора Николая II и великого князя Николая Николаевича. Затем к собравшимся обратился Б. В. Энгельгардт, который «в кратком слове охарактеризовал деятельность и значение великих русских патриотов и георгиевских кавалеров ген.<ералов> Л. Г. Корнилова, М. В. Алексеева, А. М. Каледина, адмирала А. В. Колчака и генералов П. И. Врангеля и А. П. Кутепова». Их память также почтили вставанием. Ко всему прочему в заметке указывалось, что собрание было многолюдным, так как помимо самих георгиевских кавалеров на торжествах присутствовали представители Общества помощи бывшим русским военнослужащим в Эстонии [Баиов 1931; Георгиевские кавалеры в Ревеле 1932]. В 1932 г. встреча кавалеров состоялась 11 декабря и на нее так же, как и в 1931 г., помимо георгиевских кавалеров были приглашены и члены Общества помощи бывшим русским военнослужащим в Эстонии. На собрании присутствовал генерал от кавалерии Н. Ф. Крузенштерн, который в 1932 г. отмечал 60-летие со дня производства в первый офицерский чин [Объявление 1932в; Объявление 1932г].

Согласно показаниям К. Г. Бадендика, на первом собрании георгиевских кавалеров присутствовало кроме самих кавалеров 60–70 человек, большинство из которых составляли бывшие военнослужащие российской армии [ФГАЭ 130: 15093, 76–77]. Большей частью все участники собраний также являлись членами существовавших в Эстонии союзов, объединений и обществ русских военных. По свидетельсву Н. П. Лежневского, на собрания приходили и эстонцы, но их было немного. Чаще других приходили лишь колонели (полковники) Э. Г. Лимберг и А. Симон. Последний, между прочим, выступал с речами о значении русской армии для эстонской [ФГАЭ 130: 13305, 192, 201].

С середины 1930-х гг. георгиевские вечера собирают все меньше кавалеров ордена и гостей. По словам А. О. Штубендорфа, приблизительно с 1933 г. георгиевские собрания насчитывали не более 30 человек [ФГАЭ 130: 1663, 48 об.]. Во второй половине 1930-х гг. постоянными участниками встреч георгиевских кавалеров были Э. А. Верцинский, А. О. Штубендорф, Б. В. Энгельгардт, Н. П. Лежневский, К. Г. Бадендик, Е. А. Быков, А. Е. Кудрявцев, Г. М. Соколов, протоиерей Стратонович и другие. Собрания обычно проводились в Русском клубе, а также в клубе Черноголовых, ресторанах «Иваново» и «Рим». Вероятно, место устроителя встреч после смерти Баиова занял Э. А. Верцинский, так как, по свидетельству А. О. Штубендорфа, первый тост «за возрождение русской армии и за встречу на возрожденнной земле», произносил обычно он [ФГАЭ 130: 1663, 48 об.]. Последний торжественный вечер георгиевских кавалеров в Таллинне состоялся 9 декабря 1939 г. в гостинице «Рим» [ФГАЭ 130: 15093, 77].

Отметим, что объединение георгиевских кавалеров не представляло собой самостоятельного общества или союза, оно не имело устава и не было зарегистрировано. Это были собрания, на которые один раз в году приходили как георгиевские кавалеры, так и их гости. Однако, несомненно, эти собрания играли важную роль в поддержании корпоративного духа в среде военных эмигрантов и в их стремлении сохранить традиции императорской русской армии.

§ 6. Общества помощи военным инвалидам

6. 1. Союз русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии

Первое объединение русских военных инвалидов в эмиграции было создано в декабре 1920 г. в Константинополе. Объединение возглавил генерал Барановский, которого вскоре сменил генерал Н. Н. Баратов. В последующие годы объединения возникли в Болгарии, Бельгии, Германии, Греции, Польше, Чехословакии, Югославии, Франции, Великобритании, Дании, Финляндии, Эстонии, Венгрии, США, Сирии, Ливане, Египте и на Дальнем Востоке [Ковалевский: 1971, 225–226]. В конце 1925 г. все существовавшие к тому времени союзы русских инвалидов объединились в Зарубежный союз русских военных инвалидов и приняли решение ежегодно устраивать праздник русского инвалида в день святителя Николая Чудотворца (6 декабря по старому стилю) [Общий праздник 1925]. В 1926 г. в Париже генералом Н. Н. Баратовым был основан «Комитет дня русского инвалида», а через год в Белграде состоялся первый съезд делегатов объединений русских инвалидов из всех стран Русского Зарубежья. На нем было избрано главное правление в составе генералов Н. Н. Баратова, Н. М. Кальницкого и С. Д.

Позднышева. До начала Второй мировой войны состоялось еще три съезда, прошедших в Праге (1930), Софии (1933) и Белграде (1938). С 1930 г. союз осуществлял издание отрывных и настенных календарей и ежегодно выпускал журнал-газету «Русский инвалид». После смерти в 1932 г. генерала Н. Н. Баратова союз возглавил Н. М. Кальницкий [Ковалевский 1971, 226–227].

В Эстонии история деятельности объединений русских военных инвалидов берет свое начало с открытия в мае 1920 г. в деревне Ваэкюла (Vaeküla) инвалидного дома, организованного на базе 2-го Русского лазарета Красного креста в имении барона фон Шуберта [Вместо пасхального подарка 1920]. Инвалидный дом находился на попечении Комитета русских эмигрантов и содержался за счет средств шведского Красного креста, Земгора, некоторых иностранных благотворительных организаций и таллиннского общества «Белый крест». Некоторые средства на содержание 80 инвалидов, 33 работников обслуживающего персонала и на оборудование мастерских были выделены Ликвидационной комиссией Северо-Западной армии. В августе 1920 г. от эстонских властей последовало распоряжение о переводе инвалидного дома в Кунда [Н. С. 1920б], но в результате он был переведен в Нарву [Деятельность комитета 1922; ФГАЭ 129: 26756, 14].

Первое время инвалидный дом числился на попечении Нарвского благотворительного общества, а затем после его ликвидации, 10 инвалидов были переведены в инвалидный дом шведского Красного креста, которым заведывал А. И. Берг [З. Л. 1926]. В виде денежных ежемесячных субсидий помощь нарвскому инвалидному дому продолжало оказывать общество «Белый крест», которое помимо прочего летом 1921 г. оплатило поездку инвалидов из Нарвы на грязевое лечение в Хаапсалу [Деятельность комитета 1922].

Однако с каждым годом финансовая поддержка иностранных благотворительных организаций все больше сокращалась и к началу октября 1923 г. была вовсе прекращена. Русские инвалиды были вынуждены обратиться к эстонскому правительству с ходатайством о материальной помощи. В своем прошении инвалиды, в частности, отмечали, что они наряду с эстонской армией проливали кровь, защищая границы Эстонии во время Освободительной войны, что в свою очередь дает им право на помощь со стороны эстонского государства [Хроника 1923г]. Видимо, никакого положительного решения по данному вопросу со стороны правительства не последовало. 2 февраля 1924 г. в Нарве в Русском общественном собрании состоялся концерт-бал в пользу русских инвалидов, находящихся на излечении в Инвалидном доме [Хроника 1924а]. Собранной суммы в 30 825 марок вместе с субсидиями от общества Белый крест и другими пожертвованиями хватило только на несколько месяцев, и в мае 1924 г. Инвалидный дом был все-таки закрыт [Инвалиды 1924; Г. А. И. 1924; ФГАЭ 129: 26756, 14].

После закрытия инвалидного дома в Нарве некоторые инвалиды переехали в тартуский патронат для инвалидов общества «Белый крест» [З. Л. 1926], остальные же должны были теперь позаботиться о себе сами. На первых порах они объединялись в небольшие кружки [Инвалиды 1925б], но уже к началу 1925 г. возникла идея создания более эффективной и централизованной организации. 7 февраля в помещении нарвского Русского общественного собрания состоялся благотворительный вечер в пользу проживавших в Нарве русских инвалидов. Доход от вечера составил 30 тысяч марок. Ответственным распорядителем был П. А. Цур-Мюлен. На вечере присутствовал приехавший из Таллинна генерал О. П. Васильковский, пожертвовавший некоторую сумму. На этом вечере состоялся разговор Васильковского с П. Н. Максимовым и Н. А. Яковлевым. После этой

встречи между устроителями вечера возникли расхождения и трения. В связи с этим группа Яковлева отделилась и стала проводить свою линию по организации «Союза военных инвалидов русской национальности в Эстонии», первое учредительное собрание которого было намечено на 22 февраля [Собрание инвалидов 1925а]. Затем собрание переносилось на 22 и 29 марта, но, очевидно, успеха не имело [Собрание инвалидов 1925б; Собрание инвалидов 1925в][21]. Более результативными были действия другой инициативной группы, в которую входили П. Н. Максимов, Б. Мелентьев, П. Е. Брюнин, П. Н. Жестков, Н. З. Воронов, И. К. Гервинский, М. С. Коломайнен, Е. И. Орнатский, П. А. Цур-Мюлен и Б. А. Тишнер [Письмо в редакцию 1925а]. При содействии юриста Ф. Ф. Вейса этой группой был выработан устав союза русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии, и уже 8 апреля он был утвержден Везенбергским мировым съездом [Утверждение устава 1925].

Организационное собрание союза состоялось 25 апреля в помещении эмигрантской гимназии, на нем с кратким докладом о возникновении Союза выступил Б. М. Севастьянов. Председателем собрания был избран В. И. Чижов, секретарем — Ф. И. Лебедев. На собрании присутствовало 85 человек. Были установлены размеры членских взносов и проведены выборы правления и ревизионной комиссии. В правление вошли Б. М. Севастьянов (председатель), П. Н. Максимов (секретарь), В. А. Алексеев, В. А. Карамзин, П. П. Зубов, заместители — И. К. Гервинский и П. Н. Жестков; в ревизионную комиссию — В. И. Чижов, А. А. Красильников и П. А. Цур-Мюлен, заместитель — Ф. И. Лебедев [Собрание инвалидов 1925г; Г. М. 1925; Помогите русским инвалидам 1931].

Оказавшийся не у дел, Н. А. Яковлев выступил с критикой союза, утверждая, что руководители новообразованного объединения препятствуют якобы вхождению в него лиц с эстонским гражданством, а также некадровых офицеров, то есть офицеров военного времени. Другая претензия Н. А. Яковлева заключалась в том, что в союз допускались инородцы, в частности представители немецкой национальности [Нарвитянин 1925; Ответ 1925]. На этот выпад правление союза выступило в печати с разъяснениями, в которых говорилось о том, что в действительные члены общества могут быть приняты только эмигранты, а русские с эстонским гражданством могут стать членами-соревнователями, что вовсе не исключает, согласно уставу, права последних на получение материальных пособий из средств союза [Письмо в редакцию 1925б]. Отмечалось также, что никакого деления членов союза на кадровых офицеров и некадровых нет, и что вообще все претензии Яковлева не имеют под собой никакого основания [Русский эмигрант 1925]. Вызвавшее особое недовольство Н. А. Яковлева членство в союзе лиц немецкой национальности также получило ответ со стороны П. А. Цур-Мюлена, который в своем ответе отмечал, что он хотя и является родом из прибалтийских немцев, но по культуре считает себя русским, по вероисповеданию он — православный, и что, как инвалид Мировой войны и эстонский гражданин, он, согласно уставу, имеет полное право быть членом-соревнователем союза [Письма в редакцию 1925].

На самом деле, нападки Н. А. Яковлева объяснялись тем, что его претензии на главенствующее положение в союзе не были удовлетворены. Об этом Яковлев сам

[21] Спустя год, Яковлев предпринял еще раз попытку создать свой «Союз инвалидов и пенсионеров русской национальности эстонского подданства». На организационном собрании, которое намечалось провести 21 февраля 1926 г. в нарвском Русском общественном собрании, планировалось рассмотрение и обсуждение уже разработанного к тому времени устава союза [Собрание инвалидов 1926]. Очевидно, что из этой затеи опять-таки ничего не получилось, так как в последующем об этом союзе нигде ничего не сообщалось.

проговорился в своей статье, где утверждал, что Васильковский по просьбе Максимова якобы дал ему задание организовать союз [Ответ 1925]. В своем ответе Максимов парировал тем, что никто Васильковского не просил об организации союза; согласно его версии того разговора, Васильковского пригласили в отдельную комнату лишь для того, чтобы поблагодарить за денежный вклад и договориться еще об одном [Письма в редакцию 1925].

В результате этой газетной полемики обе стороны явно продемонстрировали то, что суть спора заключалась вовсе не в принципиальных различиях во взглядах на устав союза, а в банальной борьбе за власть. К тому же в пылу перепалки оппоненты очень неосторожно обнажили другую сторону организации союза, связанную с его подпольной деятельностью, что вызвало волну слухов о его функции прикрытия какой-то тайной политической организации [Инвалиды 1925б]. Действительно, на это указывало как самое непосредственное участие в устройстве союза генерала Васильковского, чьи политические воззрения и активная деятельность были известны не только эстонской политической полиции [ГАЭ 1: 7: 28; 1: 7: 30], но и многим рядовым обывателям по брошюрам «В единении сила» (1922) и «Кто наш главный враг?» (1922), так и тот странный факт, что устроителям вечера зачем-то понадобилось удалиться в отдельную комнату. Объяснения Максимова, что такая приватность потребовалась исключительно для того, чтобы поблагодарить Васильковского, вряд ли могли кого-либо удовлетворить, ведь выразить свою благодарность дарителю можно и нужно было публично. Утверждение же Яковлева о том, что Васильковский дал задание организовать союз, вызывали еще больше подозрений в отношении истинного содержания разговора. О том, что эти подозрения были небезосновательны, речь уже шла во втором параграфе, посвященном конспиративной деятельности русских военных в Эстонии.

В сущности то, что возобладала линия Максимова, а Яковлев был устранен, на наш взгляд, сыграло благотворную роль в истории союза. Во-первых, Яковлев, как человек явно взрывного и неуравновешенного темперамента, достаточно часто конфликтовавший с окружающими, вряд ли, являлся подходящей кандидатурой на пост председателя какой-либо организации вообще[22]. Во-вторых, будучи активным сторонником Васильковского, Яковлев, возглавив союз, несомненно подчинил бы его воле Васильковского. Именно это вовремя сумели почувствовать и предотвратить Максимов и его группа. Состоя на должностях секретаря и казначея, Максимов, как человек умный и хозяйственный, ставил перед собой цели исключительно прагматического характера, связанные с привлечением средств в казну союза.

Как мы уже знаем, на начальном этапе определенная сумма была получена от Васильковского. Следующим весьма удачным шагом было избрание председателем союза бывшего жандармского полковника Б. М. Севастьянова — человека, с одной стороны, достаточно независимого, не принадлежащего ни к одной из группировок, но, с другой стороны, весьма влиятельного и обладающего необходимым кругом связей и возможностей. Севастьянов являлся представителем в Нарве благотворительного общества «Белый крест» [Русский календарь 1923], активно занимался предпринимательством, состоя одним из учредителей Нарвского

[22] По словам самого Яковлева, за время своей деятельности по переброске агентов разведки в СССР он сумел разругаться как со своими сотрудниками (поручик И. И. Антонов), так и с органами эстонской разведки (начальник штаба 1-ой дивизии майор П. Г. Трийк), а в 1927 г. вообще порвал по личной инициативе с организацией генерала Васильковского [ФГАЭ: 129: 28966: 30, 34, 38]. В 1930 г. Яковлев был исключен из членов нарвского Русского общественного собрания [Экстравагантное общее собрание 1930] и затем судился с ним [Н. Яковлев 1930].

эмигрантского общества потребителей «Нэро» [Беженская хроника 1920], ко всему прочему, он сотрудничал с английской разведкой в Эстонии, о чем, конечно, мало кто знал определенно, но слухи об этом ходили [ФГАЭ 129: 26756, 28; ФГАЭ 129: 28966, 62].

Число членов союза очень быстро росло. Если в середине мая количество вступивших в ряды союза исчислялось несколькими десятками [Инвалиды 1925а], то на общем собрании, состоявшемся 28 июня, были оглашены данные, согласно которым в союзе было зарегистрировано уже 103 члена, из них 4 почетных, 16 действительных и 83 соревнователя, и было выдано 8 пособий и 3 ссуды [Т. 1925]. С момента своего официального учреждения союз стал усиленно привлекать в члены местных и таллиннских общественных деятелей. Среди последних был генерал А. К. Баиов, избранный 28 июня на общем собрании почетным председателем Союза [Т. 1925], что, впрочем, не давало Баиову особых полномочий, но накладывало определенные обязательства, в частности, финансового характера. Материальной помощью союзу со стороны Баиова стал денежный сбор за одну из лекций («Причины Великой войны и виновники ее возникновения»), прочитанной им 15 октября в Нарве [Б. Т. 1925][23].

Впрочем, союз не только довольствовался пожертвованиями со стороны, но и сам предпринимал ряд мер для изыскания дополнительных средств. Традиционным и испытанным средством в этом деле была организация благотворительных вечеров с развлекательной программой. Такой вечер был устроен 12 сентября 1925 г. [Волгин 1925]. В апреле следующего года союз провел двухдневные мероприятия. 24 апреля 1926 г. союз устроил в нарвском Русском общественном собрании закрытый благотворительный спектакль [Вечер Союза 1926], а на следующий день в нарвском Преображенском соборе состоялся так называемый тарелочный сбор в пользу союза [Сбор 1926].

9 мая 1926 г. в Русском общественном собрании состоялось годовое собрание Союза, на котором были подведены итоги деятельности союза за первый год его существования. В докладе правления союза отмечалось, что за 1925 г. было собрано 180 000 эстонских марок, 25 000 марок поступило от фонда имени генерала Й. Лайдонера (Kindral Laidoneri nimeline invaliidide kapital). Правление и ревизионная комиссия в виду заслуг были оставлены те же. Дополнительно были выбраны два человека в правление и один в ревизионную комиссию на место выбывших в течение года. Новый состав правления союза выглядел следующим образом: председатель — Б. М. Севастьянов, члены правления — В. А. Алексеев, И. К. Гервинский, П. Н. Жестков, П. Н. Максимов, заместители — Н. З. Воронов, П. Г. Козлов; состав ревизионной комиссии — А. А. Красильников, Ф. И. Лебедев, П. А. Цур-Мюлен, заместитель — Е. И. Орнатский [Годовое общее собрание 1926; Рацевич 1926].

К началу сентября 1926 г. денежная помощь союзу в 40 000 марок поступила от благотворительного общества «Белый крест». Всего к тому моменту на выдачу субсидий союзом было израсходовано 300 000 марок. Однако, несмотря на значительные денежные поступления, союз все-таки испытывал определенные затруднения. Так, к примеру, из 23 инвалидов[24], опекаемых союзом, ежемесячное

[23] А. К. Баиовым были прочитаны еще две лекции в пользу союза: 12 декабря 1926 г. в Таллинне в Русском клубе — «Истоки Великой мировой драмы и ее режиссеры» [Черниговский 1926] и в апреле 1927 г. — «Национальный подвиг русского народа и его армии», посвященный 50-летию начала Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. [Владимиров 1927в; Карпатов 1927].

[24] В 1926 г. в списке действительных членов союза состояли А. И. Байков, Б. А. Тишнер, П. П. Богданов, В. А. Самонов, М. С. Коломайнен, Н. В. Соколов, Н. М. Михайлов, И. К. Гервинский, М. П.

пособие в 1500 марок получали лишь 10 человек, остальным оказывалась нерегулярная помощь [Владимиров 1926]. Всего за 1926 г. союзом было выдано 144 пособия на сумму 117 980 марок, из них 125 пособий (105 580 марок) — действительным членам и 19 пособий (12 400 марок) — членам-соревнователям [Отчет 1927]. Если сопоставить суммы пособий (117 980 марок) с общей суммой субсидий союза только на сентябрь 1926 г. (300 000 марок), то получится, что на выплаты пособий шла лишь треть расходуемых союзом средств, остальные же суммы союз предпочитал выдавать в виде ссуд и кредитов.

В 1926 г. наблюдается значительная активизация деятельности русской общественности по оказанию помощи военным инвалидам. 8 июня в Таллинне был учрежден центральный Комитет «Дня русского инвалида», а к концу года такие же комитеты были открыты в Тарту, Нарве, Пярну, Кохтла-Ярве, Кютте-Йыу и других местах проживания русского населения. В этом же году с открытием двух отделов в Таллинне и Тарту союз расширил географию своей деятельности.

17 октября 1926 г. в помещении таллиннского Русского общественного собрания по инициативе А. К. Баиова был открыт таллиннский отдел союза. В правление отдела вошли: председатель — полковник А. Е. Кудрявцев, секретарь — прапорщик С. А. Самсониевский, казначей — полковник А. А. Кулицкий, в состав ревизионной комиссии — полковник В. А. Шернкрейц и подполковник И. Филатов. В почетные члены были избраны директор Балтийской бумагопрядильной мануфактуры инженер Р. Я. Хохлов (за щедрые пожертвования на организацию отдела и его нужды), а также генералы А. Е. Вандам и В. Л. Драке. Комитет русских эмигрантов предоставил в безвозмездное пользование отдела свое помещение [Союз русских увечных воинов: 1926]. Для регистрации в действительные члены отдела от инвалидов требовались не только предоставление документов, подтверждающих их инвалидность и службу в русской армии, но и подписка о согласии подчиняться требованиям отдела [От Ревельского отдела 1926]. Не вызывает сомнения тот факт, что, учреждая отдел союза, Баиов и его окружение отнюдь не ставили перед собой цель способствовать и помогать деятельности нарвского центра. Открытие отдела было непосредственным результатом ссоры и конфронтации Баиова и Васильковского и имело в планах постепенное распространение своего влияния на весь союз в целом.

Причины совсем иного характера послужили толчком к открытию 6 декабря 1926 г. отдела союза в Тарту. К этому времени патронат общества «Белый крест», опекавший 20 русских инвалидов, стал испытывать серьезные материальные затруднения, поэтому тартуским русским обществом было решено организовать отдел союза в Тарту [10-летие 1937]. В правление отдела вошли Я. С. Вешняков (председатель), Н. В. Потапов (секретарь) и Г. П. Козырев (казначей) [Юрьевский день 1927]. Создание отдела в Тарту многим было обязано неиссякаемой энергии и энтузиазму генерала Я. С. Вешнякова, который после ухода со службы в эстонской армии за достаточно непродолжительный срок своей общественной деятельности в Тарту, сумел не только организовать отдел союза, но и принял самое активное и непосредственное участие в создании памятника воинам русской императорской армии, павшим во время Первой мировой войны [Макс 1927]. После отъезда Я. С. Вешнякова в Америку председателем тартуского отдела союза был избран полковник

Коновалов, П. Н. Жестков, П. Ф. Сазонов, Н. П. Анисимов, А. И. Кучеров, С. Ф. Петров, И. И. Иванов-Ратмиров, П. Н. Максимов, И. И. Замтин, А. А. Алексеев, Д. А. Порсев, А. А. Сербин-Черцов, С. Мусин-Зенчинов и члены-соревнователи А. П. Лабиннаг, Е. И. Орнатский [Отчет 1927].

лейб-гвардии Семеновского полка, известный генеалог Н. К. фон Эссен [Козырев 1927], которого после его переезда в Таллинн в 1928 г. сменил поковник А. А. Фадеев.

В конце 1926 г. произошла смена руководства союза. После повторной просьбы Б. М. Севастьянова [Собрание Союза 1925] о сложении с себя обязанности председателя его ходатайство было удовлетворено [Севастьянов 1926]. Новым председателем стал полковник В. А. Алексеев [Владимиров 1927а]. С приходом на пост председателя союза Алексеева стала реализовываться идея создания столовой, которую планировалось открыть в Ивангороде, где проживало большинство нуждавшихся эмигрантов и членов союза. [Владимиров 1927б]. 19 апреля 1927 г. столовая для инвалидов-эмигрантов была торжественно открыта на ивангородской стороне по адресу: Новая линия, дом № 4. На открытии присутствовал председатель Комитета русских эмигрантов в Эстонии В. А. Рогожников, специально приехавший по этому случаю из Таллинна. В своей речи председателя союза В. А. Алексеев в частности отметил, что Союз русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии был первым учреждением в эмигрантской среде в Эстонии, которое было создано исключительно силами инвалидов, без посторонней благотворительной помощи. Свою речь Алексеев завершил провозглашением тоста за великого князя Николая Николаевича[25]. Союзом предполагалось ко всему прочему использовать помещение столовой и в качестве клуба [Освящение столовой 1927; Открытие столовой 1927].

15 мая 1927 г. в помещении нарвского Русского общественного собрания состоялось годовое собрание союза. В начале собрания была почтена вставанием память скончавшегося в ноябре 1926 г. действительного члена союза подполковника А. И. Байкова. В докладе председателя В. А. Алексеева отмечалось, что 8 мая прошлого года союз зарегистрировал свой устав в Зарубежном союзе инвалидов в Париже. Была отмечена деятельность отделов союза в Таллинне и Тарту. В отчете о проведенных мероприятиях были выделены лекции А. К. Баиова и Б. А. Суворина, материальная выручка от которых была перечислена в пользу союза. Также говорилось, что в казну союза поступили средства из капитала фонда имени генерала Й. Лайдонера (25 000 марок) и от генерала Н. Н. Юденича (25 000 марок). Всего приход в 1926 г. составил сумму около 265 000 марок. На 1927 г. на счету союза числился остаток в 71 704 марки. После финансового отчета были решены вопросы, касавшиеся столовой. Общим собранием заведующим столовой за бесплатное питание и жалование в 1000 марок единодушно был назначен П. Н. Максимов, его помощником за бесплатное питание, жалование в 500 марок и право на бесплатное проживание в помещении столовой — Е. И. Орнатский. На момент проведения собрания бесплатные обеды в столовой получали около 20 человек. Правление выражало надежду, что число их будет увеличиваться, но для этого требовались дополнительные средства, поэтому решено было ходатайствовать перед Центральным правлением в Париже о субсидии на столовую. После перевыборов правления его состав выглядел следующим образом: В. А. Алексеев (председатель), П. Н. Максимов (секретарь), Н. З. Воронов, П. Г. Козлов и М. М. Навроцкий; в составе ревизионной комиссии — А. А. Красильников, П. А. Цур-Мюлен и Ф. И.

[25] Союз русских увечных воинов в Нарве всегда открыто позиционировал себя как организацию сторонников российской монархии. Ежегодно по инициативе союза в нарвских церквях устраивались панихиды по царской семье и молебны о здравии великого князя Николая Николаевича [см., напр.: Панихида 1927; Молебен 1927].

Лебедев [Годичное собрание инвалидов 1927а; Годичное собрание 1927б; Владимиров 1927в].

22 мая 1927 г. состоялось общее собрание таллиннского отдела. На тот момент в составе отдела состояло 19 действительных членов, 12 почетных членов и 28 членов-соревнователей. В результате перевыборов правления отдела в его состав были введены новые члены — капитан И. Н. Иванов и полковник М. А. Александров. За безвозмездное медицинское обслуживание членов отдела в почетные члены были избраны доктор Н. А. Колпаков, доктор Д. Я. Федоров и доктор Тацитов, а также профессор В. А. Рогожников. На собрании было также решено ходатайствовать перед властями о разрешении носить специальный нагрудный знак [Союз увечных воинов 1927].

Годовое собрание нарвского союза, состоявшееся 13 мая 1928 г., началось вставанием в честь памяти недавно скончавшегося генерала П. Н. Врангеля. На собрании присутствовало 38 человек. Председатель союза В. А. Алексеев зачитал отчет за 1927 г., согласно которому доход организации составил сумму в 2 218 крон 23 цента. В переизбранное правление вошли В. А. Алексеев (председатель), П. Н Максимов (секретарь), П. Г. Козлов, И. К. Гервинский и Л. Г. Аллик; кандидаты — Н. З. Воронов и А. А. Сербин-Черцов. В ревизионную комиссию были избраны П. А. Цур-Мюлен, А. А. Красильников, Т. Г. Кутковский и Е. И. Орнатский [Общее собрание 1928].

В 1928 г. мы встречаем первое упоминание о существовании печорского подотдела тартуского отдела союза, которое возглавлял капитан К. А. Мерказин. Первым мероприятием подотдела стало проведение благотворительного вечера в пользу тартуского отдела, который состоялся 27 мая 1928 г. Доход от вечера составил 130 крон [Доход вечера 1928]. В 1929 г. во время гастролей Нарвского русского театра в Печорах в течение двух дней актеры театра давали спектакль «Кухня ведьм» Г. Ге и перечислили всю выручку от билетов в пользу подотдела [Спектакль 1929]. В общей сложности доход тартуского отдела по сравнению с предыдущими годами возрос и составил в 1928 г. 1775 крон, из этой суммы на нужды инвалидов было потрачено 1244 кроны, и к январю 1929 г. на счету отдела оставалось 530 крон 26 центов [Денежный отчет 1929].

Доход нарвского центра за 1929 г. по сравнению с доходом тартуского отдела был несколько меньше. Согласно отчету правления, представленному на годовом собрании 12 мая 1929 г., за 1928 г. было собрано 1 597 крон 50 центов, из них потрачено на пособия 1 509 крон 20 центов; было выдано 2 738 бесплатных обедов на сумму 1 022 кроны 25 центов. В правление на следующий период были избраны В. А. Алексеев (председатель), П. Н. Максимов (секретарь), Л. Г. Аллик, И. К. Гервинский и П. Н. Жестков, в заместители — С. А. Кудрявцев и Е. И. Орнатский. В ревизионную комиссию вошли П. А. Цур-Мюлен, А. А. Красильников и Т. Г. Кутковский и заместителем — Б. Б. Кулашка [Годовая деятельность 1929].

Годовое собрание союза, состоявшееся в Нарве 4 мая 1930 г., собрало относительно небольшое число членов (присутствовало 27 человек, включая приехавшего из Тарту председателя тартуского отдела А. А. Фадеева), однако, программа была значительно шире, чем в предыдущие годы. Собрание началось с предложения председателя союза В. А. Алексеева почтить вставанием память умершего в ноябре 1929 г. Действительного члена союза полковника А. А. Сербина-Черцова. Далее был заслушан доклад В. А. Алексеева, в котором сообщалось, что за истекший год поступления в кассу союза составили 2 903 кроны 69 центов, на пособия была потрачена 2 191 крона 74 цента. Затем собравшимся было сообщено,

что центральный Союз русских инвалидов в Париже прислал определенную сумму и предложил приобретать реальные ценности, не расходуя всех поступлений. Однако из-за недостатка средств правление решило от этой мысли отказаться. Из полученных из Парижа средств союз выделил 35 крон тартускому отделу и 40 крон — таллиннскому.

В зачитанном собравшимся письме председателя Союза русских инвалидов в Чехословакии генерала М. Г. Михеева о предстоящем 20 июля в Праге 2-ом делегатском съезде союзов инвалидов говорилось, что на посылку делегата центр может выделить пособие в 5–10 тысяч чешских крон. Согласно установленным правилам, от каждых 100 действительных членов союза или общества инвалидов мог быть избран один делегат, в Эстонии на тот момент в списке действительных членов союза числилось 63 человека. Делегатом на съезд в Праге единогласно был выбран О. П. Васильковский, он же впервые за пять лет существования союза был избран его председателем. После перевыборов новое правление союза выглядело следующим образом: почетный член союза О. П. Васильковский (председатель), П. Н. Максимов (секретарь), Л. Г. Аллик, С. А. Кудрявцев, П. Н. Жестков; запасные члены — П. Г. Козлов, Н. А. Подмошенский, А. И. Кучеров. В состав ревизионной комиссии вошли А. А. Красильников, П. А. Цур-Мюлен и Т. Г. Кутковский, запасной член — В. А. Алексеев [Собрание русск. Инвалидов 1930].

Таким образом, В. А. Алексеев был смещен с поста председателя, что было результатом произошедшего между ним и П. Н. Максимовым конфликта [ФГАЭ 129: 18117, 137][26]. Суть этого разлада осталась неизвестной, но очевидным было то, что Максимов предпринял все возможное к устранению Алексеева. Характерно, что еще до начала перевыборов членов правления В. А. Алексеев запросил у собрания себе, как председателю союза, назначения ежемесячного жалования в 50 крон. Общее собрание в просьбе отказало, выдав единовременное пособие в 15 крон и 30 крон долгосрочной ссуды. В то же время секретарь П. Н. Максимов выступил с аналогичной просьбой, попросив собрание увеличить его жалование с 15 крон до 30, что было удовлетворено и, в очередной раз, продемонстрировало, что реальным правителем дел в союзе и человеком, пользовавшимся наибольшим авторитетом, являлся не председатель, а секретарь союза — П. Н. Максимов [Собрание русск. Инвалидов 1930].

18 мая 1930 г. состоялось торжественное празднование 5-летнего юбилея Союза, которое началось с молебна в Знаменской церкви. Избранный на общем собрании союза председателем О. П. Васильковский по причине болезни на празднике не присутствовал, поэтому после поздравительной речи о. Павла Дмитровского от имени союза выступил исполняющий обязанности председателя Л. Г. Аллик[27], который особенно подчеркнул значение материальной помощи фонда имени генерала Лайдонера, составлявшей до 1929 г. 250 крон в год, а с 1929 г. — 300 крон. От имени эстонского Союза инвалидов на торжественном акте выступил представитель нарвского отдела Капралов. В заключении торжественной части П. А. Цур-Мюленом была сделана общая фотография, а затем было устроено чаепитие. Вечером для членов союза и гостей был организован праздничный ужин [-ль. 1930].

---

[26] Известно, что В. А. Алексеев через какое-то время вовсе вышел из состава союза [ФГАЭ 129: 18117, 137]. Скорее всего это произошло в 1931 г., так как канцелярия союза, размещавшаяся до этого на его квартире по адресу Новая линия, 4 [Евгениев 1927; Зирин 2004, 112], с июля 1931 г. была переведена в новое помещение по адресу Псковская улица, 54 [Хроника 1931].

[27] Л. Г. Аллик исполнял обязанности председателя союза с 1931г. по 1932 г. [ФГАЭ 130: 2866, 19].

С августа 1930 г. министром внутренних дел Эстонии в течение целого месяца по всей Эстонии было разрешено проводить сбор средств по подписным листам в пользу союза, что, несомненно, принесло дополнительную материальную помощь союзу [Сергеев 1930]. В конце года союз пополнился новыми членами-соревнователями — женским кружком, который за относительно короткий срок смог значительно увеличить запас кассы союза посредством сборов и пожертвований. Появление дополнительных средств позволило правлению союза рассматривать возможность приобретения участка земли для огородных работ и создания артели для сапожников или других кустарных работ [В союзе инвалидов 1930].

Однако общая картина внешнего благополучия деятельности союза была вскоре омрачена начавшимся шумным скандалом, расколовшим в очередной раз общество русских военных в Эстонии на два противоборствующих лагеря. Уже на общем собрании от 4 мая после оглашения приятных новостей о пополнении средств союза у всех собравшихся вызвало определенное удивление известие о том, что в обход установившейся традиции отчет таллиннского отдела о проведении Дня русского инвалида был представлен генералом Баиовым непосредственно в Париж, а не в Нарву [Собрание русск. Инвалидов 1930].

21 сентября в Таллинне состоялось экстренное собрание таллиннского отдела союза, на котором присутствовало 50 членов. На собрании было принято решение выступить с предложением к нарвскому центру об организации внеочередного собрания, на котором предлагалось обсудить следующие пункты: 1) перевыборы правления союза ввиду неприемлемости его теперешнего состава; 2) изменение устава союза; 3) обсуждение инструкций для участия делегатов от отделов на общих собраниях союза [Иванов 1930а]. На самом деле реальной причиной беспокойства представителей таллиннского отдела стало растущее влияние генерала О. П. Васильковского, который был не только избран председателем Союза русских увечных воинов, но и к тому времени активно занимался созданием Союза взаимопомощи чинов бывшей Северо-Западной армии и русских эмигрантов в Эстонии [Бойков 2004а, 98].

23 ноября в Нарве состоялось чрезвычайное собрание союза, на котором на этот раз присутствовало более 70 членов, в том числе представители таллиннского отдела — Б. В. Энгельгардт (председатель отдела), Я. М. Корецкий, С. А. Самсониевский, Васильев и тартуского — А. А. Фадеев. Таллиннский отдел сразу же выступил с категорическим несогласием по поводу избрания О. П. Васильковского председателем союза. Собственно говоря, это был основной пункт повестки дня, предложенный таллиннцами, так как остальные два пункта напрямую были связаны с первым и суть их сводилась к тому, что таллиннский отдел при переизбрании правления требовал учета голосов членов всех отделов, а не только присутствовавших на годовом собрании в Нарве. В связи с этим предложением предлагалось внести поправки в устав союза. В заключении от имени всего таллиннского отдела Б. В. Энгельгардт выдвинул своего кандидата на пост председателя союза, а именно: генерала А. К. Баиова.

По поводу изменения устава и предложенному принципу подсчета голосов при баллотировке секретарем союза П. Н. Максимовым было заявлено, что, так как таллиннский отдел не представил нового проекта устава, то этот вопрос пока рассматриваться не будет, к тому же тартуский отдел в лице 17 действительных членов и 140 членов-соревнователей высказался за сохранение прежнего варианта устава. В отношении подсчета голосов при перевыборах правления собранием было принято решение, имея в виду тот факт, что многие члены отделов союза не имеют

возможности ездить на общие собрания, учитывать такое количество голосов, которое соответствовало бы числу присутствовавших на предшествующем собрании отдела. В связи с протестом таллиннцев против избрания председателем генерала Васильковского, П. Н. Максимовым было сказано, что на собрании 4 мая он (Васильковский) был избран единогласно и результаты выборов уже одобрены в Париже председателем Зарубежного союза русских военных инвалидов генералом Н. Н. Баратовым.

В конце концов состоялись повторные выборы правления. Было решено, что центральный нарвский отдел при голосовании обладает 70-ю голосами, таллиннский — 50-ю, а тартуский — 20-ю. В результате перевыборов за кандидатуру Васильковского свои голоса отдали 78 членов союза, против — 62 [Иванов 1930а; Иванов 1930б; На собрании русских инвалидов 1930]. Если учесть, что 50 голосов таллиннцев были изначально поданы против Васильковского, а все члены тартуского отдела безоговорочно поддерживали все решения, принятые на общих собраниях в Нарве, то получится, что при повторном голосовании 12 членов нарвского отдела высказались против Васильковского, поддержав на сей раз инициативу таллиннцев. Тем не менее, даже после повторного голосования результат остался тем же, — председателем союза по-прежнему являлся О. П. Васильковский, который, правда, по причине болезни, в течение года занимал эту должность лишь формально, практически же исполняющим обязанности председателя союза был Л. Г. Аллик. Так или иначе, чрезвычайное собрание от 23 октября вовсе не решило создавшейся проблемы, а скорее, наоборот, оформило раскол в рядах членов союза, который окончательно произошел в следующем году.

Годовому собранию союза в 1931 г. предшествовала небольшая газетная полемика между председателем таллиннского отдела полковником Б. В. Энгельгардтом и представителем нарвского центра бывшим присяжным поверенным А. И. Ивановым. В статье Энгельгардта с сожалением констатировался произошедший разлад между якобы центральным нарвским отделом и таллиннским. По мнению Энгельгардта, причиной такого положения дел явилось то, что до сих пор правление союза выбиралось только членами нарвского отдела, совершенно игнорируя мнение членов других отделов (здесь, конечно же, имелся в виду таллиннский отдел). В числе других ненормальных явлений в деятельности нарвского отдела Энгельгардт усматривал открытое противодействие и конкуренцию с «мощной и общей по целям» организацией комитета Дня русского инвалида. В завершение Энгельгардт предлагал устранить конкуренцию между правлениями комитета и союза, и расходовать средства сообща [Энгельгардт 1931].

В своем ответе Энгельгардту А. И. Иванов отстаивал ту точку зрения, согласно которой положение дел обстояло совсем иным образом. До момента выступления таллиннского отдела в 1930 г. все дела в союзе шли благополучно. По мнению Иванова, все действия таллиннцев сводились в сущности к смене существующего правления с целью поступления средств союза в ведение комитета Дня русского инвалида. Предлагаемое же Энгельгардтом объединение комитета с союзом было невозможно и по уставу последнего, но сотрудничество предствлялось вполне реальным. В общем и целом, Иванов считал, что все упреки его оппонента били мимо цели [Иванов 1931а].

Очередное общее годовое собрание членов союза, состоявшееся 31 мая 1931 г. в Нарве, собрало 53 члена союза. От таллиннского отделения присутствовал только один человек. От тартуского отдела пришло сообщение о том, что все члены отдела заранее соглашаются со всем, что будет принято общим собранием, поэтому

представитель от отдела не посылается. Главным предметом обсуждения собрания было рассмотрение ряда вопросов, связанных с выступлением таллиннского отдела в предыдущем году.

Согласно докладу правления и ревизионной комиссии, в 1930 г. союзом было собрано 7 343 кроны 31 цент (985 крон поступило от Центрального правления в Париже). От нарвского отдела в общую казну поступило 60% от этой суммы, от тартуского — 29%, от таллиннского — 11%. В докладе правления было особенно подчеркнуто, что письмом от парижского центра генералу О. П. Васильковскому в этом году поручено организовать День русского инвалида в Эстонии. После проведенных перевыборов руководства союза его состав выглядел следующим образом: в члены правления вошли О. П. Васильковский (председатель), П. Н. Максимов (секретарь), П. Н. Жестков, А. В. Кучеров и П. Г. Козлов, в заместители членов правления — Л. Г. Аллик и С. А. Кудрявцев; в члены ревизионной комиссии были избраны К. В. Новгородский, А. П. Бахмутский и Д. А. Гаврилов, в заместители — Н. С. Дулов. По предложению Васильковского, общим собранием также было принято решение, согласно которому на ежегодные заседания правления от отделов требовалось делегирование по одному представителю [У русских инвалидов 1931; тский 1931; Иванов 1931б].

Таким образом, по своим результатам годовое собрание союза было, по сути дела, ответным ударом нарвитян на все предыдущие претензии таллиннцев. Во-первых, общее собрание подтверждало результаты прошлогодних выборов, вторично избирая генерала Васильковского на посту председателя союза, во-вторых, опираясь на поддержку парижского центра, нарвский отдел закреплял за собой приоритет в проведении в 1931 г. Дня русского инвалида в Эстонии, в-третьих, на основе финансового отчета наглядно была показана мизерная на общем фоне доля материального вклада таллиннского отдела, что, несомненно, дискредитировало как деятельность отдела вообще, так и предложение его главы Энгельгардта о совместном расходовании средств.

После этого собрания нарвский отдел перешел к более энергичным «наступательным» действиям и, подозревая таллиннский отдел в нецелевом расходовании сумм, в начале августа отправил членов ревизионной комиссии в Таллинн, откуда ими был вывезен архив таллиннского отдела [В Союзе русских инвалидов 1931]. Результаты расследования ревизионной комиссии были оглашены на следующем чрезвычайном собрании, которое состоялось 18 октября 1931 г. Перед собравшимися 49 членами союза с докладом о ревизии документов таллиннского отдела выступил член ревизионной комиссии А. П. Бахмутский. В своем докладе он отмечал факт нецелевого распределения средств, который заключался в том, что 3 393 кроны из сумм отдела были выданы в виде ссуд не инвалидам или не военным инвалидам. По этому поводу правлением союза было решено, что оно оставляет за собой право приглашения юристов и обращения в суд [Б. Е. 1931а].

Таким образом, все попытки таллиннского отдела постепенно подчинить деятельность союза себе потерпели полное фиаско. После майского общего собрания союза обстоятельства складывались явно не в пользу таллиннцев, и ответные действия нарвского центра при пассивной поддержке тартуского отдела грозили Энгельгардту и его сторонникам в затеянной ими же конфронтации несомненным поражением. Однако до открытой схватки дело не дошло, так как таллиннский отдел сумел вовремя осуществить предупреждающий маневр. Почти сразу же после провального для таллиннцев собрания союза в мае члены таллиннского отдела во главе с Энгельгардтом и Баиовым фактически вышли из рядов союза и организовали

альтернативную Союзу русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии организацию под названием Союза русских военных инвалидов в Эстонии. Устав нового союза был зарегистрирован уже 12 июня, а учредительное собрание членов состоялось 5 июля. Еще одним результатом кардинального размежевания сторонников Баиова и Васильковского стало образование группой Баиова Общества помощи бывшим русским военнослужащим в Эстонии, устав которого был зарегистрирован 24 августа, а учредительное собрание нового общества состоялось 18 октября [Абисогомян 2003, 62–63]. Если Союз русских военных инвалидов в Эстонии был создан в противовес Союзу русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии, то Общество помощи бывшим русским военнослужащим в Эстонии явно противопоставлялось Союзу взаимопомощи чинов бывшей Северо-Западной армии и русских эмигрантов в Эстонии.

После раскола ряды Союза русских увечных воинов заметно поредели. Точно не известно, сколько человек осталось в составе таллиннского отдела союза, но с определенной уверенностью можно предположить, что их число было весьма незначительным. Известно, что отдел возглавил полковник В. С. Афанасьев, сменивший в следующем, 1932 г., генерала Васильковского на посту председателя союза [ФГАЭ 129: 26756, 299][28]. Вместо Афанасьева председателем отдела был избран полковник Н. А. Минаев [ФГАЭ 129: 26756, 142]. Отдел по-прежнему ежегодно устраивал благотворительные вечера и лотереи [Афанасьев 1933; Ревельский день 1933; Таллинский день 1934в; Вечер 1935], и хотя теперь отделу приходилось конкурировать с Союзом русских военных инвалидов и комитетом Дня русского инвалида, денежные сборы от этих акций были все-таки значительны. Так, например, постановка 11 декабря 1935 г. при помощи таллиннских русских артистов спектакля с концертным отделением, балетными танцами и лотереей принесли доход в 530 крон 53 цента [Объявление 1935], в 1936 г. доход от подобного вечера составил 460 крон 40 центов [Объявление 1937а], а в 1937 г. — 928 крон 76 центов [Объявление 1937в].

Весьма продуктивной была деятельность тартуского отдела союза, активными членами которого являлись А. А. Фадеев, Э. М. Сиротин, Н. М. Потапов, А. Лобанов, А. Воробьев, И. Якубович и другие [С. 1932; В тартуском союзе 1940]. С момента своего открытия отдел принципиально не участвовал в междуусобных конфликтах внутри союза, и занимался своей непосредственной работой — помощью инвалидам. В 1931 г. отделом было выдано пособий на 750 крон. Благотворительный вечер отдела, устроенный 10 апреля 1932 г., принес в кассу отдела 313 крон 59 центов [С. 1932]. Бал-маскарад, организованный 19 февраля 1933 г., принес прибыли в 199 крон 63 центов. Всего в 1932 г. тартуский отдел собрал 1 961 крон 46 центов. Из этой суммы на лечение, приобретение протезов, выдачу пособий и ссуд отделом было потрачено 1 591 крон 15 центов [Деятельность Юрьевского отдела 1933]. Самой прибыльной акцией тартуского отдела стал благотворительный вечер, проведенный 23 января 1937 г. и собравший 753 кроны 37 центов [Тартуская хроника 1937; Спасибо за помощь 1937]. Не менее результативной была деятельность печорского подотдела, стараниями членов которого к 1934 г. было собрано на помощь 19-ти

[28] В. С. Афанасьев был председателем союза до 1937 г. [ФГАЭ 129: 26756, 299]. Затем его на этом посту сменил П. Г. Козлов [ФГАЭ 130: 7878, 17]. С 1939 по 1940 г. союз возглавлял П. Н. Максимов [ФГАЭ 130: 2866, 19], а вместо него должность секретаря исполнял П. Е. Брюнин [ФГАЭ 130: 7878, 17].

инвалидам, находившимся на тот момент на попечении тартуского отдела, 5 169 крон 10 центов [Л. Д. 1934].

Помимо традиционных методов изыскания средств, практиковавшихся всеми эмигрантскими организациями, тартуский отдел союза занимался также распространением отрывных календарей, которые до 1936 г. выпускались издательством «Северный медведь». В 1936 г., вероятно, по причинам материального характера договоренность с издательством не была достигнута, и тартуским отделением союза было принято решение выпускать свой календарь, который с 1936 г. печатался в нарвской типографии [И. 1936].

В 1930-е годы нарвский центральный отдел союза по-прежнему старался всеми возможными способами добывать средства для помощи инвалидам. К маю 1935 г. общее число инвалидов, состоявших на учете союза, равнялось 50-ти [10-летие союза 1935], а в 1936 г. в списках значилось 52 человека [Деятельность союза 1936]. Из этого числа в Нарве проживало около 20 человек. Союз заботился не только об инвалидах, но и о членах их семей. Благодаря ходатайствам в различные инстанции П. Н. Максимова, многим детям инвалидов оказывалась помощь в виде выдачи одежды, освобождения от платы за обучение в Нарвской эмигрантской гимназии, предоставления бесплатного питания [ФГАЭ 129: 26756, 131]. В общей сложности с момента начала своей деятельности и до 1 января 1936 г. союзом на помощь инвалидам было израсходовано 30 554 крон 48 центов [Деятельность союза 1936], что представляло собой весьма значительную сумму.

Однако с каждым годом пополнять кассу союза оказывалось все более и более проблематично. Объяснялось это не только трудным экономическим положением в стране, но и конкуренцией со стороны Союза русских военных инвалидов в Эстонии и Комитета «Дня русского инвалида». Стоит учитывать, что многолетнее противостояние и склоки между сторонниками Баиова и Васильковского, повлекшие за собой раскол союза и образование еще одного союза инвалидов, нанесли беспорный вред репутации союза, и оттолкнули от этих организаций многих потенциальных жертвователей.

Спад интереса к деятельности союза со стороны жителей Нарвы проявился уже в 1932 г. Так, в газетной заметке, посвященной проведению союзом очередной благотворительной лотереи, отмечалось, что на вечер русских пришло мало, а были в основном немцы и эстонцы [Как русские помогли своим инвалидам 1932]. По поводу лотереи, состоявшейся 18 апреля 1937 г., также сообщалось, что публики было мало, часть выигрышей, в том числе и главный (новый турецкий диван, два пуфа и диванный стол), остались неразыгранными, и что материальный успех лотереи, таким образом, оказался незначительным [Лотерея союза 1937]. Такая же история повторилась и в 1938 г., когда на концерт-бал союза пришло очень мало посетителей, хотя все билеты были раскуплены [Концерт-бал союза 1938].

Несмотря на трудное материальное положение, союз ставил перед собой серьезные задачи. В частности одной из последних инициатив союза было решение о начале строительства своего дома для инвалидов. На осуществление этого проекта союз возбудил ходатайство перед центральным Зарубежным союзом русских инвалидов о предоставлении денежной помощи. Известно, что зимой 1939–1940 гг. некоторая сумма из Парижа была получена, и союз даже купил участок земли у ивангородского кладбища [ФГАЭ 129: 26756, 131], но дальше этого дело не продвинулось. На сей раз причина крылась не только в недостатке денег, но и в том, что в Эстонии была установлена советская власть, что в свою очередь стало причиной ликвидации союза и уничтожения в дальнейшем почти всех его членов.

6. 2. Комитет «Дня русского инвалида»

Зарубежный съезд русской эмиграции послужил толчком для устройства ежегодной благотворительной акции «Дня русского инвалида». Приуроченый ко дню памяти святого Николая Чудотворца (22 (9) мая) День русского инвалида, начиная с 1926 г., стал широко праздноваться во всех уголках Русского Зарубежья и вошел в традицию. Главой Зарубежного союза русских военных инвалидов генералом Н. Н. Баратовым учреждение Комитета «Дня русского инвалида» (ДРИ) в Эстонии было возложено на генерала А. К. Баиова. Еще до его приезда из Парижа призыв об организации комитетов в Таллинне, Нарве и Тарту был опубликован в газете «Час» [«День русского инвалида» 1926а]. Однако День русского инвалида в намеченный срок не состоялся. Вероятнее всего, причина крылась не только в организационных трудностях, но и в разразившейся сразу после возвращения Баиова с Зарубежного съезда ссоре между ним и Васильковским.

На первом организационном собрании, которое состоялось 8 июня в помещении Комитета русских эмигрантов, присутствовали архиепископ Нарвский и Изборский Евсевий, протоиерей А. Аристов, М. П. Киршбаум, А. Д. Сепп, П. Н. Яхонтов, полковник В. К. Шенк, доктор Н. А. Колпаков, контр-адмирал П. П. Левицкий, А. В. Чернявский, есаул В. Г. Елисеев, полковник П. Н. Толоконников, а также представители эстонского Красного Креста. На собрании председательствовал Баиов. Центральным комитетом ДРИ было решено образовать местные комитеты по всей Эстонии. Целью нового общественного объединения являлся сбор средств для материальной поддержки русских военных инвалидов. Для осуществления данной цели было решено распространять подписные листы, устраивать «тарелочный сбор», а также спектакли, вечера, концерты, лекции и доклады. Причем, по предписанию Министерства внутренних дел, подписные листы разрешалось распространять только в определенный период [Хроника 1926а; Баиов 1926б].

В июне комитет ДРИ был организован в Нарве. В состав комитета вошли В. А. Рогожников (председатель), М. И. Соболев (от Комитета русских эмигрантов), Б. М. Севастьянов и В. А. Алексеев (от Союза русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии), Э. Э. Маак (от нарвского Русского учительского общества), Александров и А. И. Михелис (от Русского национального союза в Эстонии) [День Русских Инвалидов 1926]. 19 августа 1926 г. под председательством Е. Р. Филипповой был образован комитет ДРИ в Тарту. Кроме нее в правлении комитета состояли профессор И. М. Тютрюмов (вице-председатель), Г. П. Козырев (секретарь), П. П. Зубов (казначей) и Н. П. Эдельгауз [Козырев 1926а]. Под руководством Н. Куликовой комитет ДРИ был образован и в Азери. В его состав вошли И. А. Дор-Бек, В. В. Лытиков, И. К. Урусов и А. И. Леонтьев [Куликова 1926]. Комитеты ДРИ существовали также в Кохтла-Ярве [Кохтла-Ярве 1927], Кютте-Йыу [К-вич 1927], Пярну [День русского инвалида 1927] и, вероятно, в Печорском крае.

Самым активным из местных комитетов оказался тартуский. На фоне всеобщей подготовительной работы по устройству первого в Эстонии Дня русского инвалида тартуский комитет самым первым начал серию мероприятий по сбору средств. Первым таким мероприятием стал организованный 6 сентября 1926 г. в женском клубе «Уют» под председательством Т. Н. Шмидт чай в пользу инвалидов [«День русского инвалида» 1926б]. 12 сентября в Русском общественном собрании состоялся торжественный акт ДРИ, на котором после вступительного слова профессора И. М. Тютрюмова с сообщением «Россия в Великой войне и русские

инвалиды» выступил П. П. Зубов, С. В. Штейн прочитал лекцию на тему «Война в творчестве русских писателей», Б. В. Правдин продекламировал ряд своих стихотворений [Штейн 1926]. 19 сентября в Успенском соборе был отслужен молебен по инвалидам, а вечером в помещении «Бюргермуссе» устроены концерт и лотерея. При поддержке председателя тартуского Русского общественного собрания В. Б. Булгарина был также устроен чай для инвалидов [Штейн 1926; Козырев 1926б]. Помимо этого 7 ноября профессором М. А. Курчинским был прочитан ряд лекций. Выручка от продажи билетов на эти лекции была передана комитету ДРИ на нужды инвалидов [Объявление 1926е]. В общем тартуским комитетом ДРИ в 1926 г. было собрано 120 тысяч марок, из этой суммы 62 тысячи были посланы таллиннскому центральному комитету, остальные 58 тысяч израсходованы на местных инвалидов, в частности на покупку протеза инвалиду Золотникову [Козырев 1927].

8 сентября состоялось заседание Центрального комитета ДРИ под председательством Баиова, на котором была высоко оценена работа местных комитетов ДРИ, особенно в Тарту, Нарве и Азери. Также было решено, что намечаемый праздник ДРИ состоится по всей Эстонии в разные сроки. В отношении сроков проведения ДРИ в Таллинне решения принято не было [Хроника 1926г]. На следующем собрании день празднования ДРИ в Таллинне был отложен до 3 октября [Хроника 1926д]. Однако и эта дата была перенесена [Хроника 1926е]. Лишь на третьем заседании центрального комитета 7 октября удалось окончательно определить, что ДРИ в Таллинне состоится 24 октября в Клубе Черноголовых [«День русского инвалида» 1926в].

Праздник ДРИ, состоявшийся 24 октября, был широко освещен в прессе. Так, сообщалось, что после богослужения был устроен концерт-бал, отмечалось также, что от имени президента Эстонской республики на праздник прибыл его адъютант — лейтенант Шиллер. Далее подробно излагалась программа концерта. Особенно подчеркивался неоценимый вклад генерала Баиова и его ближайших соратников в процесс подготовки и проведения праздника [А. 1926в]. 30 октября был устроен благотворительный вечер в пользу русских инвалидов обществом «Гусли». Билеты на концерт продавались в магазине Баиова «Русская книга» [Объявление 1926г]. В начале ноября 1926 г. в русских газетах от имени комитета ДРИ и персонально от его председателя Баиова была выражена благодарность всем участникам прошедшего в Таллинне торжества, а также был представлен отчет о собранных средствах, согласно которому общий доход составил 104 445 марок [От Центрального комитета ДРИ 1926; Баиов 1926в]. 4 декабря Баиов предоставил отчет о том, как эта сумма была распределена между местными комитетами ДРИ [Баиов 1926д].

15 сентября 1927 г. появилось объявление об очередном празднике ДРИ, который, как там отмечалось, «уже входит в традицию». Хотя во всем мире этот праздник отмечался весной, в Эстонии было решено его проводить в первое воскресенье после 20-го октября, «чтобы не отвлекать средств от устраиваемого весной «Дня эстонского инвалида» [День русского инвалида 1927]. Таким образом, в 1927 г. ДРИ был устроен 23 октября в клубе Черноголовых, на котором с приветственной речью выступил Баиов [Г. Д. 1927]. Как и в прошлом году, комитет ДРИ организовал благотворительный вечер [Концерт ДРИ 1927]. В газетной публикации, посвященной этому событию, отмечалось, что мероприятие прошло успешно и что даже откликнулись представители немецкой общины города Таллинна [А. Б. 1927].

В целях поддержания интереса к своей акции организаторы ДРИ стремились программу торжеств сделать более разнообразной, поэтому наряду с традиционными

лотереями, танцами с музыкальной программой, вечерами под названием «чашка чая» или «five o'clock» устраивались специальные тематические вечера. По замыслу Баиова, таким тематическим подходом должен был отличался благотворительный вечер ДРИ в 1928 г. Предполагалось, что праздник будет выдержан в стиле эпохи Петра I и те, кто примут участие в «Ассамблее», — именно так автор предлагал назвать праздник, — «узнают как выглядел Питер 200 лет назад, какой вид имел Ревель в первой половине XVIII в.» [Баиов 1928; Бал в пользу русских инвалидов 1928]. Дата мероприятия несколько раз откладывалась и осталось неизвестным состоялось ли оно, так как в прессе этот факт не был отражен. Тематический принцип был реализован в последние три года существования ДРИ в Эстонии: в 1937 г. — под названием «Парижские вечера» («Чай-коктейль» 1937), в 1938 г. — «Бал в старом Петербурге» [835 кр. 1938], в 1939 г. — «Тысяча и одна ночь» [«Чашка чаю» 1939]. Трижды комитет ДРИ устраивал закрытые балы по случаю пятилетнего и десятилетнего юбилеев [«Русский бал» 1930; Объявление 1931б; Объявление 1936].

Кроме упомянутых мероприятий комитета ДРИ в Эстонии стоит отметить осуществленный им в ноябре 1930 г. выпуск единственного номера военно-литературной газеты «Ревельский русский инвалид». Выпуск газеты был приурочен к 200-летию со дня рождения великого русского полководца А. В. Суворова. Большая часть номера состояла из публикаций Баиова («Русский бал», «Сколько руских инвалидов зарубежом, где и как они живут», «Мог ли Суворов считаться инвалидом?», «Инвалиды на Шипке», «Суворов по его изречениям», «Суворов по отзывам своих и чужих»). Среди других публикаций были статья А. Е. Вандама «При недостатке снарядов», очерк А. Е. Кудрявцева «Страничка из жизни Александровского комитета», выдержка из воспоминаний Э. А. Верцинского «Из Мировой войны. Боевые записки и воспоминания командира полка и офицера Генерального штаба», статья профессора Н. Пушина «Газы в будущей войне» и стихотворения Н. Вандам, Н. Лучова, К. Сумского и Н. Кашталинской. Статья «Русский бал» была посвящена пятому по счету празднику ДРИ в Эстонии и представляла собой некоторый отчет о проделанной работе. Весьма примечательно начало статьи, где подчеркивалось, что комитет ДРИ «никому не подчинен кроме законов Эстонской республики и морально — русскому обществу» [«Русский бал» 1930]. В статье также говорилось о задачах комитета, связанных с помощью инвалидам и их семьям. В частности отмечалось, что за время своего пятилетнего существования комитет собрал около 13 800 эстонских крон, из которых 6 250 крон было передано Союзу русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии; приблизительно 4 400 крон было потрачено комитетом непосредственно на инвалидов.

По всей видимости, с момента образования комитета ДРИ в Эстонии в среде русской общественности все чаще стали возникать сомнения в рациональности существования нескольких организаций с идентичными целями. Помимо комитета ДРИ и Союза русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии помощью русским военным инвалидам занималось также благотворительное общество «Белый Крест». Поэтому Баиову пришлось давать некоторые разъяснения. В заметке «Призыв», приуроченной ко второму празднику ДРИ, Баиов подчеркивал, отличие своей организации от общества «Белый Крест», которое заключалось, в том, что названное общество «не может считаться специально инвалидной организацией», так как оно удовлетворяло нужды исключительно воинов-инвалидов бывшей Северо-Западной армии [Баиов 1927д].

В сущности во всех странах Русского Зарубежья комитеты ДРИ представляли собой подсобные организации местных союзов инвалидов. В задачи комитета входила организация раз в год Дня русского инвалида с целью привлечения дополнительных средств в кассу союза. К 1926 г. единственным таким союзом в Эстонии являлся Союз русских увечных воинов в Нарве. Комитет ДРИ в Эстонии изначально создавался как отдельная организация с центром в Таллинне и отделами по стране. Для того, чтобы избежать непосредственной зависимости и подотчетности, по инициативе Баиова в октябре того же года был открыт таллиннский отдел союза, с появлением которого существование центрального комитета ДРИ в Таллинне было формально обосновано. Однако фактически таллиннские отдел союза и комитет ДРИ все-таки должны были подчиняться нарвскому центру, что, несомненно, ни Баиова, ни его окружение не могло устраивать. Поэтому в 1929 г. комитет ДРИ был зарегистрирован как самостоятельная организация [РНМЭР 2001, 106], а отчет таллиннского отдела союза о проведении ДРИ был представлен Баиовым непосредственно в Париж [Собрание русск. Инвалидов 1930]. Впрочем, из отчета ревизионной комиссии за 1930 г. следовало, что некоторые суммы комитетом все-таки были перечислены Союзу русских увечных воинов, правда скорее всего имелся в виду его таллиннский отдел [Комитет 1931; О деятельности комитета 1931]. С момента образования летом 1931 г. Союза русских военных инвалидов в Эстонии комитет ДРИ окончательно обособился и утратил связь с Союзом русских увечных воинов.

После смерти Баиова комитет ДРИ возглавил полковник А. Е. Кудрявцев, служивший до революции делопроизводителем канцелярии Александровского комитета о раненых — главного государственного инвалидного учреждения Российской империи. Среди проживавших в Эстонии бывших военнослужащих российской армии и флота А. Е. Кудрявцев был единственным специалистом, имевшим, так сказать, за плечами такого рода опыт работы в сфере организации помощи инвалидам. Поэтому более чем очевидным представляется, что и в период председательства в комитете ДРИ Баиова реально всеми делами заведовал А. Е. Кудрявцев, являвшийся его заместителем. С 1935 по 1940 гг. заместителем Кудрявцева был генерал Э. А. Верцинский, возглавлявший после смерти Баиова Союз русских военных инвалидов в Эстонии. Председателем ревизионной комисии комитета был генерал А. О. Штубендорф, секретарем — штаб-ротмистр А. В. Ефремов, казначеем — полковник В. К. Шенк. Как видно, состав руководства свидетельствовал о том, что комитет, несомненно, представлял собой одно из подразделений РОВС'а в Эстонии и осуществлял в рамках своей деятельности работу союза, которая, к примеру, проявлялась в строгом отборе инвалидов по принципу «благонадежности» и их соответсвующей идеологической обработке.

Член комитета ДРИ А. В. Ефремов на следствии рассказывал, что «при обсуждении присуждения пособия какому-либо инвалиду из солдат, главную роль для назначения этого пособия играло не его фактическое материальное положение и его инвалидность, а его «политическая благонадежность». Справки об этой благонадежности собирались А. Е. Кудрявцевым, и только в случае «благоприятных» отзывов бывшему солдату назначалось пособие. Причем каждый раз при вручении этого пособия Кудрявцев читал «облагодетельсвованному» инвалиду соответствующее внушение. «Приговор» же, что такой-то <есть> большевик или «большевиствующий», лишал солдата, хотя бы он и был инвалидом, права на пособие из Комитета» [ФГАЭ 130: 11566, II, 11–12]. Даже, принимая во внимание

специфику следственного дела НКВД как источника, нет особых оснований сомневаться в том, что подобная практика существовала в комитете ДРИ.

За 10 лет своего существования комитет роздал пособий на 17 479 крон [Помогите русским инвалидам 1936], а к концу 1939 г. на его попечении находилось около 30 инвалидов Русско-турецкой, Русско-японской и Мировой войн, проживавших по всей Эстонии [«Чашка чаю» 1939]. Несомненно, что за период своего существования комитет ДРИ помог очень многим инвалидам, но также стоит учитывать и тот факт, что средства комитета, которые согласно уставу, могли быть использованы исключительно на нужды инвалидов и их семей, не всегда использовались по их целевому назначению. Например, известно, что ежегодно комитет через Б. В. Энгельгардта пересылал определенные суммы вдове генерала П. Н. Врангеля О. М. Врангель. Эта сумма обычно скрывалась в кассовой книге комитета под графой «расходы, связанные с составлением годового отчета» [ФГАЭ 130: 11566, II, 11]. Так же вопреки уставу весной 1940 г. комитетом было выделено из своих средств 30 крон на сооружение памятника на могиле А. К. Баиова [ФГАЭ 130: 11566, II, 10].

К сожалению, мы не можем воссоздать историю деятельности комитета ДРИ в Эстонии в полном объеме, так как, вероятно, весь его архив погиб безвозвратно. Часть документов, относящихся к деятельности комитета с 1926 по 1935 гг. была уничтожена А. Е. Кудрявцевым в 1940 г. из-за боязни того, что архив попадет в руки НКВД и послужит компроматом для многих членов комитета [ФГАЭ 130: 11566, II, 14–16]. Многие документы, которые могли бы пролить свет на некоторые страницы истории комитета времен председательствования Баиова погибли вместе с личным архивом А. К. Баиова во время пожара в 1944 г., возникшего в результате бомбардировки Таллинна советской авиацией [Tallinn tules 1997, 138; Исаков 2001, 12].

6.3. Союз русских военных инвалидов в Эстонии

12 июня 1931 г. был зарегистрирован Союз русских военных инвалидов в Эстонии. В уставе Союза было сказано, что его целью является «улучшение экономического и нравственного благосостояния русских военных инвалидов и их семей» [Устав СРВИЭ 1931, 3]. Для достижения поставленной цели Союзом планировалось открытие отделов по всей Эстонии, а также объединение с другими подобными учреждениями. В плане поддержки инвалидов и их семей предполагалось выплачивать пособия, пенсии, обеспечивать правовую и медицинскую помощь, а также предоставлять возможность для заработка. Планировалась организация санаториев, мастерских, общеобразовательных и специальных курсов. Считался также необходимым сбор статистических сведений об инвалидах. Союз имел свою печать, знамя и специальный нагрудный знак [Устав СРВИЭ 1931, 3–4]. Помимо осуществления благотворительных акций, в целях пополнения денежных средств взимались членские взносы [Устав СРВИЭ 1931, 7].

Учредительное собрание Союза состоялось 5 июля 1931 г. в помещении таллиннского Русского клуба, и на нем присутствовало около 60 человек.

Председателем единогласно был избран А. К. Баиов, членами правления — Э. А. Верцинский, П. А. Ваганов, Б. А. Штакельберг, Я. М. Корецкий и Ильин. На этом же заседании был открыт Ревельский отдел Союза, в правление которого вошли А. Е. Кудрявцев, С. А. Самсониевский, С. Н. Ивков, Писарев и А. А. Радивинович. Последний стал председателем отдела [Новицкий 1931].

Несомненно, что, учреждая новое объединение, А. К. Баиов и его сторонники ставили перед собой вполне определенную цель — подчинить себе деятельность организованного ранее Союза русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии, который находился под патронажем О. П. Васильковского. По своей сути Союз русских военных инвалидов в Эстонии фактически дублировал его. Отличие заключалось лишь в том, что, если прежнее объединение было рассчитано на инвалидов-эмигрантов, то в новую организацию допускались и граждане Эстонской республики. Данный шаг был продиктован самой жизнью, так как к началу 1930-х гг. число эмигрантов в Эстонии значительно уменьшилось. Многие к тому времени умерли или же покинули страну, другие приняли эстонское гражданство. Продолжать развивать свою деятельность исключительно среди неграждан было уже неактуально. Ко всему прочему, этот отличительный пункт устава нового союза, без сомнения, должен был продемонстрировать его большую открытость и демократизм, а также лишний раз показать свою лояльность по отношению к эстонскому государству.

Организаторы Союза русских военных инвалидов планировали охватить своей деятельностью всю Эстонию, о чем свидетельствует факт открытия на первом же собрании союза его филиала — таллиннского отдела. Однако и до этого большинство русских военных, проживавших в Таллинне, было на стороне А. К. Баиова, открытие нового союза существенно ничего не меняло в расстановке сил. В провинции дела обстояли иначе. Так, например, 29 ноября 1931 г. в Кютте-Йыу состоялся вечер в пользу таллиннского отдела союза, но об открытии там отдела ничего не известно [Вечер в пользу Союза 1931].

Более важной задачей представлялось открыть отдел союза в Нарве, где были сильны позиции О. П. Васильковского. Хотя предпринятая в 1930 г. попытка таллиннцев во главе с Б. В. Энгельгардтом саботировать избрание Васильковского председателем Союза русских увечных воинов-эмигрантов и провалилась, но в то же время она позволила выявить среди нарвитян ряд потенциальных сторонников. Одним из них являлся генерал В. И. Чижов, который принимал активное участие в создании и деятельности как Союза русских увечных воинов, так и Союза северо-западников, но постоянно оказывался не у дел. Именно он рьяно принялся за создание нарвского отдела Союза русских военных инвалидов.

Организационное собрание нарвского отдела союза состоялось 11 сентября 1931 г. в помещении Русского общественного собрания. Приглашения на собрание получили 30 человек, но из них пришли только четверо [Д. Г-в. 1931]. Несмотря на очевидный крах своего начинания, Чижов предпринял более энергичные шаги по сплочению единомышленников и через полтора месяца устроил новое собрание, которое оказалось более результативным.

27 октября 1931 г. в помещении общества «Святогор» состоялось второе собрание отдела. Председателем собрания единогласно был избран В. И. Чижов, секретарем — В. М. Якубов. Собравшимся были предложены следующие вопросы: 1) открытие в Нарве отдела Союза; 2) выборы членов правления отдела; 3) выборы членов ревизионной комиссии. После обсуждения собрание постановило: открыть нарвский отдел, избрать правление в составе 5 членов (3 действительных и 2

соревнователя) и ревизионную комиссию в составе 3 членов-соревнователей и одного кандидата. В результате тайного голосования в правление были избраны В. И. Чижов (председатель), Д. Н. Снитко (секретарь), П. Я. Пилюнов, П. А. Цур-Мюлен и Н. В. Цур-Мюлен, кандидатом — К. А. Кюн; в ревизионную комиссию — С. А. Байков, В. С. Еремеев и В. В. Чижов, заместителем — А. А. Герке [Нарвский отдел 1931].

Несмотря на то, что Чижов смог собрать необходимое для открытия отдела число членов, состав участников был все-таки невелик, поэтому создать серьезную конкуренцию Союзу русских увечных воинов отдел был не в состоянии. К тому же для простых нарвитян, из года в год жертвовавших суммы на нужды инвалидов, образование нового объединения неминуемо должно было восприниматься как явление пагубное и вредительское, превносящее лишь разлад и ненужный параллелизм в дело оказания помощи воинам-калекам. Именно по этим причинам как организационный ресурс, так и денежные сборы отдела были незначительны. В отличие от своих конкурентов, устраивавших благотворительные вечера с интересной и обширной программой при участии нарвских актеров театра, музыкантов и писателей, группа Чижова устраивала исключительно лотереи [Объявление 1931в; Благодарность 1932; Местная жизнь 1932; Лотерея инвалидов 1936].

В стремлении укрепить свои позиции нарвские сторонники Байова не упускали ни малейшего случая, чтобы дискредитировать своих соперников. Однако порой это заканчивалось конфузом, а обе противоборствующие стороны становились объектами откровенного мошенничества. Так, например, в декабре 1932 г., вероятно, Чижов опубликовал в газете заметку, в которой говорилось, что Союз северо-западников и Союз русских увечных воинов отказали в пособии инвалиду М. Гюненену, а нарвский отдел Союза военных инвалидов изыскал такую возможность [Эмигрант 1932]. В ходе развернувшейся на страницах газеты словесной перепалки стало ясно, что Гюненен, воспользовавшись отсутствием между союзами обмена информацией о выдаче денежных пособий, получил деньги с обеих сторон и скрылся [Разъяснение Союза 1932]. Видимо, этот случай послужил уроком для обеих сторон, так как уже через год при сборе средств на лечение ротмистру Б. А. Тишнеру их усилия были объединены, а в призыве о помощи В. И. Чижова указывалось, что денег, имеющихся у Союза русских увечных воинов, хватит только на две недели [Чижов 1933; Отчет 1933].

Примечательно, что нарвский отдел являлся также представителем Общества помощи бывшим русским военнослужащим в Нарве, занимаясь распространением и пропагандой устава общества [Объединение военнослужащих 1931], что еще раз подтверждает мысль о том, что организация и функционирование отдела представляли собой одно из проявлений раскола в среде русских военных на сторонников Баиова и Васильковского.

После смерти А. К. Баиова председателем Союза русских военных инвалидов в Эстонии стал Б. В. Энгельгардт [Бойков 2001а, 84]. Нарвский отдел союза, вероятно, продолжал существовать до конца 1930-х гг. и прекратил свою деятельность после переезда генерала Чижова в Кивиыли [ФГАЭ 129: 26756, 295].

6.4. Благотворительное общество «Белый крест»

Благотворительное общество «Белый крест» было основано в Таллинне на учредительном собрании, состоявшемся 18 октября 1920 г., и было первым из эмигрантских обществ в Эстонии, занимавшимся организацией помощи русским военным инвалидам. Председателем общества была избрана С. В. Келпш, ее заместителями — граф А. Н. Игнатьев и профессор И. М. Тютрюмов, в члены правления — А. А. Срезневская, Н. А. Калантарова, баронесса О. К. Гюне, Ф. И. Корсаков и С. И. Шидловский, в заместители членов правления — Н. И. Лебедева, И. П. Корсаков и С. М. Шиллинг [Деятельность комитета 1922][29]. Отделения общества были открыты в Нарве (представитель — Б. М. Севастьянов, затем — М. Д. Корнеев), в Тарту (представитель — Н. Н. Лавриновский, затем — В. Б. Булгарин), в Йыхви (представитель — Н. А. Майков), в Пярну (представитель — Е. М. Бенедиктович) и Вильянди (представитель — А. Э. Кряхт) [Бойков 2001, 55]. В 1924 г. В списках членов общества числилось 56 человек, причем некоторые из членов проживали за пределами Эстонии — в Польше, Германии и даже Японии [ГАЭ 1: 7: 28, 207–207об.].

Целью общества являлась помощь, в первую очередь, воинам бывшей Северо-западной армии, оказавшимся в сравнении с гражданскими беженцами в более затруднительном положении. После устройства первого благотворительного вечера, собравшего 160 тысяч марок, в пользу общества стали поступать пожертвования как от частных лиц, так и от разного рода организаций. На собранные деньги были приобретены материалы для изготовления белья. К середине марта 1921 г. членами общества на безвозмездной основе было изготовлено около 300 комплектов белья на сумму свыше 70 000 марок. В Тарту, Пярну, Йыхви, Печорах и другие места, где на лесных и торфяных заготовках работали артели северо-западников было разослано 1000 теплых фуфаек, 903 пары теплых перчаток, 330 метров сукна, 233 пары кальсон и 88 пар сапог [И. М. 1921].

Помимо помощи нуждающимся северо-западникам одеждой, бельем и обувью, «Белый крест» также выдавал единовременные денежные пособия на лечение больных воинов в государственных и частных госпиталях, клиниках и санаториях; оплачивал пошлину за получение паспортов и виз при отъезде эмигрантов из Эстонии. Всего к 1 июля 1930 г. на выплату единовременных денежных пособий обществом было израсходовано свыше 15 000 крон [Общество «Белый крест» 1930].

Отдельным пунктом деятельности общества стало открытие в феврале 1921 г. в Тарту патроната на 15 мест для инвалидов с действующей при нем сапожной мастерской. Сапожная мастерская, в которой работали инвалиды, была также открыта обществом и в Таллинне. В планах общества было открытие патронатов для инвалидов в Хаапсалу и Таллинне, но эту идею из-за нехватки средств так и не удалось реализовать. Существенная помощь обществом «Белый крест» оказывалась инвалидному дому в Нарве. В общей сложности в период с 1920 г. по 1926 г. в инвалидных домах Тарту и Нарвы находилось 115 инвалидов [З. Л. 1926].

С 1925 г. денежная помощь стала поступать от генерала Н. Н. Юденича, на пожертвования которого с 1926 г. стал полностью содержаться патронат для

[29] В 1930-е гг. состав правления общества несколько изменился. В 1931 г. вместо А. Н. Игнатьева пост заместителя председателя занимал генерал-от-кавалерии Н. Ф. фон Крузенштерн, на место секретаря была избрана О. А. Цейс, казначеем состоял полковник С. А. Медер, а членами правления — О. П. Бильбасова, профессор А. Я. Поппен и доктор С. З. Цералов [Бойков 2001: 54–55]. В середине 1930-х гг. председателем общества стал А. В. Бельгард [Шор 2001: 103].

инвалидов в Тарту [З. Л. 1926]. Однако пожертвований и средств, добываемых обществом, год от года становилось недостаточно для широкой помощи нуждавшимся. К 1936 г. положение стало совсем критическим, — обществу уже с трудом удавалось содержать тартуский патронат [А. С. 1936]. В результате 7 декабря 1939 г. был подписан акт о передаче патроната Тартускому русскому благотворительному обществу [ИАЭ 2098: 1: 71, 41]. С этого момента деятельность общества «Белый крест» ограничивалась только работой таллиннского комитета [Бойков 2001, 55] и была прервана установлением советской власти в Эстонии в 1940 г., когда общество было ликвидировано в числе первых [Шор 2001: 103].

§ 7. Союз взаимопомощи чинов бывшей Северо-Западной армии и русских эмигрантов в Эстонии

История Союза взаимопомощи чинов бывшей Северо-Западной армии и русских эмигрантов в Эстонии в общих чертах изложена в статьях В. А. Бойкова [Бойков 2004а, 96–108; Бойков 2004б, 149–178], однако, в целях воссоздания более общей картины деятельности этого союза необходимо дополнить имеющиеся работы по этому вопросу новыми материалами.

Итак, согласно данным В. А. Бойкова, союз начал создаваться в конце 1930 г. инициативной группой бывших северо-западников, в которую входили Б. Б. Ваббуль, Д. А. Гаврилов, П. А. Горбовский, Н. С. Дулов, С. А. Кудрявцев, Т. Г. Кутковский, П. Н. Максимов и Н. Н. Подмошенский [Бойков 2004а, 98]. На эту дату указывали в своих показаниях органам НКВД сами организаторы союза [Бойков 2004а, 105; Бойков 2004б, 156, 165]. Действительно, в русской прессе за 1930 г. сообщалось, что организационное собрание Союза взаимопомощи чинов бывшей Северо-Западной армии и русских эмигрантов в Эстонии состоялось 21 декабря 1930 г. в помещении общества «Святогор». На этом собрании был заслушан и утвержден устав и избрано правление союза. В состав правления были избраны О. П. Васильковский (председатель), П. Н. Максимов, А. И. Иванов, П. А. Горбовский и Б. Б. Ваббуль, в заместители — Н. Н. Подмошенский и С. С. Сергеев. В ревизионную комиссию вошли К. В. Новгородский, Н. С. Дулов, Д. А. Гаврилов, в заместители был избран Н. Гордеев. Из пришедших на организационное собрание в члены союза зарегистрировалось 38 человек [Собрание 1930б].

Именно на это событие, как на основополагающий момент в истории союза, указывали на следствии самые активные его члены. Однако надо учитывать тот факт, что эти свидетельства относятся к 1940 г. и даже 1947 г., то есть по прошествии достаточно большого количества времени с момента основания союза. В данном случае мы имеем дело как с явной ошибкой памяти участников тех событий, так и с намеренным игнорированием отдельных фактов предыстории союза, так как в соответствии с данными русской периодики тех лет, одно из первых собраний по организации союза состоялось 12 декабря 1929 г. в нарвском Русском общественном собрании. На встрече предполагалось обсудить вопросы, связанные с организационными проблемами образования союза, с созданием кассы

взаимопомощи для членов союза; в планах также значилось формирование комиссии по разработке специального нагрудного значка и выборы распорядительного комитета по устройству торжественного обеда в честь открытия союза [Собрание 1929а]. Из всего комплекса вопросов, предложенных для обсуждения на собрании, на котором присутсвовало около 80 человек, нам известно только о решении по одному из них, а именно: о создании комиссии по составлению устава союза, в состав которой вошли В. И. Чижов, В. М. Якубов, М. И. Ромишовский, П. Н. Максимов и А. Е. Осипов [Собрание 1929б; Объединение чинов 1929].

Следующее собрание состоялось 7 февраля 1930 г. по сравнению с декабрьским собранием пришедших было меньше, из состава комиссии по составлению устава союза присутствовали три человека из пяти, поэтому было решено отложить рассмотрение устава на 23 февраля. Собравшимся было сообщено, что в Таллинне тоже образовалась инициативная группа по созданию союза. В конце, вероятно, непродолжительного собрания организаторам нового союза был задан вопрос: не повредит ли создание нового объединения деятельности Союза русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии? На что были получены заверения со стороны секретаря союза П. Н. Максимова, о том, что нет никаких оснований для подобного рода опасений [Вниманию бывш. Северо-западников 1930; Собрание 1930а].

Остается неизвестным, состоялось ли 23 февраля собрание союза, так как нами не обнаружено никакой информации об этом ни на страницах газет, ни в архивных материалах. По всей видимости, собрание все-таки состоялось, потому что, во-первых, о его проведении было сообщено в газете еще раз за три дня до намеченного срока [Общество помощи 1930], во-вторых, с полной уверенностью стоит предположить, что, по крайней мере, организаторы предыдущих собраний, хотя бы и в неполном составе, но должны были появиться. Вероятнее всего, собрание посчитали несостоявшимся по причине малого числа собравшихся, и дело по организации нового союза было отложено на неопределенный срок.

Таким образом, в истории союза оказался совсем не учтенным факт проведения как минимум двух организационных собраний 12 декабря 1929 г. и 7 февраля 1930 г. Отличительной чертой этих мероприятий по созданию союза было то, что из числа организаторов союза декабря 1930 г. в составе инициативной группы этого периода мы встречаем лишь фамилию П. Н. Максимова, не говоря уже о том, что главным инициатором был не О. П. Васильковский или П. А. Горбовский [Бойков 2004а, 98], а В. И. Чижов, председательствоваший на собраниях декабря 1929 – февраля 1930 гг.

Точно не ясно по каким причинам, но известно, что уже с 1927 г. между генералом В. И. Чижовым и руководством Союза русских увечных воинов-эмигрантов установились достаточно натянутые отношения. В 1927 г. В. И. Чижов сложил с себя полномочия председателя ревизионной комиссии союза, а через год вовсе вышел из союза [Чижов 1930]. Будучи, несомненно, деятельным человеком, Чижов нуждался в активном приложении своих сил и способностей, поэтому он принял самое непосредственное участие в организации нового союза. Однако энтузиазм первого собрания декабря 1929 г., вызвавшего оживленный интерес у бывших чинов Северо-Западной армии, уже к следующему собранию в феврале 1930 г. по необъяснимым причинам исчез, и инициатива В. И. Чижова осталась нереализованной. Во многом объяснение этому заключалось в том, что Чижов не обладал достаточным авторитетом среди большинства русских военных, проживавших в Нарве, а после его демонстративного выхода из Союза русских увечных воинов он и вовсе стал в их среде изгоем. Поэтому на учредительном собрании союза в декабре 1930 г., когда председателем союза был единогласно

избран О. П. Васильковский, единственный, кто высказался против был именно В. И. Чижов, заявивший, что в председатели союза следует выбирать человека, живущего в Нарве, а не со стороны [Собрание бывш. Чинов 1930]. Однако его протест был оставлен без какого-либо внимания.

После неудачных попыток зимы 1929/1930 гг., по версии организаторов союза, события развивались следующим образом. Со слов П. А. Горбовского, в 1930 г. — по нашему предположению, в начале осени, — он получил от О. П. Васильковского письмо, в котором приглашал его и С. А. Кудрявцева к себе в Таллинн для серьезного разговора. В Таллинне Васильковский сообщил прибывшим, что из Парижа от генерала П. Н. Шатилова поступило распоряжение об объединении всех бывших участников Северо-Западной армии и вообще всей русской эмиграции в Эстонии в одну организацию, «чтобы на случай интервенции против СССР у нас были готовые сформированные кадры». Со своей стороны Шатилов и Васильковский обещали финансовую помощь. После возвращения в Нарву П. А. Горбовский и С. А. Кудрявцев собрали группу, в которую входили Т. Г. Кутковский, Н. С. Дулов, Н. Д. Гужавин, Б. Б. Ваббуль, П. Н. Максимов и Н. Н. Подмошенский, и сообщили им содержание своего разговора с Васильковским. Всеми присутствовавшими на этом собрании идея создания организации была одобрена, и они приступили к работе по регистрации союза и агитации новых членов [ФГАЭ 130: 6122, 32–33].

При посредничестве помощника нотариуса Трейнберга Горбовским было составлено прошение о разрешении на организацию союза, отправленное в министерство внутренних дел, но в скором времени прошение было возвращено обратно с требованием приложить к прошению устав союза. Для составления устава была создана специальная комиссия, в которую вошли Т. Г. Кутковский, С. С. Сергеев и А. И. Иванов [ФГАЭ 130: 6122, 33]. В министерстве устав был одобрен, и 15 ноября 1930 г. по решению министра юстиции и внутренних дел «Союз взаимного вспомоществования лиц, принимавших участие в бывшей Северо-Западной армии и русских эмигрантов в Эстонии» был внесен в регистр союзов и обществ [Союз 1931, 23]. В числе учредителей союза значились имена П. А. Горбовского, С. А. Кудрявцева, Т. Г. Кутковского, Н. С. Дулова, С. С. Сергеева, П. Н. Максимова и Н. Н. Подмошенского [Союз 1931, 21]. По уставу союза, его действительными членами могли быть все участники Северо-Западной армии всех национальностей и любого подданства, а также все русские эмигранты. В члены-соревнователи могли быть приняты все лица, не состоявшие в Северо-Западной армии и неэмигранты, уплатившие сумму в размере от пяти до десяти крон, или лица, оказавшие определенные услуги союзу [Союз 1931, 2].

Далее, как уже говорилось выше, 21 декабря 1930 г. в Нарве состоялось организационное собрание, на котором был оглашен и одобрен устав и избрано правление союза во главе с О. П. Васильковским [Собрание бывш. Чинов 1930]. Таким образом, союз официально начал свою деятельность.

В этой истории организации союза есть весьма интересные моменты, на которые никто из исследователей до сих пор не обратил внимание. Прежде всего, достаточно странным может показаться то, что директива по организации союза поступила от генерала П. Н. Шатилова, хотя теперь мы уже знаем, что первая инициатива по созданию союза исходила от местных северо-западников, которые еще в конце 1929 г. предприняли ряд действий для объединения. Более понятным и поддающимся логическому объяснению было если бы указание об организации союза поступило от генерала А. А. фон Лампе, являвшегося начальником 2-го отдела РОВС'а, в чью юрисдикцию входила Эстония. Однако участие Шатилова в создании

союза может показаться странным только на первый взгляд, при более детальном рассмотрении, как нам кажется, оно как раз может пролить свет на многие темные места в истории союза.

Как известно, в начале 1930 г. произошла смена руководства РОВС'а. 26 января 1930 г. глава РОВС'а А. П. Кутепов был похищен в Париже агентами советской разведки и погиб. Новым председателем союза был назначен генерал Е. К. Миллер, реальная же оперативная работа союза была сосредоточена в руках генералов Ф. Ф. Абрамова, П. Н. Шатилова и адмирала М. А. Кедрова [Шкаренков 1986, 159]. Со сменой руководства РОВС'а произошли и кардинальные перемены в выборе сотрудников. Известно, что А. П. Кутепов с момента освобождения его от должности помощника генерала П. Н. Врангеля в 1924 г. и отбытием в распоряжение великого князя Николая Николаевича, стал постепенно интриговать против своего бывшего соратника и начальника, проводя непоследовательную и не отличающуюся особенной ясностью линию великого князя. История же с «Трестом», в которой Кутепов по крайней неосмотрительности и доверчивости имел несчастие принимать самое непосредственное участие, окончательно вбила клин между ним и группой Врангеля, в которую входил его близкий друг П. Н. Шатилов[30].

План создания Врангелем и Шатиловым альтернативной по отношению к группе Кутепова конспиративной организации для подрывной деятельности в СССР относится еще к середине 1927 г. По мнению Шатилова, «работа в России должна начинаться с самого начала» при обязательном отходе от нее «тех лиц и органов», коим она раньше поручалась». Эстонии в этих планах отводилась одна из ведущих ролей [Бортневский 1996, 66–67]. Однако ничему из задуманного в то время не суждено было осуществиться.

Можно предположить, что при организации нового союза его инициаторы в Эстонии стремились заручиться поддержкой со стороны высшего военного руководства в эмиграции. Неизвестно, было ли руководство РОВС'а проинформировано об организации союза северо-западников сразу после проведения первого собрания в декабре 1929 г. Опять же можно предположить, что такая информация в Париже имелась, так как, наверное, северо-западники из Эстонии оповестили о своих намерениях своих бывших соратников, которые к тому времени уже имели свое объединение в Париже во главе с полковником Ю. В. Бушеном [Зирин 2004, 115]. В свою очередь Союз северо-западников во Франции входил в 1-й отдел РОВС'а — начальником которого, кстати, был П. Н. Шатилов, — поэтому руководство последнего вполне могло быть в курсе событий.

Не вызывает сомнений то факт, что если бы союз северо-западников был организован по указанию Кутепова, то сценарий дальнейшего развития событий, вряд ли, мог устроить многих как среди организаторов союза в Эстонии, так и в Париже, поскольку Кутепов, без сомнения, поручил бы курирование работой союза начальнику РОВС'а в Эстонии генералу А. К. Баиову и его группе, с которыми Кутепов был связан непосредственно по разведывательной работе, а с Б. В. Энгельгардтом даже встречался лично в Риге в 1927 г. [Исаков 2005, 210].

Ситуация изменилась после исчезновения Кутепова и смены руководства РОВС'а. Трудно сказать, кто первым проявил инициативу — Шатилов или Васильковский, но, так или иначе, Шатилов воспользовался ситуацией и вновь вернулся к своему плану создания конспиративной организации для борьбы с СССР.

[30] О весьма непростых и запутанных отношениях между руководителями РОВС'а см.: Бортневский 1996, 9–86.

Как отмечалось выше, Шатилов предполагал создание такой организации, так сказать, с чистого листа, то есть без привлечения к сотрудничеству тех лиц, которые до этого были привлечены к работе в организации А. П. Кутепова, а такими были А. К. Баиов и его окружение. Поэтому Шатилов, несомненно, зная о ссоре и конфронтации между А. К. Баиовым и О. П. Васильковским, сделал ставку на последнего. В пользу кандидатуры Васильковского говорило и то, что с 1930 г. его авторитет и влияние среди русских военных в Эстонии значительно выросли после его избрания в мае председателем Союза русских увечных воинов [Собрание русск. Инвалидов 1930].

В свете всего сказанного становится ясным, что указание Шатилова об организации союза ни коим образом не являлось директивой РОВС'а, а носило характер личной инициативы. Именно поэтому союз северо-западников в Эстонии вплоть до момента его закрытия не входил в РОВС [ФГАЭ 129: 28966, 59].

Свою благотворительную деятельность союз начал уже в начале 1931 г. с проведения вечера, в программе которого была постановка пьесы Л. Иванова «Из любви к искусству» и исполнение музыкальных произведений С. В. Рахманинова, А. Т. Гречанинова, П. И. Чайковского и А. П. Бородина [На вечере 1931]. Однако в силу ряда причин деятельность союза, связанная со сбором средств на благотворительные нужды, широкого распространения не получила. К примеру, в 1931 г., кроме упомянутой благотворительной акции, союзом была организована и проведена только одна лотерея [Объявление 1931д].

Во-первых, одна из причин заключалась в том, что, несмотря на прописанные в уставе исключительно благотворительные цели союза, его руководство ставило перед собой совсем иные задачи. Со слов П. Н. Максимова, союз «должен был объединить всю русскую эмиграцию в Эстонии, созвать всеэмигрантский съезд, который должен был избрать управляющий орган, т. Е. Правление, опирающееся на всю военную и невоенную эмиграцию, и которое, в свою очередь, заменит комитет эмигрантов, до этого времени представляющий в Эстонии эмиграцию». После этого планировалось начать деятельность по подготовке к интервенции в СССР [ФГАЭ 129: 26756, 185]. Во-вторых, в 1931 г. после шумного скандала и раскола в Союзе русских увечных воинов, повлекших за собой образование новых организаций под руководством А. К. Баиова (Союз русских военных инвалидов в Эстонии и Общество помощи бывшим русским военнослужащим в Эстонии), делу благотворительности русских военных организаций в Эстонии был нанесен огромный ущерб, выразившийся прежде всего в потере определенного доверия среди постоянных жертвователей и меценатов.

Так или иначе, союзу в дальнейшем при устройстве благотворительных вечеров приходилось делать программу более разнообразной и привлекательной. Так, например, 16 апреля 1932 г. программа тематического концерта-бала «Вечер воспоминаний о России» включала в себя не только выступление нарвских артистов, но и И. Северянина [Вечер воспоминаний 1932]. В 1933 г. таллиннский отдел союза зазывал на свой вечер, приуроченный к масленице, бесплатными блинами и водкой [Объявление 1933а].

Основная же цель союза, как уже отмечалось выше, заключалась в установлении своего влияния на всю русскую эмиграцию в Эстонии. Для решения этой задачи требовалось открытие своих филиалов во всех городах и крупных населенных пунктах, где поживало русское население. Поэтому в начале 1932 г. в Таллинн и Тарту союзом были откомандированы его члены с целью открытия в этих городах отделений союза. В Таллинне первое время функции отдела союза, вероятно,

выполняло таллиннское отделение Союза русских увечных воинов под руководством В. С. Афанасьева. Однако, ввиду недовольства его руководством, было решено обратиться с предложением возглавить отделение к полковнику Р. В. Садовскому. С таким заданием к нему были отправлены П. А. Горбовский и С. А. Кудрявцев, но их миссия потерпела неудачу, так как Садовский отказался. Только после непосредственного обращения к нему с аналогичным предложением О. П. Васильковского, Садовский согласился возглавить филиал союза в Таллинне [ФГАЭ 129: 26759, 123], и в начале мая 1932 г. таллиннский отдел союза под руководством Садовского начал свою деятельность [Ревельский день 1932]. В правление отдела также вошли Г. Р. Ребане (секретарь), А. И. Чернов и В. С. Афанасьев [ФГАЭ 130: 6122, 33].

Надо полагать, что недовольство по поводу руководства В. С. Афанасьевым таллиннским отделом союза было не единственной причиной, почему состоялась его замена Р. В. Садовским. Еще одной из возможных причин, скорее всего, являлось то, что руководство союза, передавая управление таллиннским отделом Садовскому, надеялось тем самым перетянуть на свою сторону некоторое число сторонников А. К. Баиова, входивших в состав его объединений, ведь сам Садовский, хотя и не являлся активным членом Общества помощи бывшим русским военнослужащим в Эстонии, но все-таки как полковник и бывший командир Ревельского полка Северо-Западной армии имел определенный вес и значение в обществе.

С заданием по организации еще одного отдела в Тарту был командирован Н. Д. Гужавин [ФГАЭ 130: 6122, 33], и вслед за таллиннским отделом тартуский отдел союза был открыт в середине мая того же года [Юрьевская хроника 1932]. Его сначала возглавлял Молоненков, а затем А. Г. Депп [ФГАЭ 129: 26756, 313–314]. Кроме них в правление отдела входили Сперанский (секретарь) и А. А. Белоусов [ФГАЭ 129: 26756, 314; 130: 6122, 33]. Таким образом, география деятельности союза быстро расширялась, а число членов увеличивалось. В июле 1932 г. число членов союза уже доходило до 300 человек, и правление союза намеревалось открыть отделения в Печорах, Кивиыли, Азери и других местах. По достигнутой договоренности, в Нарве члены союза могли обращаться за юридической помощью к присяжному поверенному С. Д. Кленскому, за медицинской — к доктору А. И. Круглову. Наиболее нуждающиеся получали помощь бесплатно [В Союзе 1932]. К осени того же года новые отделы союза были открыты в Печорах и Пярну [Необходимо помочь 1932]. В Печорах председателем отдела был К. Д. Мерказин [Бойков 2004а, 101], а в Пярну — В. К. Видякин [ФГАЭ 129: 26756, 314; Бойков 2004а, 101]. В 1931 г. подотдел союза был также оганизован Ф. А. Дмитриевым в Турба [Бойков 2004а, 101].

12 марта 1933 г. в Нарве состоялось годовое собрание союза, на котором присутствовало 62 члена, в том числе представители таллиннского и тартуского отделов: от тартуского отдела на собрание прибыл его председатель Молоненков, от таллиннского отдела — председатель отдела Р. В. Садовский и А. В. Чернявский. На момент проведения собрания в союзе насчитывалось только в трех отделах 369 членов: 146 — в Нарве, 148 — в Таллинне и 75 — в Тарту [Годовое собрание Союза 1933]. Таким образом, собрание носило особый представительный характер и знаменовало собой определенный этап в истории союза, опыт первого подведения итогов.

Из финансового отчета за 1932 г. следовало, что приход союза за год составил только 509 крон 86 центов, расход — 396 крон 04 цента, ссуд было выдано на сумму 188 крон 50 центов, безвозвратных пособий — на 161 крон 60 центов; на 1 января

1933 г. остаток в кассе союза составлял 30 крон 41 цент [Общее собрание 1933]. Вывод, который можно сделать на основе этого отчета, заключается в том, что суммы, которыми оперировал союз в течении года, были ничтожно малыми, и в сравнении, например, со средним годовым оборотом Союза русских увечных воинов были в десять раз меньше.

На собрании было решено дополнить устав союза двумя параграфами о специальных значках союза и о праве открытия клуба и буфета с крепкими напитками. Разработка рисунка значка была поручена художнику-архитектору Н. В. Шевелеву [Общее собрание 1933; В Союзе 1933а]. Далее правлением союза было высказано недовольство деятельностью Комитета эмигрантов в Эстонии, поэтому большой интерес вызвал вопрос о необходимости созыва всеэстонского съезда русских эмигрантов для обсуждения проблем трудового и правового положения русских эмигрантов. Вопрос о созыве съезда всеми присутствующими был решен положительно, и для работы по его подготовке была избрана особая комиссия, в которую вошли Епифанов, А. И. Иванов, П. Н. Максимов, Л. Г. Захаров, П. И. Косов, Иванов-Борский, А. П. Бахмутский и С. Ф. Смирнов. По инициативе таллиннского отдела этой же комиссии была поручена разработка плана создания всеэстонского делового объединения русских эмигрантов, в состав которого вошли бы члены союза [Годовое собрание Союза 1933; Общее собрание 1933; Съезд 1933].

В конце собрания состоялись перевыборы правления и ревизионной комиссии союза. В состав нового правления вошли О. П. Васильковский (председатель), П. А. Горбовский (секретарь), Б. Б. Ваббуль, Н. Д. Гужавин, П. Е. Брюнин; заместители — Д. А. Гаврилов и С. Ф. Смирнов. В ревизионную комиссию были избраны А. В. Воинов, К. В. Новгородский и А. И. Иванов [Годовое собрание Союза 1933].

Решение собрания о создании альтернативной по отношению к Комитету эмигрантов организации почти сразу же после проведения собрания стало постепенно реализовываться. В конце марта безработные эмигранты через союз обратились в нарвское городское управление с прошением о разрешении организации артели. При союзе также предполагалось открыть курсы кройки и шитья для безработных женщин-эмигранток [Рабочая артель 1933]. В мае состоялось заседание специальной комиссии союза по организации съезда русских эмигрантов в Эстонии, на котором было решено собрать весь фактический материал о расселении русских эмигрантов в Эстонии, и установить с ними постоянную связь [В Союзе 1933б].

7 января 1934 г. состоялось собрание тартуского отделения союза, на котором присутствовало 70 человек. Темой обсуждения был только один вопрос: стоит ли союзу присоединяться в предвыборной кампании к движению участников Освободительной войны? Прения по этому вопросу были настолько оживленными, что председателю собрания А. Фадееву с трудом удалось успокоить собравшихся. Многие высказывались против присоединения, мотивируя это тем, что союз по уставу стоит вне политики. В конце концов было решено выбрать двух уполномоченных для выяснения условий возможности такого присоединения, а также его возможных результатов. После выяснения этих обстоятельств планировалось созвать общее собрание, которое и примет по этому вопросу окончательное решение [М. С. 1934]. Вероятно, этому же вопросу было посвящено общее чрезвычайное собрание таллиннского отдела, состоявшееся 18 февраля 1934 г. [Объявление 1934]. Однако после событий 12 марта 1934 г. эта проблема, конечно же, перестала быть актуальной.

Годовое собрание союза, состоявшееся 25 февраля 1934 г. в Нарве, собрало более 50-ти человек. От таллиннского отдела присутствовал А. И. Чернов, выступивший с докладом о деятельности отдела. Из доклада центрального правления следовало, что всего в союзе к текущему моменту состояло около 540 членов, из них 220 человек проживало в Нарве, столько же в Таллинне и 100 — в Тарту. В финансовом отчете опять были отражены весьма незначительные суммы: от проведения лотерей и благотворительных вечеров в 1933 г. в кассу союза поступило 293 кроны 57 центов; сумма вступительных взносов составила 22 кроны 75 центов, членских — 68 крон, пожертвований — 47 крон 75 центов. После недолгого обсуждения было решено вопрос о дополнениях к уставу, касающихся значка союза и права на открытие заведения с крепкими напитками, из-за отсутствия средств временно отложить. После перевыборов правления его состав выглядел следующим образом: О. П. Васильковский (председатель), П. А. Горбовский (секретарь), Н. Д. Гужавин, С. А. Кудрявцев, Н. С. Дулов; заместители — С. Ф. Смирнов и А. В. Воинов. В ревизионную комиссию были избраны К. В. Новгородский, А. И. Иванов, А. П. Бахмутский и заместитель — П. И. Косов [В Союзе 1934].

В общем по своему содержанию собрание союза было достаточно традиционным. Особенностью этого собрания было то, что на нем присутствовал генерал Н. В. Скоблин, приехавший в Нарву вместе со своей женой, известной певицей Н. В. Плевицкой и генералом О. П. Васильковским. Решением правления Скоблин с супругой, а также генералы А. А. фон Лампе и П. Н. Шатилов, были приняты в число почетных членов союза, что, скорее всего, означало, что с их стороны были сделаны значительные пожертвования в пользу союза [В Союзе 1934]. После собрания Н. В. Скоблин провел совещание с членами правления союза [Бойков 2004а, 102]. О чем шла речь на этом совещании нам не известно, но то, что после этого посещения союза Скоблиным, завербованным большевиками еще в 1930 г. [Волков 2003а, 524], органы советской разведки были очень хорошо проинформированы о всех сторонах деятельности союза, сомнений не вызывает.

Визит Н. В. Скоблина в Эстонию сыграл роковую роль в истории союза еще и потому, что после общения со Скоблиным в мировоззрении О. П. Васильковского произошли невероятные перемены. Во время посещения Васильковским Франции в том же году, он встретился с руководством РОВС'а в лице генералов Е. К. Миллера и П. Н. Шатилова, и предложил им признать СССР и отказаться от дальнейшей борьбы с ним. Осторожный и предусмотрительный Шатилов уклонился от прямого ответа, но, несомненно, посчитал выходку Васильковского откровенной провокацией. После возвращения из Франции Васильковский обратился с тем же предложением к Б. В. Энгельгардту, Р. В. Садовскому, В. К. Видякину и А. В. Чернявскому. Стоит ли удивляться, что все упомянутые лица категорически не приняли такого рода предложение, и на следующий день в письменной форме выразили свое осуждение Васильковского [ФГАЭ 129: 28966, 59].

Последствия поступка Васильковского проявились уже на следующем общем собрании союза, состоявшемся в Нарве 3 марта 1935 г. Собрание было весьма многолюдным: присутствовало 84 человека, в том числе представители отделов из Таллинна (Р. В. Садовский, В. В. Стрекопытов, Г. Р. Ребане) и Тарту. Согласно отчету правления, в списках союза состояло около 700 членов: 245 — в Нарве, 313 — в Таллинне и 120 — в Тарту. В 1934 г. наиболее нуждавшимся членам (12 человек) союзом было выдано белье, верхняя одежда и обувь, а к большим праздникам — мука и сахар.

После доклада правления слово взял представитель таллиннского отдела В. В. Стрекопытов и заявил, что этот доклад носит чисто «нарвский характер» и совершенно не касается деятельности отделов. На что Н. Н. Подмошенский, А. И. Иванов и П. А. Горбовский дружно ответили, что отделы сами не нашли нужным представить свои доклады. В. В. Чижов, Г. Панов и Г. Р. Ребане поддержали Стрекопытова, а Р. В. Садовский выступил с критикой всего доклада в целом. Секретарь таллиннского отдела Г. Р. Ребане выступил с докладом о деятельности своего отдела, в котором говорилось, что с 17 июня 1934 г. по 1 марта 1935 г. отделом выдано ссуд 22 членам (352 кроны) и пособий — 47 членам (258 кроны 75 центов). На данный момент на счету отдела оставалось 392 кроны 40 центов. Членские взносы сдало 106 членов отдела.

Далее собрание перешло к обсуждению сметы на 1935 г. Слово взял опять В. В. Стрекопытов, обвинив центральное правление союза в том, что оно не считается с интересами отделов. Из-за резкости тона его выступления он был лишен голоса. Однако это не остановило остальных представителей таллиннского отдела, которые в своих выступлениях стали резко критиковать деятельность правления и настаивали, чтобы при выборах нового правления два места были бы предоставлены таллиннскому отделу, два — нарвскому и одно — тартускому. Это предложение подавляющим большинством голосов было отклонено. П. А. Горбовский предложил устраивать заседания центрального правления союза с участием по одному представителю от всех отделов, наделенных правом голоса. На это предложение делегаты от таллиннского и тартуского отделов ответили отказом, после чего таллиннцы демонстративно покинули собрание. Несмотря на их отсутствие, перевыборы правления состоялись и его состав существенно не отличался от предыдущего: О. П. Васильковский (председатель), П. А. Горбовский (секретарь), С. А. Кудрявцев, Н. С. Дулов, Н. Д. Гужавин и заместители — С. Ф. Смирнов и Н. Н. Подмошенский; в ревизионную комиссию вошли А. П. Бахмутский, А. И. Иванов, К. В. Новгородский и заместитель — П. И. Косов [Собрание членов Союза 1935; Собрание бывших участников 1935; Письмо в редакцию 1935].

Через некоторое время таллиннцы высказали протест по поводу нахождения центрального правления в Нарве, а не в Таллинне, где, по их мнению, члены союза «чином выше». В результате ими было выдвинуто предложение об отделении от нарвского центра и создании собственной организации. С этим предложением они обратились к тартускому отделу, члены которого в начале апреля созвали экстренное собрание и решили отклонить инициативу таллиннцев. В целях единства союза тартусцы посчитали целесообразным продолжить работу в контакте с центром [В Союзе 1935].

Впрочем и среди таллиннцев не наблюдалось единства. К концу года северо-западники, проживавшие в пригороде Таллинна Нымме, отделились от таллиннцев и открыли свой отдел. В результате из таллиннского отдела в нымметский перешло 38 человек, а число членов первого в общем сократилось с 350 человек до 220 [Пока 1936]. Уже первые благотворительные акции отдела имели большой успех у публики [Таллиннский день 1935], и руководство отдела стало ставить перед собой все более серьезные задачи. Так, на очередном заседании было решено учредить при отделении биржу труда для безработных эмигрантов, создать особую комиссию по сбору теплой одежды и топлива для неимущих эмигрантов и их семей, просить городское управление выделить за счет отдела союза наиболее бедным эмигрантам несколько платных мест в городском ночлежном доме [Помощь эмигрантам 1935].

Не желая участвовать в каких-либо интригах и расколах, ныммеский отдел выступал за сохранение единства в союзе и поддерживал нарвский центр. Поэтому на торжества по случаю пятилетнего юбилея союза, который праздновался 16 ноября 1935 г. в Нарве, из Таллинна, кроме О. П. Васильковского, приехали только представители ныммеского отдела А. В. Чернявский, И. К. Антонов, М. А. Есенов и Г. Г. Шотнев [5-летие Союза 1935].

1936 г. в истории союза ознаменовался как определенными успехами в его деятельности, так и усилением действия центробежных сил внутри союза. С одной стороны в состав союза вошли еще два подотдела в Хаапсалу и Кивиыли, и общее число членов составляло уже свыше тысячи человек [Беседа 1936а]. Союз намеревался приобрести в окрестностях Нарвы дом, который служил бы убежищем для престарелых и больных эмигрантов. Для осуществления этой цели планировалось устроить денежный сбор в Эстонии и за рубежом. В 1936 г. было решено приобрести земельный участок, где эмигранты могли бы заняться огородничеством [Нарвская хроника 1936]. С другой стороны глубокий кризис и раскол в таллиннском отделе союза принимал все более угрожающие формы, и, хотя установившееся с середины 1920-х годов противостояние между сторонниками О. П. Васильковского и А. К. Баиова формально уже было лишено первоначального содержания по причине смерти последнего, все-таки ряд принципиальных расхождений по тем или иным вопросам оставался до сих пор актуальным, в первую очередь, конечно же, для определенного числа лиц из бывшего окружения генерала Баиова. Основные же их претензии заключались, во-первых, в принципиальном неприятии кандидатуры Васильковского, во-вторых, в том, что они по-прежнему продолжали претендовать на руководящую роль как среди всех русских военных в Эстонии в целом, так и в Союзе северо-западников в частности.

Впрочем, повторимся еще раз, после смерти Баиова для некоторых из его бывших сторонников многолетнее противостояние двух лагерей потеряло всякий смысл. Усталость от бесконечных склок и раздоров, осознание безрезультативности и вреда для общего дела какого-либо противоборства любого рода группировок привело многих к мысли об общем единении всех бывших русских военных на основе взаимопомощи. Первым проявлением этой тенденции стало обособление ныммеского отдела Союза северо-западников, вставшего на позиции активного сотрудничества с нарвским центром. Однако и в самом таллиннском отделе к началу 1936 г. не наблюдалось прежнего единства, а общая риторика отдела утратила былую категоричность. Так, на общем собрании таллиннского отдела, состоявшемся 1 марта 1936 г., уже не поднимался вопрос об отделении от союза. Хотя на собрании и прозвучало много резких реплик в адрес Васильковского и нарвского правления союза, общая озабоченность была сконцентрирована на весьма плачевном состоянии самого отдела. Согласно отчету правления отдела, с осени 1935 г. после образования ныммеского отдела дела таллиннского отдела резко ухудшились: число членов с 350 человек сократилось до 220; увеличилось число злостных неплательщиков членских взносов, в результате чего общим собранием было решено исключить из списков отдела 66 человек; суммы пожертвований резко уменьшились, а некоторые жертвователи вообще отказались предоставлять какую-либо материальную помощь, так как не могли понять какому отделу ее оказывать. Вообще в докладе констатировалось пассивное отношение членов к работе союза, поэтому было даже решено организовать специальную комиссию «по оживлению деятельности отдела» [Пока 1936].

В общем после этого собрания как у присутствоваших на нем представителей нарвского центра П. А. Горбовского и С. А. Кудрявцева, так и у сторонних наблюдателей, могло сложиться впечатление, что появилась надежда на урегулирование создавшегося кризиса, и, что всего лишь несколько человек вносят в дела союза разлад. Выявить этих возмутителей спокойствия и исключить их из рядов союза предполагалось на годовом общем собрании союза в Нарве, намеченном на 26 апреля [Quidam 1936].

Однако этому плану не суждено было сбыться, так как 25 апреля, за день до намеченного срока проведения собрания, префект города Нарвы издал распоряжение о запрете по его проведению. Запрет был продиктован тем, что у властей якобы имелись сведения о том, что группа лиц готовила выступления, которые могли окончиться столкновениями. После этого правлением союза было решено в ближайшее время собрать экстренное собрание правления с целью выяснения дальнейшей судьбы Союза северо-западников [-ъ. 1936]. Но ни в ближайшее время, ни спустя несколько месяцев, собрание не состоялось, лишь 14 сентября через газету «Старый нарвский листок» правление уведомило своих членов о том, что собрание решено было провести 20 сентября. На повестку дня были вынесены следующие вопросы: 1) доклад председателя союза о деятельности центрального правления и о предполагаемом закрытии таллиннского и тартуского отделов; 2) доклад ревизионной комиссии; 3) доклад центрального правления о вредной деятельности некоторых бывших членов союза; 4) доклад центрального правлении о дополнениях и изменениях к уставу союза; 5) вопрос об открытии таллиннско-ныммеского отдела; 6) выборы правления; 7) смета на текущий год и так далее [Общее собрание 1936].

Но и на этот раз союз ожидала неудача, так как в тот же день, 14 сентября, постановлением министра внутренних дел союз был вообще закрыт, о чем его председатель О. П. Васильковский получил официальное извещение [Закрыт Союз 1936а]. Ходили слухи, что причиной закрытия союза были жалобы некоторых членов таллиннского отдела властям на незаконные действия центрального правления [Закрыт Союз 1936б]. На наш взгляд, правдоподобность такого рода слухов была вполне вероятна.

Таким образом, Союз взаимопомощи чинов бывшей Северо-Западной армии и русских эмигрантов в Эстонии прекратил свое существование. Исключение составил лишь ныммеский отдел союза, который каким-то чудесным образом, по свидетельству одного из его членов Д. С. Дольского, продолжил свою деятельность [Бойков 2004а, 103].

§ 8. Общество помощи бывшим русским военнослужащим в Эстонии

Общество было зарегистрировано 24 августа 1931 г. [Устав ОПБРВЭ 1931, 1]. Учредительное собрание нового объединения состоялось 18 октября того же года в помещении таллиннского Русского клуба. Собравшимся был прочитан устав общества, который после оглашения был подписан 44 лицами, принявшими его содержание. После проведения голосования был сформирован состав правления. Подавляющим большинством голосов в председатели общества был избран А. К. Баиов, а в члены правления — А. Е. Вандам, А. О. Штубендорф, Я. М.

Корецкий (казначей), Ф. А. Гизетти (секретарь). В состав ревизионной комиссии были избраны Э. А. Верцинский, К. Г. Бадендик и Н. К. Эссен. При обществе также был образован суд чести, в котором состояли генералы Н. Ф. Крузенштерн, В. Л. Драке, Э. А. Верцинский, А. Е. Вандам и А. О. Штубендорф [Общество взаимопомощи 1931; Объявление 1932д]. В декабре 1931 г. филиал общества был открыт в Нарве, его возглавил генерал В. И. Чижов [Объединение военнослужащих 1931]. О существовании отделов общества в других городах Эстонии нам ничего не известно.

Как уже отмечалось, создание общества было результатом конфронтации между двумя группировками русских военных в Эстонии. Факт открытия нового общества позволял сторонникам А. К. Баиова окончательно обособиться от организаций, возглавлявшихся О. П. Васильковским. В частности Общество помощи бывшим русским военнослужащим в Эстонии было создано в противовес Союзу взаимопомощи чинов бывшей Северо-Западной армии и русских эмигрантов в Эстонии, который в повседневном общении тогда называли Союзом северо-западников. Этот союз, начавший официально свою деятельность в 1930 г., ставил перед собой весьма амбициозные и масштабные цели по объединению всей русской эмиграции в Эстонии [ФГАЭ 129: 26756, 185]. Общество, созданное по инициативе А. К. Баиова, такого рода задач не имело, так как предполагало объединение лишь русских военных, к тому же преимущественно из офицерской среды. Однако в отличие от Союза северо-западников общество привлекало в свои ряды всех бывших военнослужащих русской армии любой национальности и гражданства [Устав ОПБРВЭ 1931, 1].

В уставе общества подчеркивалась его аполитичность, однако, главные его члены в дальнейшем на следствии показывали, что именно эта организация являлась в 1930-е гг. официальным прикрытием деятельности РОВС’а в Эстонии. Это на следствии подтверждал секретарь общества Ф. А. Гизетти: «Помимо устава, который предусматривал только благотворительные цели, генерал Баиов на первом же заседании членов общества внес предложение о проведении лекций и докладов, <...> а также предложил для поднятия боевого духа русского офицерства, ознакамливать его с инструкциями и сводками РОВС’а, получаемыми Баиовым из Парижа. Предложение Баиова большинством присутствовавших было принято, в то время, как другие отнеслись к этому без возражений» [ФГАЭ 129: 25418, 37].

То, что в первую очередь в цели общества входило объединение русских военных в Эстонии, доказывает и тот факт, что внешняя сторона деятельности общества ограничивалась проведением собраний и чаепитий, а о проведении каких-либо благотворительных акций по сбору средств для помощи нуждавшимся военным нам ничего не известно. Вероятно, формально благотворительная деятельность общества осуществлялась исключительно за счет членских взносов.

Собрания общества устраивались один раз в два месяца (хотя первоначально планировалось раз в месяц) в помещении таллиннского Русского клуба. Обычно на собраниях присутствовало 15–20 человек [ФГАЭ 129: 25418, 34–35]. Известно, например, что А. К. Баиовым и Б. В. Энгельгардтом были прочитаны лекции: Баиов выступил с лекцией о современном состоянии Красной армии, а Энгельгардт — о борьбе Красной и Белой армий на Кавказе [ФГАЭ 130: 1663, 22 об.]. В остальном собрания посвящались чтению и обсуждению сводок и циркуляров РОВС’а [ФГАЭ 129: 28198, 85]. В рамках деятельности РОВС’а обществом были организованы курсы начального военного образования для молодежи. Преподавателями были И. Н.

Иванов и Е. А. Быков, а в числе слушателей — братья С. В. И В. В. Заркевичи, братья В. Е. И Б. Е. Виноградовы, С. А. Ходоровский и другие [ФГАЭ 129: 25 373, 84–85].

Всего в обществе состояло около 70 человек [ФГАЭ 130: 11 566, I, 73 об.]. В их число входили А. К. Баиов, Э. А. Верцинский, А. О. Штубендорф, С. А. Медер, Р. В. Садовский, А. Е. Кудрявцев, Н. Н. Голицинский, К. Г. Баденди к, Б. В. Энгельгардт, Ф. А. Гизетти, Л. Н. Соколов, А. К. Веймарн, Г. К. Веймарн, М. Д. Ананьев, М. А. Александров, поручик Крюков, В. К. Шенк, Н. К. Эссен, В. К. Васильев, С. З. Цералов, С. В. и В. В. Заркевичи, Р. К. Наперстков, С. Н. Ивков, В. Г. Елисеев, В. К. Видякин, К. А. Вейс, подполковник Бреверн, А. В. Руммель, Б. А. Штакельберг, И. Чернов, А. В. Ефремов, В. Ф. Шлепков, П. Бистерфельдт, Е. Н. Гаусман, Р. А. Раудсепп, А. П. Мальгин, Голубев, В. Г. Елисеев, К. М. Носов, Н. Ф. Крузенштерн, Ю. Зейдлиц, И. Х. Миквиц, В. В. Нотбек, Е. А. Быков, И. Хомяков, И. Н. Иванов, ротмистр Ольшанский, В. Г. Потоцкий, А. А. Радивинович, Г. Й. Уземблo и другие. [ФГАЭ 129: 26759, 162–168].

После смерти Баиова руководителем общества стал Э. А. Верцинский. Общество было закрыто эстонскими властями еще до официального установления в Эстонии советской власти [ФГАЭ 130: 11 566, I, 105].

§ 9. Объединения бывших русских моряков

Из числа бывших военных российской императорской армии и флота в Эстонии значительную часть составляли морские офицеры, врачи и чины морского ведомства. Для некоторых по рождению, а для других по факту их службы на Балтийском флоте, Эстония стала родным краем еще до революции. Во время Гражданской войны многие из них вступили в ряды Северо-Западной армии, некоторые были привлечены на службу в эстонском флоте.

В разоренной войнами стране, которая к тому же впервые за свою историю устраивала свою жизнь как независимое государство, первоочередной задачей для всего населения республики являлось налаживание своего экономического положения, добывание средств к существованию. По причине малочисленности состава военно-морской базы военный флот Эстонии не нуждался в большом количестве моряков, тем более неэстонской национальности. Из моряков-неэстонцев, состоявших на эстонской службе по военному ведомству, нам известны немногие имена: В. А. Мунк, Э. Блумбах, Г. Э. Зальца, А. Н. Малевич, И. И. Голенищев-Кутузов. Впрочем, было бы ошибочным утверждать, что специалисты по морскому делу были мало востребованы в Эстонии. Если ВМС Эстонии не испытывала потребности в большом числе специалистов-инородцев, то торговый флот в них нуждался. Согласно закону, инженеры-механики и бывшие морские офицеры при ходатайстве могли получить диплом капитана коммерческого судна [Хроника 1921а]. Известно, что капитанами и штурманами дальнего плавания на эстонских парусных судах работали, например, лейтенанты российского флота С. И. Волков, К. И. Фон Нотбек, Б. И. Смирнов и мичман И. Ф. Викман [ГАЭ 1: 7: 28, 238 об.]. Находили себе применение и специалисты по технической части, и врачи.

Однако некоторым и в особенности старым морякам приходилось изыскивать иные возможности для заработка, что по причине преклонного возраста и слабого физического состояния было весьма проблематично. Поэтому среди моряков

возникла идея создания общества, которое на основе взаимовыручки смогло бы помочь нуждающимся сослуживцам по флоту. В силу традиционно более сильного чувства товарищеского единства на флоте, моряки в новой политической и экономической ситуации сумели быстрее организоваться и создать свое объединение, чему также способствовал и исторический опыт функционирования в Эстонии Ревельского морского собрания, действовавшего в период с 1851 по 1917 гг. [Червова 2006]. Некоторые члены этого собрания стали создателями Кассы взаимопомощи бывших русских моряков и служащих российского военного флота, которая была организована в декабре 1923 г. на товарищеском обеде по инициативе К. К. Клапье де Колонга [Хроника 1925б]. В течение следующего месяца был составлен устав, который был утвержден и зарегистрирован Таллиннско-Хаапсалуским мировым собранием. Общество, зарегистрированное под названием Кассы взаимопомощи моряков, получило официальное разрешение на свою деятельность с 6 февраля 1924 г. [Merimeeste 1924, 1].

Согласно уставу, членами кассы могли быть «лица морской, морской технической и врачебной специальностей, внесшие членский взнос и принятые по баллотировке в члены» [Merimeeste 1924, 5]. Руководство кассой осуществляло правление, состоявшее из трех членов и одного кандидата, деятельность кассы контролировала ревизионная комиссия, состоявшая из трех человек [Merimeeste 1924, 7–8]. С 1927 г. в прессе упоминался также действовавший при обществе Совет уполномоченных, выполнявший роль суда чести [Касса взаимопомощи 1927; Касса русских моряков 1927]. Хотя название и устав общества не подразумевали объединение членов по какой-либо национальной принадлежности, в печати его нередко именовали «Кассой взаимопомощи бывших русских моряков» или просто — «Кассой русских моряков».

К апрелю 1924 г. касса насчитывала 75 членов [Хроника 1925б], к марту 1927 г. в ее рядах состояло 105 человек [Касса взаимопомощи 1927а], а к пятилетнему юбилею в списке уже числилось 136 членов, правда, 35 человек из этого числа к тому времени уже покинули Эстонию, но продолжали числиться в списках кассы [5-летие кассы 1929]. В последующие годы количество членов кассы существенно не менялось и во второй половине 1930-х гг. поименный список членов общества состоял из 137 человек [Бойков 2000, 76]. Впрочем, и это число не отражало реальное количество членов объединения, так как, по всей видимости, включало в себя всех покинувших Эстонию и скончавшихся к тому времени членов. Подтверждение этому предположению содержится в газетной заметке «Вестей дня», в которой сообщалось, что в 1938 г. в обществе состояло 92 человека, а за весь период его существования умер 31 член кассы [Quidam 1938]. К сожалению, нам не известны все имена моряков, входивших в состав кассы за всю историю ее существования, известен лишь список членов на март 1927 г., где фигурировали следующие имена: К. Ю. Амелунг, М. М. Аникин, Г. С. Бакановский, В. А. Бармин, П. И. Барт, В. А. Беклемишев, П. Н. Бергштрессер, А. В. Берг, И. Ф. Берг, К. Ф. Берг, Э. М. Блюмбах, С. Н. Булгаков, А. П. Бурачек, Е. П. Васильев, К. Е. Введенский, Н. В. Ведерников, Г. Е. Вейгелин, А. В. Витгефт, В. А. Вреде, В. Ю. Гагемейстер, Ф. Ф. Гебауэр, Б. Э. Гебгардт, Л. К. Гейман, Г. А. Геннингс, В. Э. Гершельман, Н. Е. Гестеско, Г. Х. Гефнер, И. И. Голенищев-Кутузов, Н. Н. Голицинский, В. Е. Дмитриев, В. Н. Домогацкий, Н. С. Егоров, В. Л. Епинатьев, А. С. Еременко, А. Ф. Житков, Г. Э. Зальца, Э. Э. Зандау, Ю. Б. Зыбин, Г. А. Иванов, А. П. Игнатьев, И. И. Исаков, М. М. Каменев, А. В. Карцев, Д. С. Карабурджи, В. И. Квятковский, П. А. Кисляков, К. К. Клапье де Колонг, В. И. Кляшко-Олляк, Б. Г. Кнюпфер, Г. Ф. Кондратенко,

В. В. Константинов, Л. В. Коринфский, Р. Н. Кох, А. П. Левицкий, П. П. Левицкий, Н. А. Линк, Р. М. Ловягин, К. Л. Лукьянов, В. Н. Лушков, В. А. Лютер, А. Л. Лятошинский, П. А. Мазинг, В. С. Марасанов, Ю. Б. Маркович, П. И. Микеладзе, В. А. Мунк, В. И. Нейман, Б. С. Николаев, Д. Н. Николаев, Б. К. Новицкий, К. И. Нотбек, Н. Я. Павлинов, И. П. Панков, К. Н. Покровский, С. С. Политовский, В. Г. Потоцкий, Б. Ю. Романовский, М. Д. Русин, Б. Д. Севрюков, А. В. Сергеенко, Ю. К. Скляренко, К. Л. Соболев, В. И. Сперанский, П. К. Стельмах, А. В. Стеценко, Л. Н. Тамм, А. М. Титов, М. П. Третьяков, Н. А. Уткин, Д. Я. Федоров, П. Н. Филатов, О. Б. Фитингоф, К. М. Цируль, А. Е. Шолкевич, Л. А. Четвериков, А. А. Шафров, Н. З. Шеманов, М. И. Шишмарев, Б. Г. Шиллинг, С. А. Шпаковский, Э. К. Шульц, К. В. Шуманский, Б. А. Щепотьев, Б. М. Янковский [Касса взаимопомощи 1927а]. Известно, что в разное время в кассе также состояли А. А. Буше, М. К. Герарди, М. В. Жаворонков, В. А. Костенко-Родзиевский и Р. К. Фельман.

Перевыборы правления происходили ежегодно, но его состав практически не менялся. Так, должность председателя правления до 1940 г. занимал Э. К. Шульц, на места двух других членов правления неизменно выбирались Д. Я. Федоров и К. Ю. Амелунг. После смерти последнего в 1928 г. его место занял Б. Г. Кнюпфер. В состав ревизионной комиссии входили М. Д. Русин, М. И. Шишмарев, К. В. Шуманский. В Совете уполномоченных состояли В. Е. Дмитриев (председатель), Н. Е. Гестеско, С. С. Политовский, Б. Г. Кнюпфер, П. А. Кисляков, В. А. Мунк, Л. К. Гейман, А. В. Стеценко, А. В. Витгефт и Р. К. Фельман. Почетными членами кассы избирались К. Ю. Амелунг, К. К. Клапье де Колонг, П. П. Левицкий и В. Е. Дмитриев [Касса взаимопомощи 1927; Касса русских моряков 1927; Собрание членов кассы 1928; 5-летие кассы 1929; Деятельность кассы 1930].

Начальный капитал кассы в 1924 г. составлял 10 000 марок, собранных по подписным листам. В 1925 г. капитал возрос до 150 000 марок [Хроника 1925б], а в 1927 г. — до 206 000 марок [Касса взаимопомощи 1927б; Касса русских моряков 1927]. В 1929 г. сумма выросла до 3 550 крон. В общей сложности оборот кассы за 5 лет составил 17 650 крон и к материальной помощи кассы за этот период прибегали 511 раз [5-летие кассы 1929]. Помимо членских взносов еще одним традиционным способом пополнения средств общества было устройство благотворительных вечеров, которые, вероятно, проводились ежегодно, хотя упоминания по этому поводу в прессе были нерегулярны [Вечер русских моряков 1926; Ревельский день 1928; Вечер моряков 1932; Вечер О-ва 1933]. Кроме благотворительных вечеров проводились и вечера встречи сослуживцев по Российскому императорскому флоту, которые устраивались каждый год 19 ноября (6 ноября по старому стилю) в день храмового праздника морского училища [Объявление 1926д; Объявление 1932б; Объявление 1937б].

Касса взаимопомощи моряков была легальной организацией и входила во Всезарубежное объединение морских организаций (Париж) под руководством адмирала А. И. Русина, но помимо нее в Таллинне существовала и другая организация русских морских офицеров, которая официально не была зарегистрирована и действовала подпольно. Объединение бывших русских моряков в Эстонии было организовано приблизительно в то же время, что и Касса взаимопомощи моряков, и в его состав входили практически те же члены. Во главе ее стоял адмирал П. П. Левицкий, который являлся представителем великого князя Кирилла Владимировича в Эстонии, поэтому объединение представляло собой еще и

организацию «кирилловцев». После смерти П. П. Левицкого в 1938 г. во главе объединения встал К. И. фон Нотбек [Бойков 2001а, 7].

В 1929 г. в Париже был образован Военно-Морской союз, который возглавил вице-адмирал М. А. Кедров. Союз имел строевой характер и находился во взаимодействии с Русским Обще-Воинским Союзом (РОВС). Имеются сведения, что Объединение бывших русских моряков в Эстонии входило в состав союза [Бойков 2000, 76; Волков 2003а, 346]. Известно также, что из моряков, которые проживали не в Таллинне, в рядах союза состояли старший лейтенант Л. Недзведцкий и лейтенант В. Домогацкий, о чем сообщалось в официальном приказе по Военно-Морскому союзу за №77 от 8 августа 1930 г., опубликованном на страницах журнала «Часовой» [Военно-Морской союз 1930].

§ 10. Молодежные организации

Работа с русской молодежью, воспитание подрастающего поколения в духе традиций дореволюционной России были одними из приоритетных задач русских военных. Пожалуй, самым активным и эффективным направлением этой деятельности являлась работа со скаутскими организациями. Изначально скаутское движение создавалось его основателем английским полковником Р. Баден-Пауэллем как форма подготовки с юных лет будущих разведчиков и солдат вообще [Окороков 2000, 35–36]. В Россию идеи скаутизма пришли в 1909 г., когда в Павловске полковником О. И. Пантюховым была организована первая дружина русских скаутов [Там же, 36]. В Эстонии первый скаутский отряд начал свою работу в 1912 г. в Нарве [О. Т. 1937], в 1914 г. при поддержке директора Александровской гимназии В. Г. Бархова скаутизм стал развиваться и в Тарту [Шор 2005, 119–120]. Первое упоминание о создании отряда русских скаутов в Таллинне относится к 1917 г.: в начале года один отряд был организован Г. Г. Экштейном [Цыновский 1936], также имеются сведения, что существовал еще один отряд под руководством капитана Любарского [10-летний юбилей 1930].

В период независимости Эстонской Республики деятельность русского скаутского движения была возрождена в 1920 г. Как сообщалось в газетной заметке, посвященной 10-летнему юбилею Отдела русских скаутов в Эстонии, руководители скаутских отрядов установили связь со старшим русским скаутом полковником О. И. Пантюховым и с его благословения 20 июня 1920 г. открыли эстонский отдел под руководством В. С. Утехина [10-летний юбилей 1930]. Всего к концу сентября 1921 г. всех скаутов в Эстонии насчитывалось около 6000 человек, из них приблизительно 400–500 скаутов принадлежало к национальным меньшинствам. В Тарту было около 28 отрядов, из которых 25 были эстонскими и 3 неэстонскими. В Таллинне существовало 30 отрядов: 21 эстонский, 5 немецких, 3 русских и 1 еврейский [Хроника 1921д]. В сентябре 1921 г. по инициативе К. Д. Троицкого из учеников Нарвской городской русской гимназии был создан Нарвский Георгиевский отряд бой- и герл-скаутов, официально начавший свою деятельность 11 ноября 1921 г. [Емельянов 1937, 1].

Таким образом, к концу 1921 г. в Эстонии действовало по меньшей мере 4 отряда русских скаутов. Скорее всего, общего руководства и координации между ними не существовало, и каждый из этих отрядов проводил свою работу обособленно.

Вероятно, связь плохо поддерживалась, или вовсе отсутствовала, с главой «Организации русских скаутов за границей» О. И. Пантюховым, так как в его приказе № 34 от 24 сентября 1921 г. говорилось о проведении летних лагерей во Франции, Финляндии, Болгарии, окрестностях Константинополя и Берлине, но об Эстонии ничего не сообщалось [Окороков 2000, 37].

В силу разных причин работа скаутских дружин была нестабильной. Например, в 1923 г. из-за загруженности своими делами К. Д. Троицкий отошел от руководства нарвской дружиной, и в сентябре отряд прекратил свое существование [Емельянов 1937, 2]. В начале 1920-х гг. в Таллинне скаутские отряды были весьма разрознены. Поначалу довольно успешно, благодаря американской поддержке, осуществлялась деятельность русского отдела при Христианском Союзе Молодых Людей (ХСМЛ). По воспоминаниям председателя этого отдела Н. Ф. Федорова, самыми активными участниками отдела были бывшие северо-западники, которые всячески стремились развивать среди молодежи их национальное самосознание [Федоров 2005, 322–323]. Именно при этой организации в 1924 г. скаут-мастеру Б. Э. Цыновскому удалось объединить в Таллинне до 200 скаутов из разрозненных скаутских отрядов [Русские скауты 1925; Пономарева 2001, 201]. Однако активная деятельность отдела со временем стала вызывать определенное недовольство эстонских властей, что, в конечном счете, привело к его ликвидации в 1926 г. [Федоров 2005, 323]. В результате скаутский отряд при ХСМЛ сократился до 90 скаутов, а большая часть скаутов объединилась в таллиннскую дружину Отдела русских скаутов в Эстонии, который к концу 1926 г. насчитывал 150 человек. Таллиннская дружина состояла из 8 отрядов: 3 отряда морских скаутов, 2 сухопутных, 2 отряда герл-скаутов старшего возраста и отряд малолетних скаутов («птенчиков») [Крибский 1926].

Все-таки к середине 1920-х гг. русское скаутское движение стало получать все большее распространение. Какое-то время русские скаутские отряды существовали в Хаапсалу и Раквере, но по причине отсутствия руководителей были вынуждены закрыться [Цыновский 1936]. В 1926 г. русский скаутский отряд в Печорах состоял из 60 скаутов [Крибский 1926]. 23 апреля 1926 г. была образована Дружина русских морских скаутов «Ругодив» в Нарве[31]. Ее основателем и командором был лейтенант российского флота Ю. А. Зильберг (сын генерал-майора А. А. Зильберга), его помощником и инструктором — Г. В. Эрих, инструктором по плаванию — Деверс, а инструктором по плаванию на шлюпках — капитан 2-го ранга В. В. Гернет. В дружине были и русские, и эстонцы, и немцы, — всего 168 человек. В сентябре того же года дружиной был приобретен парусный бот [В. Г. 1926; Стэр 1926].

В 1926 г. деятельность русских военных в Эстонии активизировалась. К этому моменту уже были организованы Касса взаимопомощи моряков, Союз русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии, ежегодно устраивались собрания георгиевских кавалеров, бывших однополчан и воспитанников кадетских корпусов и военных училищ; непосредственно в 1926 г. открылись отделения Союза русских увечных воинов в Таллинне и Тарту, был создан Комитет «Дня русского инвалида». Вместе с тем представители сообщества русских военных в Эстонии все более стали обращать внимание на работу с русской молодежью. Еще в конце ноября 1924 г. состоялось годовое собрание общества «Русская школа в Эстонии», в члены которого

[31] В историческом очерке П. Емельянова указывалась другая дата основания дружины — 16 февраля 1925 г.; здесь же говорилось о том, что 19 декабря 1926 г. был создан еще один отряд — «Петр Великий» [Емельянов 1937, 2]. Подтверждений существованию отряда «Петр Великий» найти не удалось. Что касается даты основания морской дружины, то, согласно газетным публикациям, например, первая годовщина дружины была отмечена 23 апреля 1927 г. [Н. Е. 1927; Б. Т. 1927].

были выбраны полковники К. Г. Бадендик, Б. В. Энгельгардт и старший лейтенант российского флота А. Ф. Житков [Таммери 1924]. В 1925 г. в правление общества вошел генерал А. К. Баиов; с 1924 г. он же возглавлял Родительский комитет Таллиннской русской гимназии, а в 1926 г. стал членом общества «Дом русского ребенка» [Абисогомян 2003, 52–54].

Постепенное распространение своего влияния в среде скаутов военные во главе с А. К. Баиовым начали с Таллиннской дружины русских скаутов, при которой существовало Общество друзей русских скаутов. По словам Цыновского, в 1926 г. прошли перевыборы правления Общества, в которое вошли А. К. Баиов, Т. В. Штакельберг, полковник В. К. Шенк, Г. В. Бархов и М. П. Киршбаум. Правление избрало начальником Отдела русских скаутов в Эстонии Баиова [ФГАЭ 129: 26 751, 29]. В этом качестве Баиов уже 27 ноября 1926 г. выступил перед скаутами в Таллиннской городской русской гимназии, где состоялось празднование Дня матери [Старый скаут 1926].

Об избрании Баиова начальником Отдела правление Общества друзей русских скаутов известило руководителя всех русских скаутских объединений за рубежом О. И. Пантюхова. Однако приказом № 188 от 24 марта 1927 г. Пантюхов назначил на это место А. В. Просвирнина [Просвирнин 1927; ФГАЭ 129: 26 751, 30]. По вопросу о том, кто должен возглавить Отдел, между Просвирниным и Баиовым в 1927 г. произошел конфликт. Баиов категорически отказался подчиниться Просвирнину и в то же время начал вести активную переписку с О. И. Пантюховым [Из жизни 1927; Просвирнин 1927; Баиов 1927б; Баиов 1927в]. В результате на пост руководителя эстонского Отдела О. И. Пантюхов приказом № 200 от 14 ноября 1927 г. утвердил кандидатуру Баиова [Баиов 1927г]. В подчинении А. В. Просвирнина остался только отряд скаутов при ХСМЛ. Таким образом, в Таллинне русское скаутское движение оказалось разделенным на два лагеря.

Тем временем в Нарве развитие русского скаутизма набирало все больший размах. В середине марта 1927 г. морская дружина «Ругодив» насчитывала 6 отрядов бой-скаутов и 2 отряда герл-скаутов. Каждый отряд работал самостоятельно, имел свой штаб, квартиру, канцелярию и начальника. Командором дружины был ее основатель лейтенант российского императорского флота Ю. А. Зильберг. Начальником главного штаба и вице-командором был Г. В. Эрих, адъютантом дружины Н. Еремеев. Начальником 1-го отряда был М. Ходунов, 2-го отряда — В. Воркаль, 3-го отряда юнг — А. Русаков, 4-го отряда особого назначения — А. Лебедкин, 5-го отряда «Морской орел» скаутов Нарвской Суконной мануфактуры — К. Белов, 6-го отряда — Е. Владимиров, 1-го отряда морских герл-скаутов — К. Хортова, 2-го отряда морских герл-скаутов — Е. Архипова [Н. Е. 1927]. В каждом отряде дружины было в среднем по 40–50 человек [Б. Т. 1927]. В мае 1927 г. к дружине присоединился еще один отряд, который 11 июля был официально утвержден и получил наименование «1-го Нарвского сухопутного отряда» [Поднятие флага 1927; Памятка 1936; Емельянов 1937, 2], и численность дружины возрасла до 200 девочек и мальчиков [Праздник скаутов 1927]. Среди всех скаутских отрядов в Эстонии Нарвская дружина была самой оснащенной: в ее распоряжении были вельбот и 5 байдарок [Открытие гавани 1927]. В августе Ю. А. Зильбергом был приобретен парусник, на котором скауты стали выходить в море [Командировка 1927]. При дружине действовала школа юнг, капитаном которой был В. Русаков [Русаков 1927].

Еще до официального вступления в должность начальника Отдела русских скаутов в Эстонии А. К. Баиов в начале сентября 1927 г. назначил представителем

главного штаба отдела русских скаутов в Нарве В. В. Гернета [Из жизни 1927]. Однако после того как сам Баиов был официально утвержден О. И. Пантюховым на посту начальника Отдела, в благополучной и стремительно развивающейся нарвской дружине начались проблемы. Суть этих проблем осталась неизвестной, так как в прессе об этом ничего не сообщалось, но есть основания предполагать, что причина крылась в несогласии некоторых скаутов и их руководителей с неожиданными переменами в руководстве Отдела. В течение 1928 г. В. В. Гернет вместе с лейтенантом российского флота В. Н. Домогацким и В. В. Христофоровым пытались наладить работу в дружине, но центробежные тенденции в среде скаутов оказались сильнее, и в скором времени от дружины остался только 1-й Нарвский сухопутный отряд, а к концу года нарвская дружина морских скаутов «Ругодив» прекратила свое существование [Емельянов 1937, 2].

Таким образом, в 1929 г. в Нарве остался только один небольшой отряд под руководством В. В. Гернета при Нарвской городской русской гимназии, который насчитывал 30 скаутов и состоял из трех патрулей: «Орел», «Бобер» и «Волк» [У русских скаутов 1929]. Отрядом выпускался журнал «Бой-скаут» [В. 1929]. Работа отряда, как утверждали сами его члены, строилась совершенно на других началах, чем в «Ругодиве». Как писалось в прессе, целью благотворительных мероприятий дружины являлся сбор средств, «но не для шитья «адмиральской» формы, как это делалось в свое время малосознательными девицами и юношами-членами «Ругодива», так бесславно дожившего свои дни», а в пользу детей Принаровья, пострадавших от наводнения, часть средств планировалось передать в фонд помощи неимущим ученикам гимназии, другую часть средств предполагалось использовать для приобретения пособий [Вечер русских скаутов 1929].

Все же постепенно нарвская дружина стала возрождаться, раширяя круг своей деятельности, которая теперь в большей степени заключалась в оказании помощи нуждавшимся. Скауты этой дружины занимались также приведением в порядок заброшенных могил на Ивангородском кладбище, а также помогали бедным семьям. Так, в 1929 г. на Рождество скауты подарили 2 елки с украшениями и сладостями двум неимущим семьям, в 1930 г. вырученные с продажи двухсот открыток деньги были также переданы двум бедным семьям. В феврале 1930 г. при Нарвской дружине был открыт еще один отряд бой-скаутов. В Новом Изборске дружина организовала первую шестерку «волчат». В общем, деятельность дружины была высоко оценена руководителем русских скаутов в Эстонии А. К. Баиовым, наградившим дружину знаком отличия [Работа русских скаутов 1930; У русских скаутов 1930а]. 16 августа 1930 г. был утвержден устав 1-го морского отряда русских скаутов в Нарве [Г. К. 1931]. Теперь нарвский отдел русских скаутов состоял из Нарвской дружины русских скаутов, 1-го Нарвского отряда русских скаутов и 1-го Нарвского морского отряда русских скаутов.

Кроме организации отряда «волчат» в Новом Изборске стараниями нарвских скаутов в начале июня 1930 г. в Нарва-Йыэсуу был организован отряд морских скаутов из 20 человек. Отряд организационно входил в состав 1-й Нарвской дружины [Отряд морских скаутов 1930]. В ноябре 1933 г. в Нарва-Йыэсуу был также создан отряд русских сухопутных скаутов под руководством М. П. Седельникова, его помощниками были А. Вяткин (вероятно, сын капитана 2-го ранга А. А. Вяткина), адъютант В. Седельников, звеновожатые Г. Мюльбах и Н. Фролов, и их помощники В. Виноградов и А. Ивкин. Отряд был объединен с Дружиной русских скаутов в Нарве [Волков 1933]. Видимо, не без участия нарвитян в конце мая 1930 г. в Кивиыли начал формироваться отряд русских скаутов. Предполагалось, что к 1 июня

отряд в 20 человек будет сформирован. Начальником отряда был бывший гвардейский офицер А. К. Серпухов, а помощником — абитуриент Ю. В. Назимов [Бой-скауты 1930]. В начале 1934 г. был организован патруль из 12 человек в деревне Криуши. Патруль входил в состав нарвской Дружины русских морских скаутов [Скауты в Криушах 1934]. В 1935 г. в деревне Низы было открыто отделение 1-й Нарвской дружины под руководством учителя М. Шмаронова, там же был организован еще и отряд герл-скаутов под руководством Е. Шмароновой. В дружине насчитывалось 150 скаутов [Праздник 1935]. С 1933 г. нарвские скауты организавовали еще несколько отрядов в деревнях Принаровья [Емельянов 1937, 2]. До 1937 г. скаутские отряды были организованы в Кютте-Йыу. Руководителем местной дружины русских скаутов был полковник Н. В. Самохвалов, его помощником С. Толмачов; Общество друзей русских скаутов возглавлял А. Швецов, в число его членов также входили А. Бенкендорф (возможно, полковник) и генерал В. И. Чижов. Начальницей отряда герл-скаутов была В. И. Плутус. Общее число скаутов достигло 250 человек [Русские скауты 1937; Вечер 1938].

В начале 1930-х гг. в руководстве нарвских скаутов произошли некоторые изменения. Начальником 1-го Нарвского отряда скаутов был Н. А. Горшков [У русских скаутов 1930б]. Начальником 1-й Нарвской дружины русских скаутов стал К. И. Луга [В лагере 1932]. В. В. Гернет отошел от руководства и был избран почетным членом дружины [Приветствие 1932]. Начальником 1-го Нарвского морского отряда русских скаутов был Н. Еремеев [Г. К. 1931].

В апреле 1931 г. все скаутские отряды в Нарве были переименованы. Приказом А. К. Баиова от 20 апреля Нарвская дружина русских скаутов была переименована в 1-ю Нарвскую дружину русских скаутов, 1-й Нарвский отряд русских скаутов во 2-ю Нарвскую дружину русских скаутов и 1-й Нарвский отряд русских скаутов в Нарвскую морскую дружину русских скаутов [Емельянов 1937, 2]. У многих в Нарве складывалось впечатление, что подобного рода приказы являлись единственным проявлением участия А. К. Баиова в жизни русских скаутов. В газетах стали появляться упреки в его адрес. В частности в одной из статей отмечалось, что А. К. Баиов, «к глубокому сожалению, кроме «приказов» и «приказаний» никакой поддержки не оказывает» [Годовщина 1932].

Тем не менее, все скаутские отряды нуждались в финансовой помощи, поэтому, начиная с 1930 г. в Нарве по примеру таллиннской организации планировалось создание Общества друзей русских скаутов [Б. Т. 1930]. Первое такое общество было образовано при дружине морских скаутов, его организационное собрание состоялось 6 июня 1933 г. Было избрано правление, в которое вошли бывший капитан лейб-гвардии Семеновского полка и Семеновского полка Северо-Западной армии П. А. Цур-Мюлен, капитан Ревельского полка Северо-Западной армии П. А. Горбовский, П. П. Иванов, П. П. Николаев и С. С. Сергеев; в ревизионную комиссию — Я. А. Озеров, С. В. Еремеев и А. А. Лукьянов. В обществе друзей также состоял членом подпоручик по Адмиралтейству Н. Д. Гужавин. В докладе о состоянии дружины отмечалось, что за время ее существования было приобретено имущества на сумму более 1000 крон, в том числе большая моторная лодка «Скаут» мощностью 17 лошадиных сил, бот «Моряк» и 4 байдарки. На тот момент еще не было выплачено за моторную лодку около 80 крон, также имелись и другие долги на сумму около 70 крон, дружина нуждалась в средствах на форму скаутов [Общество друзей 1933; Морские скауты 1933; Торжество 1933].

В 1935 г. для изыскания дополнительных средств при обществе была организована еще и хозяйственная комиссия. Всего в обществе состояло около 60

членов [В Обществе 1935]. При 1-й дружине тоже было создано Общество друзей русских скаутов, его возглавил подпоручик Волынского полка Северо-Западной армии Н. А. Лидке. 2-я дружина находилась под покровительством Общества друзей русских скаутов при Морской дружине [Емельянов 1937, 2]. Видимо, этому обществу удалось решить многие проблемы русских скаутов, так как в ноябре 1934 г. в соответствии с приказом начальника Национальной организации русских скаутов-разведчиков О. И. Пантюхова состоялось награждение орденом «Белого Медведя» 2-й степени за большую работу по развитию скаутизма председателя Общества друзей русских скаутов при морской дружине П. А. Цур-Мюлена и председателя такого же Общества при дружине сухопутных скаутов Н. А. Лидке [Высшие скаутские награды 1934].

Весьма активную работу с молодежью русские военные проводили и в Таллинне. Помимо работы со скаутами некоторые военные принимали деятельное участие в обществе «Витязь». В разные периоды существования общества его председателями были полковник К. Г. Бадендик [ФГАЭ 130: 15093, 57], капитан Ф. А. Гизетти [ФГАЭ 129: 25418, 50]; сокольскую гимнастику преподавали капитан Е. А. Быков (в конце 1930-х был заведующим хорового отдела [ФГАЭ 130: 4206, 17]) и офицер Северо-Западной армии А. С. Гущин, фехтование — офицер И. К. Попов [Шуманский 1933]; заведующим историческим отделом был полковник Б. В. Энгельгардт, функции заведующего литературным отделом некоторое время выполнял мичман А. В. Руммель; членами правления были капитан Г. С. Бернов, подпоручик Д. М. Ананьев, прапорщик Д. С. Дольский, прапорщик по Адмиралтейству К. В. Шуманский [ФГАЭ 129: 25418, 53–58].

Одним из организаторов в 1931 г. «Кружка русской старины» в частной русской гимназии общества «Русская школа в Эстонии» являлся Ф. А. Гизетти [Вечер «Русской старины» 1931]. Он же стал председателем совета руководителей дружины витязей и дружинниц при Русском Студенческом Христианском Движении. Подготовка к открытию дружины велась с осени 1931 г., и в начале марта 1932 г. дружина официально начала свою деятельность. В дружине было 8 кружков, объединявших 70 человек. [Витязи 1932]. В конце июля 1932 г. при нарвском отделении Русского Христианского Студенческого Движения была тоже организована дружина «Русский витязь». Целью дружины было поднятие национального самосознания и религиозного чуства среди молодежи, а также развитие спорта. Руководителями дружины были протоиерей П. Дмитровский, доктор А. Круглов, капитан Б. Б. Ваббуль и Т. М. Фомина [«Русский Витязь» 1932]. В конце 1930-х гг. в руководстве дружины также принимал участие штабс-капитан М. М. Навроцкий [Бойков 1996в, 20]. В марте 1934 г. при обществе «Святогор» Д. Ермоловым был организован скаутский кружок из 12 человек, который носил имя «Георгиевский» [Новый скаутский кружок 1934].

3 июля 1934 г. в Нарву приехал А. К. Баиов, который ознакомился с деятельностью дружин русских скаутов в Нарве и провел совещание с местными деятелями скаутизма на предмет налаживания совместной работы всех дружин [Ген. Байов 1934]. В результате А. К. Баиовым, при содействии К. И. Луга, П. П. Емельянова, И. Ф. Прам и Г. А. Печникова, в Нарве была утверждена школа скаут-инструкторов [Емельянов 1937, 2]. Первый выпуск этой школы состоялся уже после смерти А. К. Баиова 6 октября 1935 г. [Праздник 1935]. Между тем этот приезд А. К. Баиова свидетельствовал об определенном кризисе в таллиннском скаутском движении, и Баиов пытался укрепить свои позиции среди нарвских скаутов, которые по уровню развития своей деятельности были всегда на порядок выше, чем их

таллиннские коллеги. К 1934 г., согласно сведениям Б. Э. Цыновского, в Таллинне в подчинении Баиова осталось немного скаутов: «Из случайных встреч я узнал, что скаутов у Баиова совсем мало, особенно в Ревеле, и что он ведет переговоры с группой, оставшейся при Х.С.М.Л., о вхождении их к нему в отдел» [ФГАЭ 129: 26751, 44]. Руководством Баиова были недовольны некоторые из его сотрудников, в частности К. Г. Бадендик, который «бранил Баиова за его малую энергию, говорил, что тот слишком стар, а все почему-то не уходит, что в организации ничего не делается, что везде полный беспорядок» [ФГАЭ 129: 26751, 46].

После смерти А. К. Баиова Отдел русских скаутов в Эстонии временно возглавил полковник Б. И. Бессонов, который до этого какое-то время возглавлял скаутское движение в Печорах [Бойков 1998а, 118], а затем переехал в Таллинн, где входил в руководство Отдела и являлся издателем скаутского журнала «Звено» (вышло только 2 номера в 1932 г.). Б. И. Бессонов активно приступил к работе и особенное внимание уделил организации нарвских скаутов, которая в отличие от таллиннской продолжала развиваться и увеличиваться: 17 июня 1935 г. была образована Нарвская имени святой Татьяны дружина русских герл-скаутов [Емельянов 1937, 2].

29 июля 1935 г. Б. И. Бессонов прибыл в Нарву вместе с руководителем русских скаутских организаций в Латвии К. Р. Портновым. Бессонов выступил с докладом «О путях развития и укрепления русского скаутизма в Эстонии», а Портнов — с докладом «О жизни и развитии русского скаутизма в Латвии». После обсуждения с руководителями нарвских скаутов ряда организационных вопросов было решено объединить все Общества друзей русских скаутов в одно и опекать все дружины скаутов в Нарве и ее окрестностях [У русских скаутов 1935]. Второй раз Б. И. Бессонов приехал в Нарву 15 сентября на 5-ю годовщину Нарвской дружины морских скаутов. К этому времени О. И. Пантюхов назначил своим представителем в Эстонии полковника В. К. Видякина, а Б. И. Бессонов был утвержден исполняющим обязанности начальника отдела [5-ая годовщина 1935].

Однако руководство Отделом Б. И. Бессонова продлилось не долго: уже к концу 1935 г. его сменил капитан 1-го ганга С. С. Политовский. Свою деятельность в качестве руководителя он начал так же, как и Б. И. Бессонов, с нарвских скаутов. Его приказом от 7 января все нарвские отряды скаутов были подчинены начальнику Нарвского района В. В. Гернету. По его распоряжению все нарвские дружины были переименованы: 1-я дружина была переименована в Нарвскую имени атамана Платова дружину русских скаутов, 2-я дружина в Нарвскую имени генерала Скобелева дружину русских скаутов, морская дружина была переименована в Нарвскую имени адмирала Нахимова дружину русских скаутов. Также был сформирован отряд герл-скаутов под руководством М. Ф. Алексеевой. 22 февраля В. В. Гернет был освобожден по личной просьбе от своей должности, его сменил П. П. Николаев [Емельянов 1937, 2].

26 апреля С. С. Политовский снова посетил Нарву по случаю празднования скаутами дня святого Георгия. По приказу О. И. Пантюхова Политовский вручил высшую скаутскую награду (свастика) П. П. Николаеву и С. В. Еремееву. Последний был к тому же произведен Политовским в скаут-мастеры. От своего имени Политовский преподнес дружине в дар материал для форменной одежды, что для дружины было очень значительным вкладом, так как многие скауты являлись детьми малоимущих родителей [Праздник 1936].

8 ноября 1936 г. С. С. Политовский умер, и через какое-то время начальником русских скаутов в Эстонии стал капитан Е. А. Быков. Однако период его руководства был непродолжительным, так как в таллинской организации опять начались склоки,

и к тому же Быков не владел в достаточной степени эстонским языком, что было необходимо, так как по новому закону о молодежных организациях все скауты в Эстонии должны были объединиться в одну организацию [Перемены 1937]. В начале марта 1937 г. Е. А. Быков сложил свои полномочия. В этом же месяце должны были состояться перевыборы правления Общества друзей русских скаутов [У русских скаутов 1937].

Новый закон о реформе работы молодежных организаций в Эстонии стал причиной раскола в таллиннском центре Отдела русских скаутов в Эстонии и серьезных проблем для всех скаутских отрядов по всей Эстонии. К примеру, в марте в Кивиыли местная дружина русских скаутов была закрыта, и частично некоторые скауты вошли в Кружок помощи русским инвалидам и охраны памятников на русских братских могилах [Е. А. 1937]. В Нарве предполагалось слияние морских и сухопутных скаутов, но из этого ничего не получилось, и дружина морских скаутов прекратила существование. Правда, в июне 1938 г. она была реорганизована в качестве 8-го племени Нарвской скаутской дружины, под руководством Н. С. Еремеева. Свои финансовые проблемы племя в начале пыталось решать путем самообложения, но вскоре была создана комиссия, в которую вошли Б. Давиденков, П. Сазиков, С. Сергеев, С. Насонов, Р. Пилюнов, В. Агеев и С. Нилов; в ревизионную комиссию — В. Чижиков, В. Федоров и С. Еремеев, заместителем И. Жгун. Был также создан дамский кружок в составе Е. Чижиковой, А. Яковлевой, Т. Ниловой, И. Егоровой, О. Таммик и Е. Агеевой [У русских скаутов 1939]. В 1940 г. старшиной племени стал М. В. Рандин. Всего в племени было 50 скаутов [Из жизни 1940].

Не может вызывать сомнения тот факт, что участие русских военных в деятельности русских скаутских организаций в Эстонии имело свою ярко выраженную идеологическую окраску, особенно в период руководства А. К. Баиова, когда воспитание скаутов велось в духе верности традициям дореволюционной русской культуры, преданности монархическим идеалам и воинской дисциплине. Это подтверждали все, кто входил в близкое окружение А. К. Баиова и проводил подобного рода работу среди русской молодежи [ФГАЭ 129: 25 418, 49; 26 759, 33; 130: 1663, 48; 11 566: т. 1, 23; 15 093, 58, 60]. В задачи Баиова и его окружения входило не только сохранение и распространение своей идеологии среди подрастающего поколения, но и более радикальные планы. «Я видел, что генерал Баиов путем организации бой-скаутских отрядов из белоэмигрантской молодежи готовит кадры для будущей войны против СССР...», — утверждал на следствии скаут-мастер Б. Э. Цыновский [ФГАЭ 129: 26 751, 71]. В 1927 г., когда Запад и СССР были очень близки к началу войны, А. К. Баиовым вполне серьезно рассматривался вариант привлечения скаутов к террористической деятельности. Только благодаря категорическому протесту Б. В. Энгельгардта, от этой затеи отказались [ФГАЭ 138: 1: 47, 182–183].

Некоторое влияние русские военные имели и среди русского студенчества. В сеньорен-конвент таллиннской студенческой корпорации «Ergonia» входили полковники Н. Н. Голицинский и Б. И. Бессонов [Бойков 1999, 88]. Почетным филистром этой же корпорации был генерал О. П. Васильковский [Исаков 2000, 114]. Конечно, нельзя не учитывать и то, что самое непосредственное воспитание молодого поколения осуществлялось в семьях самих военных. Поэтому нет ничего странного, что, например, пасынки А. К. Баиова Сергей и Владимир Заркевичи были активными членами РОВС'а, полкового объединения лейб-гвардии Егерского полка, Общества помощи бывшим русским военнослужащим в Эстонии.

Не без определенного участия русских военных из числа монархистов-кирилловцев в Эстонии была создана организация младороссов [Бойков 2001а, 88; Исаков 2001б, 100–1001], к созданию русских фашистских групп в Эстонии русские военные (капитан 1-го ранга Э. К. Шульц, бывший начальник контр-разведки Северо-Западной армии Г. Г. Кромель) тоже имели непосредственное отношение [Бойков 2003, 70–120], но постепенно уже в 1930-е годы русская молодежь стремится стать более самостоятельной, выйти из под опеки «отцов». В деятельности эстонского отдела Национального союза русской молодежи (с 1931 г. — Национальный союз нового поколения, с 1936 г. — Национально-трудовой союз нового поколения) принимали участие уже те, кто не успел по возрасту связать свою судьбу со службой в российской армии, и, хотя на следствии в застенках НКВД члены этого союза иногда упоминали имена Б. И. Бессонова или Ф. А. Гизетти [Бойков 1998а, 118, 120, 121–122], их участие в истории отдела не носило определяющего характера, так как основными деятелями движения были все-таки представители более молодого поколения.

* * *

Изложенный в данной главе материал не является исчерпывающим, однако и на его основе можно утверждать, что роль русских военных в истории Эстонии 1920–1930-х годов была далеко не второстепенной. Даже не учитывая серьезный вклад в благополучный исход эстонской Освободительной войны и обретение Эстонией независимости, обзор деятельности русских военных за последующие два десятилетия позволяет говорить о ее значительности.

Прежде всего русские военные специалисты оставили заметный след в деле обучения эстонских военных кадров: многие военные служили в эстонских вооруженных силах, передавая свои опыт и знания военнослужащим молодой эстонской армии; определенная часть преимущественно высших чинов бывшей русской армии сыграла существенную роль в сфере преподавания военных наук в эстонских военных учебных заведениях. Знания и интузиазм русских военных оказались весьма благотворными и для русского школьного образования.

Стоит учитывать и тот факт, что большому числу русских военных приходилось осваивать новые специальности, занимаясь зачастую неквалифицированным и низкооплачиваемым трудом. Тем не менее их труд, несомненно, приносил только пользу для экономики молодого государства, которому приходилось поднимать свое хозяйство из руин, оставленных многолетними войнами. Ярким примером такой работы явилось использование принудительного труда русских солдат и офицеров на лесных, торфяных и сланцевых заготовках. Благодаря этому низкооплачиваемому труду эстонское государство решило весьма серьезную проблему снабжения населения топливом в тяжелое время отопительного сезона первого года независимости. Русские военные работали на заводах и в мастерских, открывали частный бизнес, занимались разработкой новых изобретений и т. д.

Русские военные были, пожалуй, самыми стойкими, убежденными и ярыми поборниками сохранения традиций русской дореволюционной культуры и российских государственных идеалов. В целях сохранения корпоративного единства русские военные создавали полковые объединения, ежегодно организовывали встречи выпускников кадетских корпусов, военных училищ и академий, устраивали встречи георгиевских кавалеров. Очень большое внимание русские военные уделяли помощи бедным и инвалидам из своей среды, поэтому ими были созданы такие

организации, как Касса взаимопомощи моряков, Союз взамопомощи чинов бывшей Северо-Западной армии и русских эмигрантов в Эстонии, Союз русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии, Комитет «Дня русского инвалида», Союз русских военных инвалидов в Эстонии, Общество помощи бывшим русским военнослужащим в Эстонии; некоторое участие военные принимали и в деятельности благотворительного общества «Белый крест». Благодаря деятельности этих организаций за все время их существования были собраны значительные средства, которые спасли и поддержали многих нуждавшихся.

Отстаивание и сохранение идеалов дореволюционной русской культуры и государственности также проявлялось в верности раз данной присяге царю и отечеству, в верности русскому православию. На практике это выражалось в пропаганде этих идеалов, которая велась на страницах газет и других печатных изданий, в разного рода эмигрантских организациях, а также путем публичных акций и мероприятий. Свои идеалы русские военные стремились передать подрастающему поколению, поэтому ими велась активная работа в некоторых молодежных организациях (Объединение русских скаутов в Эстонии, спортивное общество «Витязь», общество «Русская школа в Эстонии» и т. д.).

Деятельность русских военных в общественных и корпоративных организациях имела легальный характер, но в большинстве случаев эти организации являлись прикрытием для ведения конспиративной работы, связанной с пропагандой монархических и антибольшевистских идей, с ведением разведывательных и диверсионных действий на территории СССР. Несмотря на то, что эта деятельность в большинстве случаев не имела эффективных результатов, однако, были и некоторые удачи, как, например, контрразведывательная деятельность Б. В. Энгельгардта и его сотрудников, а также создание диверсионных групп на территории СССР нарвской группой северо-западников в 1930-х гг.

Большой урон консолидации и сплочению русских военных в Эстонии нанесла вражда между генералами А. К. Баиовым и О. П. Васильковским. Этот конфликт был связан, по сути, со стремлением обоих генералов утвердить свое главенство над всеми русскими военными в Эстонии и нежеланием идти на какой-либо компромисс, что послужило причиной раскола русских военных на два противоборствующих лагеря. В конечном счете это исключительно негативно сказалось на престиже и деятельности всех начинаний русских военных, привело к распылению сил и средств, что в свою очередь сделало невозможным то, к чему они стремились, то есть к объединению всех русских военных и всей русской эмиграции.